ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА № 18 МАЙ 1987

ТРЕТЬЯ ВЕСНА

РАССКАЗ ВЯЧЕСЛАВА ШУГАЕВА

ФОТОВЕРНИСАЖ БАЛЬТЕРМАНЦА

В ЕДИНСТВЕ НАША СИЛА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 18 (3119)

2—9 МАЯ

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

Фотоэтюд Сергея ИВАНОВА

НА ЧЕТВЕРТОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

Рисунок Валентина РОЗАНЦЕВА

Оформление Н. П. КАЛУГИНА при участии О. И. КОЗАК.

Телефоны редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Публицистики — 212-21-88; Коммунистического воспитания — 250-38-17; Международный — 212-30-03; Литературы — 212-63-69; Искусства — 212-15-39; Писем и массовой работы — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Литературных приложений — 212-22-13.

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Сдано в набор 10.04.87. Подписано к печати 27.04.87. А 00365. Формат 70 × 108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 500 000 экз. Изд. № 1209. Заказ № 308.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

ВЕЧНАЯ ЮНОСТЬ "АВРОРЫ"

В ИСТОРИИ ФЛОТА РОССИЙСКОГО ЕСТЬ СЛАВНАЯ ТРАДИЦИЯ ПРИСВАИВАТЬ НОВЫМ КОРАБЛЯМ ИМЕНА ИХ ГЕРОИЧЕСКИХ ПРЕДШЕСТВЕННИКОВ. ТАК БЫЛО И С «АВРОРОЙ», УНАСЛЕДОВАВШЕЙ ИМЯ БОГИНИ УТРЕННЕЙ ЗАРИ ОТ 44-ПУШЕЧНОГО ФРЕГАТА, ОТЛИЧИВШЕГОСЯ В АВГУСТЕ 1854 ГОДА ПРИ ЗАЩИТЕ ПЕТРОПАВЛОВСКА-КАМЧАТСКОГО. УНАСЛЕДОВАВШЕЙ НАВСЕГДА, ИБО ОДНИМ ИЗ СИМВОЛОВ ВЕЛИКОЙ РЕВОЛЮЦИИ, ПОДАРИВШЕЙ СВЕТ НАДЕЖДЫ ВСЕМУ ЧЕЛОВЕЧЕСТВУ, БУДЕТ ОСТАВАТЬСЯ И ЭТОТ КРЕЙСЕР — ЛЕГЕНДАРНАЯ «АВРОРА».

Не годами — столетиями измеряется гарантия, выданная обновленному кораблю судостроителями завода имени А. А. Жданова, завершившими в день коммунистического субботника важный этап ремонтно-восстановительных работ.

...Летом 1984 года, незадолго до того, как «Аврора» отправилась по Неве в тринадцатикилометровый переход от места вечной стоянки до заводского причала, мне довелось побывать на ее борту. Честно скажу, невеселую картину представляли собой помещения, обычно скрытые от глаз экскурсантов. Нет, разумеется, они, как и положено на флоте, блистали чистотой, но ветхость не скроешь ни аккуратностью, ни самым заботливым уходом. Представьте сами — восемьдесят лет на плаву, из них едва ли не полжизни в боях, дальних походах.

Мы привыкли к мирному, «музейному» бытию «Авроры» и не сразу вспоминаем, что еще в 1905 году крейсер сражался у Цусимы, его орудия, большая часть экипажа защищали родной город в блокаду, а сам он, находясь в 1941 году в районе Ораниенбаума, подвергся ожесточенным атакам авиации противника, мощному артобстрелу, получил серьезные повреждения. Когда через пробоины хлынула вода, моряки открыли кингстоны по левому борту, корабль стал на ровный киль, сел на грунт и в таком состоянии находился до 1944 года.

1917 • 1987

ТРУЖЕНИКИ СТРАНЫ СОВЕТОВ! ШИРЕ РАЗВЕРТЫВАЙТЕ СОРЕВНОВАНИЕ ЗА ДОСТОЙНУЮ ВСТРЕЧУ 70-ЛЕТИЯ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ!

(ИЗ ПРИЗЫВОВ ЦК КПСС К 1 МАЯ)

— В разгар Великой Отечественной войны адмирал флота И. С. Исаков выдвинул идею восстановления исторического корабля,— рассказывает капитан 3-го ранга в отставке, главный строитель крейсера «Аврора» послевоенного периода З. Русаков.— Перед проектантами, инженерами и производственниками была поставлена труднейшая, но благородная задача: не только восстановить крейсер, но и создать на нем учебную базу Ленинградского нахимовского военно-морского училища, приспособив его для обучения воспитанников в реальной корабельной обстановке.

При переоборудовании «Авроры» под учебную базу с нее сняли более тысячи тонн различных конструкций и механизмов. А ведь были еще ремонты 1906, 1922—1923 годов, неоднократные модернизации в конце 20-х и 30-х годов, в результате которых коренным образом изменилось внутреннее расположение помещений, их интерьеры, оказались демонтированы паровые котлы, вспомогательные механизмы, многие системы и оборудование, почти полностью была заменена батарейная палуба. Когда корабль пришел на завод в августе 1984 года, из 208 его помещений по сравнению с состоянием на 1917 год свой первоначальный вид сохранило только двадцать.

Рассказываю об этом для того, чтобы читатели могли наглядно представить, сколь непростые проблемы встали перед ждановцами, их коллегами с Адмиралтейского, Балтийского заводов, специалистами проектных и других организаций отрасли. И если бы они были только технического, так сказать, порядка. Вспоминается недавняя жаркая дискуссия в Доме писателя, где В. Азаров, М. Глинка, К. Голованов, Г. Черкашин и другие выступили со своими предложениями о внутренней реконструкции, назначении «Авроры». Быть ли ей чисто музеем, нужен ли экипаж на борту, не превратится ли в результате реставрации подлинник в бронированный муляж?

Многие из таких вопросов задавали специалистам предприятия журналисты, приглашенные на церемонию спуска.

— Побеседуйте с нашим конструктором С. Овсянниковым,— посоветовала мне начальник группы Т. Базанкова.— Сергей Иванович знает об «Авроре» буквально все, материалы о ней собирает с детства, полагаю, что и профессию свою выбрал благодаря этому увлечению.

— Исследование состояния корпуса и оборудования корабля, а также изучение архивной документации дали возможность достоверно установить к началу демонтажных работ, что сохранилось подлинно реликвийного, а что относится к наслоениям поздних времен,— сказал С. Овсянников.— О тщательности подготовки можете судить хотя бы по тому, что в современную рабочую документацию воплотилось более пятисот различных чертежей периода постройки крейсера. На учет и сохранение взяты 1732 единицы оборудования, в том числе такие уникальные, как главная паровая, рулевая, рефрижераторная машины, кормовой и носовой шпили, ряд вспомогательных механизмов и устройств.

Беседы с рабочими, инженерами не оставляют сомнений: «Аврора» находится в неравнодушных, бережных и умелых руках, делающих все возможное, чтобы воссоздать ее архитектурно-исторический облик максимально приближенным к тому, каким он был в октябре 1917 года.

Задолго до начала ремонта на предприятии развернулось соревнование за право участвовать в реставрации. Первым его завоевали комсомольско-молодежные бригады судосборщиков Героя Социалистического Труда Н. Романова и слесарей-монтажников В. Лебедева.

Немало загадок задал старый корабль, спущенный на воду в мае 1900 года.

И вот вновь довелось услышать ему незабываемые, волнующие слова нынешнего своего главного строителя П. Смолева:

— Крейсер «Аврора» к спуску на воду готов!

Неспешно отходит от причала док к специально отведенному месту, медленно погружается. Долгожданная невская волна встречает корабль, взмывают в небо разноцветные огни салюта, гудками приветствуют ветерана соседние суда.

Впереди — швартовные испытания.

Олег **ПЕТРИЧЕНКО**,
соб. корр. «Огонька»

Фото Юрия **ЩЕННИКОВА**

ПОЗДРАВЛЯЕМ КОЛЛЕГ-ПРАВДИСТОВ И ВСЕХ ЧИТАТЕЛЕЙ «ПРАВДЫ» С СЕМИДЕСЯТИПЯТИЛЕТИЕМ ГЛАВНОЙ ГАЗЕТЫ СТРАНЫ!

Необычно оживленной была тихая Ивановская улица в ночь на воскресенье 22 апреля 1912 года.

Со всех концов города стекались сюда, к дому № 14, где размещалась известная типография Березина (товарищества «Художественная печать»), рабочие.

«...Лестницы всех четырех этажей, коридоры, даже часть цеха, где стоят печатные машины, заполнены людьми.

ПРАВДА

ЕЖЕДНЕВНАЯ РАБОЧАЯ ГАЗЕТА.

Годъ изданія первый.

№ 1. Воскресенье, 22 апрѣля 1912 г. ЦѢНА 2 коп.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЕЖЕДНЕВНУЮ РАБОЧУЮ ГАЗЕТУ „ПРАВДА".

Продолжается подписка на газету „ЗВѢЗДА"

По независящимъ отъ издателя обстоятельствамъ объявленная продажа № 1 „Правды" по повышенной цѣнѣ въ пользу семей убитыхъ ленскихъ рабочихъ не можетъ состояться.

Отъ редакціи.

На грани.

Наши цѣли.

РАБОЧЕМУ КЛАССУ НУЖНО ЗНАТЬ ПРАВДУ!

Рабочие, рабочие, рабочие...

Пожалуй, нет ни одного петербургского завода, не представленного здесь. И все это добровольные газетчики, распространители.

На улице светло — белая ночь. Но вот ротация... стала выбрасывать экземпляры газет... «Ура!» Это крикнули рабочие типографии. «Ура!» — несется по всему зданию. Еще не оправившись от первого впечатления радости, держу в руках влажные листы, издающие необычный аромат».

«В жизнь вышли первые экземпляры «Правды». Все здесь же поздравляем друг друга.

Помню взволнованные лица Демьяна Бедного, депутата Государственной думы Н. Г. Полетаева.

«Правда» вышла, но взять ее еще нельзя, так как первый оттиск отправляют цензору.

Но мы тоже берем по первому номеру, жадно читаем его и затем прячем в карман и ждем решения цензора... Машина пущена на полный ход, и только слышны звонки машин, отсчитывающих номера.

Мы получаем несколько сотен экземпляров газеты «Правда». Торжествующие, выносим из типографии, нанимаем извозчика, садимся в пролетку и везем их на 14-ю линию, где было культурно-просветительное общество «Источник света и знания».

Туда придут за ними товарищи с фабрик и заводов».

Эти строки из воспоминаний старого большевика Б. И. Иванова и члена партии с 1910 года Е. Г. Коваленко-Куриленко в какой-то мере воссоздают праздничную атмосферу той незабываемой ночи.

Мне не раз доводилось бывать в этой старинной типографии на нынешней Социалистической улице. Учился рядом, и в младших классах нас водили сюда на экскурсии, в старших — на практику. Еще застал ветеранов, печатавших «Правду»; Герой Социалистического Труда Василий Петрович Виноградов, участвовавший в работе «Правды» в 1912—1914 годах, читал нам здесь когда-то стихи из самого первого ее номера:

...Кошмарный сон — былые беды,
В лучах вари — грядущий бой.
Бойцы в предчувствии победы
Кипят отвагой молодой.

Пускай шипит слепая злоба,
Пускай грозит коварный враг.
Друзья, мы станем все до гроба
За правду, наш победный стяг!

И вот вновь читаю эти строки, держу в руках факсимильную копию первой массовой большевистской газеты, сыгравшей выдающуюся роль в укреплении связи партии и народа. В музее «Владимир Ильич Ленин и газета «Правда», что на Мойке, 32/2, открыт новый зал, посвященный важнейшему периоду в истории партии, связанный с рождением и становлением ее главного печатного органа.

Музей этот широко известен. Здесь с 5 (18) марта по 5 (18) июля 1917 года в квартире № 4 бывшего меблированного дома действовала редакция «Правды», которой после возвращения из эмиграции руководил В. И. Ленин. Десятки статей написаны и опубликованы им в эти дни. Среди них «Апрельские тезисы» — «О задачах пролетариата в данной революции», статьи «О двоевластии», «Уроки кризиса», «Вся власть Советам», разрабатывавшие важнейшие проблемы стратегии и тактики партии в борьбе за победу социализма, в них давались исчерпывающие ответы на самые острые и злободневные вопросы.

...Небольшой, скромно обставленный кабинет Ильича, соседняя комната, где трудились секретари, литсотрудники, корректоры, два зала, посвященные деятельности центрального органа партии в период после Февральской революции до Великого Октября,— таким до недавнего времени был музей. В канун 75-летия «Правды» на стендах нового зала представлены интереснейшие материалы, рассказывающие о работе Ленина, «Правды» в 1912—1914 годах.

Контуры этого времени — времени революционного подъема после долгих мрачных лет реакции знакомы нам из учебников истории. Казалось бы, что еще могут добавить к этим впечатлениям неброские полосы старых газет, выдержки из писем, документов, фотографии незнакомых людей, собравшихся возле допотопных ротационных машин?

Но как созвучно нашим дням звучат эти строки из обращения редакции к читателям:

«...Рабочему классу нужно знать правду!

Рабочая газета «Правда» должна отвечать своему названию,— этим она выполнит свое назначение».

Назначение — неустанно, последовательно разоблачать реакционную политику царского правительства, «сеять правду среди рабочих о друзьях и врагах рабочего класса, стоять на страже интересов рабочего дела» — так определяла редакция свои цели.

«Рабочая газета есть рабочая трибуна»,— лаконично и точно сказал Ильич. И с этой трибуны в каждом номере звучали голоса металлистов, столяров, печатников, людей, ради которых жила и боролась газета и от которых она получала порой по 150—200 рукописей ежедневно!

Их письмами, добровольными пожертвованиями она жила. «Мы, группа рабочих-марксистов Людиновского завода, горячо приветствуем нашу славную и дорогую защитницу газету «Пролетарская правда». Мы видим... что наша рабочая газета может существовать только при поддержке самих же рабочих. И вот мы, собравшись в числе 11 человек, решили ежемесячно поддерживать материально нашу защитницу «Пролетарскую правду».

Шлем в ее фонд 1 р. 43 коп. Просим товарищей следовать нашему примеру».

Дорого стоили эти оторванные от семьи, самых насущных нужд копейки. Но, «если бы не существовало рабочей большевистской газеты, наши речи так бы и застревали в четырех стенах Таврического дворца»,— говорил депутат IV Государственной думы А. Е. Бадаев. Силой гласности, силой честного слова сражалась «Правда» с врагами, и как шрамы тех сражений — представленные на стенде многочисленные «уведомления» Санкт-Петербургского комитета по делам печати о наложении ареста на газету, «Циркуляр» о воспрепятствовании сбору пожертвований, «решение» о возбуждении уголовного преследования против редактора, издателя...

Огромный, невероятно сложный по накалу событий временной пласт поднимает новая экспозиция ленинградского музея. Мощная волна забастовок солидарности с рабочими Ленских приисков, прокатившаяся по стране, нашла свое отражение в рубриках первого номера «Правды»: «Рабочее движение», «Хроника», «Телеграммы», «Стачки», «На фабриках и заводах», «По России». Страстный голос большевиков в защиту угнетенного, сражающегося класса набатом прогремел над страной, стал провозвестником грядущей революции.

Долгая, трудная дорога ожидала газету, родившуюся в ночь на воскресенье 22 апреля 1912 года. Но курс был избран раз и навсегда:

...Рабочему классу нужно знать правду!

Олег ТИМОФЕЕВ

ОХОТА ПУЩЕ НЕВОЛИ

Вильям СМИРНОВ

СОТНИ ТЫСЯЧ ПОСЕТИТЕЛЕЙ ВДНХ ВСТРЕЧАЮТСЯ ЗИМОЙ С ОЛЕНЬЕЙ УПРЯЖКОЙ, МНОГИЕ ИЗ НИХ С УДОВОЛЬСТВИЕМ КАТАЛИСЬ В НАРТАХ. ГЛЯДЯ НА СЫТЫХ, КАРТИННО КРАСИВЫХ ЖИВОТНЫХ, НА ЛАДНУЮ ИХ ОСНАСТКУ И ЖИВОПИСНЫХ КАЮРОВ, ДУМАЮТ, ЧТО ВСЁ-ТО В НАШЕМ ОЛЕНЕВОДСТВЕ РАСПРЕКРАСНО. НО В ЭТОЙ ОТРАСЛИ СЕГОДНЯ МНОГО ПРОБЛЕМ...

СЛОВО О СЕВЕРНОМ ОЛЕНЕ

После лова рыбы и ее обработки наиболее важная отрасль хозяйства в Охотском районе — оленеводство. Северный олень — удивительное создание природы. Не одну сотню верст довелось мне проехать по тайге в нартах. Лютая стужа, тропа, проложенная через бурелом, или заснеженная целина—бегут себе олени без устали. А остановишься на несколько минут, чтобы поправить упряжь, проверить укладку груза, тут же принимаются копытить снег, добираясь до мха. В неприхотливости, способности обитать и кормиться на обширных пространствах тундры и тайги, не требуя специальной заготовки кормов, и заключено главное достоинство этого животного.

Ученые утверждают, что оленеводство обеспечивает наибольшую отдачу на единицу затрат. Скажем, себестоимость мяса оленей в 2,5—3,5 раза ниже, чем других выращиваемых на Севере животных. Сейчас в стране заготавливается ежегодно до 50 тысяч тонн оленьего мяса, что, если верить специалистам, приносит миллионы рублей прибыли.

Не берусь оспаривать это утверждение. Быть может, в масштабах страны так оно и есть. Но в местах, где мы с вами путешествуем, дорогой читатель, дело обстоит совсем иначе.

Оленеводством в районе занимаются три хозяйства, поэтому не составляет труда заглянуть в каждое из них. Колхоз «25-е Октября» по всем показателям, в том числе и по оленеводству, один из передовых. В его стаде четырнадцать с половиной тысяч голов. Чистый доход — сто тысяч рублей в год.

В колхозе имени Вострецова оленей куда меньше — примерно одна тысяча. Прибыли никакой, напротив, надо еще и расходы нести, чтобы содержать стадо.

Упомянутые мною два хозяйства не бедствуют, напротив, процветают и даже числятся в миллионерах. Свои деньги они зарабатывают на рыбе. Так, может быть, олешки им в обузу, раз рыба — главное? Может, не занимаются ими всерьез, оттого и рентабельность так низка? Ответ на вопрос мы еще поищем, а пока — заглянем в третье хозяйство.

Колхоз имени XX партсъезда располагается вдали от побережья, его основная забота — оленеводство. Здесь и стадо самое большое в Охотии: пятнадцать с половиной тысяч оленей. В прошлом году хозяйство затратило на их содержание 615 тысяч рублей, а вернуло 352 тысячи...

Поразмыслив над этими цифрами, невольно усомнишься в точности утверждений специалистов. Правда, их выводы справедливы лишь тогда, когда дело поставлено на современную научную основу. Но о какой научке может идти речь, если в стадах оставили выбракованных маток, и они, разумеется, оказались непродуктивными, приплод — на уровне 30 процентов.

Неудивительно, что поголовье оленей за минувшую пятилетку не увеличилось, а пошло на убыль.

Есть и еще по меньшей мере три причины тому, что не растет охотское стадо. Легче всего, пожалуй, их выявить, проследив судьбу моего хорошего знакомого Алексея Чирикова — пастуха из колхоза имени XX партсъезда. Каких-нибудь полтора десятилетия назад он слыл в районе одним из лучших оленеводов, возглавлял бригаду. Нынешней зимой, встретив его на базе Новая Кетанда, я с трудом узнал Алексея — так осунулся, постарел.

— Уж не хвораешь ли? — спрашиваю.

— Душа болит,— поморщился он.

— Что так?

— Э-э, долгая история...

Поехал я с ним в стадо. Чуть ли не всю ночь пробирались через тайгу оленьей тропой. На недолгих остановках и потом в палатке он и поведал мне свою историю. Если коротко ее изложить, она может уместиться в нескольких строчках.

Надумало колхозное начальство перегнать Алексеево стадо с верховьев Юдомы на новые пастбища. «Куда?» — поинтересовался Алексей. «На Мекас»,— объяснили ему. «Будете удивляться,—вроде бы в шутку, но вместе с тем и всерьез возразил бригадир. — «Мекас» — по-эвенски «удивление». В тех местах еще мой дед пытался пасти оленей, да ничего не вышло. Худое место...» Не поверили Алексею. «Ты — передовик, тебе и осваивать новые маршруты». За девять дней одолело двухтысячное стадо путь в триста километров. А как прибыли на новое место, так сразу и удивились. По науке пастбище должно быть огорожено сплошной изгородью — дарпиром. На Мекасе ее не было. С первой же ночи стали разбегаться олени. Волки не давали пастухам покоя. А потом и болез-

ням черед пришел. Через год осталась лишь половина оленей...

К истории чириковского стада я еще добавлю чуть позже несколько штрихов. А пока подытожим, отчего оленеводство несет в районе огромные потери. Сегодняшние руководители колхозов жалеют силы и средства на строительство изгородей. Объясняют тем, что олени не приносят дохода, в итоге теряют еще больше. Другая беда — из рук вон плохо поставлена ветеринарная служба. Специалистов не хватает. А те, что имеются, весьма невысокой квалификации. В стада наезжают редко, все больше отсиживаются на центральных усадьбах колхозов. Вот и косят оленей копытка, бруцеллез, истощает, уродует шкуры гнус. В колхозе имени Вострецова, например, только за один год 165 оленей погибло от болезней. Вспомним, что в этом хозяйстве всего лишь тысячное стадо. За это же время 88 животных отбились, 144 — задраны волками. Стало быть, более трети стада утрачено.

Да, волки — второй, после болезней, бич оленеводства. В колхозе «25-е Октября» потери от них ежегодно исчисляются семьюстами голов. Вострецовцы только за четыре года минувшей пятилетки «скормили» хищникам более полутора тысяч оленей. Уже не один раз исполком районного Совета народных депутатов принимает по этому поводу дельные решения, намечает вроде бы действенные меры. Но все это остается на бумаге...

И вот печальный итог. В одиннадцатой пятилетке непроизводительные потери оленеводства в районе составили более 25 тысяч голов.

Теперь самое время посмотреть, как мы распоряжаемся тем добром, которое все же удается сберечь. Теми оленями, что, одолев все преграды, добираются до забойного пункта. В феврале нынешнего года мне довелось побывать на одной из баз колхоза имени XX партсъезда. Сотни две туш лежало на льду озера Хэвилкан, готовых к погрузке в самолеты. И каждая из них вполне могла бы украсить витрину Елисеевского магазина в Москве — таким жирным, упитанным было мясо.

— Все очень просто,— объяснил мне главный ветеринар района Гертруд Васильевич Болярский.— Здесь осуществили предубойную подкормку.

Что может быть проще! Подкорми оленей после долгого кочевья — и продукция пойдет высшим качеством. Но нет, подобный опыт внедряется в районе крайне медленно. Мешают, оказывается, ведомственные препоны. Колхоз имени XX партсъезда подчинен краевому Агропрому, который и выделяет комбикорм для предубойной подкормки. У остальных артелей хозяин — Крайрыбакколхозсоюз. В этом ведомстве пока еще не поняли выгоды от, казалось бы, простого мероприятия. И потому увиденное мной на Хэвилкане — редкое исключение.

Как правило, забой на Охотском побережье ведется допотопным способом. Оленей пригоняют истощенными. Холодильных камер нет. Вывоз мяса растягивается на длительный срок. В итоге мясо перемерзает, и даже местные жители, не избалованные деликатесами, едят его с неохотой. А ведь было время, когда охотскую оленину продавали и за рубеж...

О шкурах и говорить нечего. Скажем, колхоз «25-е Октября» продает на убой ежегодно до трех тысяч оленей. Закупает их, как принято говорить — в живом весе, «Рыбкооп». И у «Рыбкоопа» же колхоз покупает потом примерно столько же шкур. Зачем? В хозяйстве налажена их выделка и работает цех, где шьют шапки, унты, изготовляют нехитрые сувениры. Похвальна предприимчивость колхозников. А все же оленьи мех и кожа достойны более совершенной технологии обработки, изготовления из них практичных и модных вещей, которые могли бы пользоваться широким спросом.

О ТЕХ, КТО КОЧУЕТ В ТУНДРЕ

Говоря о проблемах оленеводства, никак нельзя обойти еще одну важную сторону дела. Кто сегодня кочует с оленями по тундре? Потомки тех, кто тысячелетия назад приручил оленя, сделал его своим помощником и кормильцем. В Охотском районе это эвены. На протяжении веков весь уклад их бытия формировался в прямой зависимости от оленя. В поисках корма кочевало стадо, и вместе с ним отмерял сотни и тысячи километров человек. В кочевье он появлялся на свет, вырастал, мужал, старился. Вся жизнь его проходила рядом с оленем. И сегодня лучше эвена оленевода не найти. На всем Охотском побережье я знаю только одного русского пастуха. Это Александр Терин из колхоза «25-е Октября». С двумя малышами-двойняшками он стойко переносит все тяготы и лишения кочевой жизни. Но тут надо сделать немаловажную оговорку. Жена у Александра — эвенка. И в его преданности древнему ремеслу, думается, немалая ее заслуга.

Олень — это традиция, занятость местного населения, его благосостояние. И вот краткая история, что приключилась с национальным колхозом «Хулан эвен». Это было крепкое хозяйство. Обосновавшись в полусотне километров от моря, эвены, конечно же, занимались оленеводством. Само собой, и рыбалили, и охотой промышляли. Но главным делом были олени. Их число в колхозном стаде порой доходило до пятнадцати тысяч голов. И председатель был что надо — Федор Сергеевич Веселовский. Настоящий хозяин, умница. В пятьдесят седьмом он ушел на пенсию. И, пожалуй, с этого начались все беды в «Хулан эвене». Его преемники во многом уступали в хозяйской сметливости Веселовскому, да к тому же больше пеклись о собственном благе.

А тут еще и «рыбный бум». Осваивать богатства Охотского моря, перейти на круглогодичный активный лов — все это было верным направлением. Сама жизнь подтвердила правильность избранного пути. Да подвел, видно, лозунг «Дадим стране охотский миллион!». Ради него руководящие товарищи и прирожденных оленеводов решили превратить в пахарей моря.

Ох, как не хотели сниматься с насиженного, обжитого места хуланэвенцы! Однако люди у нас сознательные, надо — так надо, перебрались поближе к морю. А оленей куда же? Конечно же, с собой. Вот только не поняло покладистое животное мудрых кабинетных замыслов. Может, новые пастбища не пришлись по вкусу, а вернее всего, сработала вековая привязанность к родным местам. И рванули олешки дружно на старое местожительство.

Много лет спустя догадались обследовать всерьез пастбища на новом месте, хотя именно с этого надо было начинать. Оказалось, оленей держать можно, но не более тысячи. Их и осталось к этому времени в «Хулан эвене» не более. Которые разбежались — одичали, других болезни сморили. Волки, разумеется, тоже не дремали...

Пришлось руководящим товарищам опять думать и гадать: а что же делать? Решили обратиться к испытанному средству — влить немощное хозяйство в один из сильных, богатых колхозов. В какой? В районе оставались лишь две артели, занимавшиеся оленеводством,— имени XX партсъезда и «25-е Октября». Но тут перехлестнулись интересы разных ведомств. Ни Крайрыбакколхозсоюз, ни Управление сельского хозяйства крайисполкома не хотели брать на себя обузу. Но есть над колхозами начальство и повыше. Оно-то и решило проблему одним махом: объединить «Хулан эвен» с колхозом имени Вострецова.

Хозяйство это и в самом деле крепкое. Около 6 миллионов — долг хуланэвенцев государству — выплатило не моргнув глазом. Но колхоз-то, вынужденный под нажимом взять на себя опекунство, чистой воды рыболовецкий! Как обстоит там сейчас дело с оленеводством — я уже рассказывал. Добавлю лишь, что в минувшем году сдано государству на мясо 73 головы, забито на питание пастухам — 13. Надо ли ради этого держать в колхозе стадо?

И самое печальное в этой истории, потеря почти не восполнимая — люди из «Хулан эвена» работать в оленеводстве разучились. Новое поколение пришло на смену старикам, но на каком примере оно выросло? «Засуха мозгов» обернулась параличом рабочих рук.

Нечто подобное сейчас происходит с колхозом имени XX партсъезда, расположенным в сотне километров от районного центра на притоке Охоты, небольшой таежной речушке Арке. Еще лет десять назад колхозное стадо насчитывало двадцать тысяч оленей. Сегодня их почти на четверть меньше. Если раньше у хозяйства были приличные доходы, то ныне (по состоянию на 1 декабря 1986 года) оно имеет задолженность по долгосрочным ссудам один миллион четыреста тысяч рублей. С краткосрочными ссудами эта сумма еще больше — почти два миллиона!

Причин тому много, о некоторых мы уже говорили, но есть и еще одна — бездушное отношение к труженику, забвение человеческого фактора. Наверное, далеко не последнюю роль играет материальная заинтересованность пастуха, ведь работа в суровых условиях, без выходных, с пяти утра и дотемна. Боюсь, никто из читателей не поверит: пастух в колхозе имени XX партсъезда получает 124 рубля в месяц. И это с учетом северного коэффициента!

Для сравнения отмечу, что в двух шагах от Москвы в иных хозяйствах доярки зарабатывают до 500 рублей в месяц.

Для полноты картины добавим, что в колхозе имени XX партсъезда умудряются еще и штрафовать пастухов за потери оленей. За последние четыре года здесь сделаны начеты на пятьдесят оленеводов. Общая сумма — 73 тысячи рублей. Если предположить, что штраф распределен поровну между провинившимися, получится по полторы тысячи на душу. И это при месячном заработке в 124 рубля.

Как это делается? Покажу на примере знакомого нам Алексея Чирикова. По чьей вине образовались в его стаде большие потери поголовья, мы уже выяснили. Однако колхоз посчитал возможным сделать на него и его жену Марию начет в сумме 13 953 рубля. И это только за один год. Но как взыскать такие деньги? Наложили арест на сберегательную книжку, не выдают зарплату. Прошлым летом Мария с трудом выпросила в кассе сторублевый аванс. И с той поры — ни копейки, хотя, между прочим, у них пятеро детей...

Внешне все вроде бы свершается по закону. В колхозе устраивается выездное заседание суда. Но ответчики-то в тайге! В лучшем случае о принятом решении им сообщают по рации. Между тем, оказывается, не положено с оленевода взыскивать более месячного оклада. Так по крайней мере считают специалисты контрольно-ревизионной службы Хабаровского агропрома. Но пока они еще только размышляют, как приостановить действие иска. А надо, наверное, не только приостановить, но и вернуть людям незаконно взысканные деньги. А судебным органам — вывести на чистую воду да и наказать по всей строгости истинных виновников бесхозяйственности в оленеводстве.

...Как-то ночевал с пастухами в палатке. Снаружи — минус пятьдесят. С вечера, пока топится печурка, температура в этом кочевом жилье еще сносная. Но под утро! Просыпаюсь от громкого треска. Оказывается, вода в ведре промерзла до дна, и теперь лед разрывает жестяную посудину.

— Это наш будильник,— смеются пастухи.

Вот ведь неунывающий народ! После очередной кочевки пастух долго разгребает снег, ставит палатку — чум из оленьих шкур ушел в прошлое, а нового жилища для оленевода мы не придумали. Потом надо запасти топлива для печки, нарубить лапника, чтобы не спать прямо на снегу, и только тогда приняться за приготовление пищи. Сколько сил, времени уходит! Да и способны ли уберечь от стужи допотопная печурка, где еле тлеет заледенелый стланик, полотняная стена, за которой стынет тайга и беснуется пурга? Спят вповалку, закутавшись в ватные одеяла,— традиционный кукуль из оленьего меха ныне тоже почти забыт. Детей — поближе к печке...

В одной серьезной книге, где вроде бы обобщается передовой опыт оленеводства, я с трудом отыскал фразу о том, что у пастуха «малопривлекательные условия труда». И еще в другом месте обронена фраза, призывающая к расширению исследований, направленных на улучшение быта оленевода. Чего же исследовать! Да загляни в пастушью палатку лютой зимой, переспи хотя бы одну ночь в ней. Между прочим, еще лет тридцать назад я видел на выставке домик оленевода. А в тайге, в тундре, увы, не встретил.

Симптом еще одной болезни явно проглядывается в северном оленеводстве. Наведайтесь в любую бригаду — одни старики и старухи. Молодежь — большая редкость. В колхозе имени XX партсъезда, например, только пять процентов пастухов в возрасте до 30 лет. Кому же быть рядом с оленем, пасти, заботиться об умножении стада и его добром здравии?

Довелось мне однажды быть гостем охотской школы-интерната. С шестилетнего возраста обучаются здесь грамоте, постигают науки и воспитываются дети оленеводов на полном государственном обеспечении. Родители в тайге, а ребятишки здесь. Обуты, одеты, накормлены. Нельзя сказать, что растут они белоручками. Приучают их к труду — в мастерской, на пришкольном огороде, на полях и фермах близлежащего колхоза «Рассвет Севера». Но оленем здесь и не пахнет. Даже на лето, в каникулы, не хотят дети ехать к родителям в тайгу, в тундру. Все как один рвутся в пионерлагерь, что под Хабаровском.

Кто же через пять, десять лет будет рядом с оленем? И чего стоят наши разговоры о профориентации?

Помнится, прощаясь со мной, Мария Чирикова просила прислать ей из Москвы трехгранных иголок. Это большой дефицит в тайге. Она сама обшивает всю бригаду. И торбаса, и кухлянки, и рукавицы с шапками — все сама ладит на пятерых мужиков и на себя, конечно. И шкуры своими маленькими руками выделывает, и нить сучит из оленьего сухожилия. Вот почему ей так нужна игла особой прочности. А у нашей промышленности пока еще не доходят руки до нужд оленевода.

С невеселыми мыслями я уезжал из стада. И пока олени резво бежали по своей тропе, все думал об этих людях. Впереди у них было долгое кочевье.

АПРЕЛЬ, ТАГАНКА, 23...

«Наверное, найдется немало москвичей, которые знают, чем славен район Таганки. Для меня теперь Таганка знаменита своим театром. Театром, который вылупился из яйца в старом гнезде только прошлой осенью и прямо у нас на глазах, быстрее быстрого, как живая птаха, оперился, раздвинул крылья и пошел ввысь. Одни в восторге от этого взлета, другие покачивают головами — было, мол, все это, штукарство, примитив. А они знай себе кувыркаются в небе, гомон на всю Москву!» — так когда-то начал свою статью о театре на Таганке замечательный театральный писатель Г. Бояджиев.

...Рождение «Таганки». Все были молоды, впереди была жизнь. Они громко заявили о себе, и эта «громкость» осталась с ними на долгие годы. На их долю выпало и счастье небывалых творческих взлетов, и горечь безвозвратных потерь. И все это время они высоко держали марку своего театра, что называется, репутацию «Таганки».

23 апреля — день рождения театра. И сегодня эта некруглая дата кажется чем-то символичной. Возможно, она останется в его истории как дата нового рождения.

— Что всегда отличало театр на Таганке? — говорит главный режиссер Николай Губенко. — Прежде всего умение коллективно работать, коллективно мыслить, сообща вырабатывать пути художественного развития. В те времена, когда каждый художник обосабливался — в своей школе, в своих привязанностях, — «Таганка» всегда была театром нараспашку — театром улиц, театром открытых дверей. Этим своим качеством, своей коллективностью, театр сумел собрать лучшее, что было в умах Москвы. Мозговым центром нашего театра были политические обозреватели, ученые, художники, композиторы, музыканты. Они приходили сюда как в свой дом, размышляли о будущности, духовном развитии страны. И это давало театру направление, пафос. «Таганка» не ждала указаний сверху, что делать. Театр делал сам и считал эту самостоятельность своим главнейшим художественным направлением. Этот дух единства, эта атмосфера позволяли нашей театральной молодости, энергии концентрироваться в том эмоциональном океане чувств, который выплескивался со сцены в лучших произведениях советских писателей и поэтов...

Сейчас театр болеет. Разумеется, взять на себя его излечение я не вправе. Это должно делаться только сообща, совместными усилиями, еще до того, как я начну обрастать в театре единомышленниками. Сейчас ситуация парадоксальная. Труппа попросила меня прийти с тем, чтобы опереться на меня в обретении этого прежнего единства. И вместе с тем я чувствую, что люди думают, будто все это произойдет само собой. А само собой это не случится, как и не «изойдет» от меня. Тем более, что я — говорю это везде — не театральный режиссер, привык работать в кино, труппа имеет в моем лице практически дебютанта.

Пока есть писатели, драматургия, на которую можно опереться в надежде на то, что театр вернется к своим прежним ценностям. Я имею в виду коллективизм и самоотречение — и в работе, и в игре. Я понимаю всю необходимость выходных и заработка на стороне, но если мы не сможем вернуть коллектив к какой-то студийности, самопожертвованию, убрать появившийся налет коррозии — значит, здесь будет нужен другой человек, который будет задаривать театр «пряниками», льстить, возить «по заграницам» до тех пор, пока там будут принимать на волне прежней славы, и вместе с ними прозябать и тихо творчески опускаться.

А пока немаловажно, что в театр возвращаются люди, которые в свое время ушли, возвращаются охотно. Надеюсь, минуя выяснение отношений с теми, кто оставался, они обретут прежние единодушие и монолитность. Хотим мы привлечь в театр многих наших прежних товарищей, тех, кто помогал нам, лучших представителей нашей общественно-политической мысли. Театр должен снова стать домом, куда будут привычно заходить на чашку чая, приносить идеи. Тогда театр вновь будет ощущать пульс государственного мышления, и это очень важно. Это одна из основных наших задач.

Мария ДЕМЕНТЬЕВА
Фото Дмитрия Дебабова и Вячеслава Помигалова

«ОГОНЕК» ВЫСТУПИЛ. ЧТО СДЕЛАНО?

●

После публикации материала «Бронированные мундиры» (№ 7, 1987 г.) редакция получила официальные ответы из Карельского обкома КПСС и Министерства внутренних дел СССР. Вот что в них, в частности, сообщается:

«Факты грубых нарушений социалистической законности и дисциплины рядом сотрудников уголовного розыска Октябрьского РОВД г. Петрозаводска и Министерства внутренних дел Карельской АССР, изложенные в статье, имели место.

Обкомом партии определены конкретные меры по наведению порядка и строжайшему соблюдению закона в органах внутренних дел. Прокуратуре поручено привлечь к уголовной ответственности всех лиц, виновных в нарушениях социалистической законности. По фактам противодействия прокуратурой РСФСР ведется следствие».

«За грубые ошибки в работе с кадрами, — сообщает редакции первый заместитель министра внутренних дел СССР В. Трушин, — непринятие своевременных мер к пресечению нарушений законности министр внутренних дел Карельской АССР Мяукин В. П. освобожден от занимаемой должности». Кроме этого, как явствует из письма, против бывшего заместителя начальника Октябрьского РОВД г. Петрозаводска Рыныца В. А. возбуждено уголовное дело.

●

В 14-м номере «Огонька» был опубликован материал о фильме «Легко ли быть молодым!». В конце статьи мы задавали вопрос председателю Госкино СССР А. И. Камшалову: почему эту талантливую ленту практически невозможно посмотреть, ибо она даже в Москве демонстрировалась лишь в одном кинотеатре!

После выхода журнала нам сообщили из Госкино СССР, что картина «Легко ли быть молодым!» из-за нехватки позитивной пленки не могла быть напечатана большим тиражом. Сейчас уже принято решение напечатать ленту тиражом 670 копий на обычной пленке и 410 копий на пленке 16 мм. В мае — июне фильм пойдет по экранам страны.

Нам остается выразить надежду, что местные конторы кинопроката и управления кинофикации смогут сделать интересной рекламу и миллионы зрителей разного возраста увидят фильм, который вызывает споры, обсуждения и заставляет размышлять о нашей жизни.

Георгий БЛЮМИН, специальный корреспондент «Огонька»

Хотите увидеть самый древний в Подмосковье памятник архитектуры? Поезжайте в Звенигород. Белой негасимой свечой вспыхнет перед вами на одиноком холме собор Успенья на Городке — XIV век! Древнейший памятник каменной архитектуры всей Московской области выстроен младшим сыном Дмитрия Донского князем Юрием.

Крепостью служил и стоящий чуть выше по течению Москвы-реки Саввино-Сторожевский монастырь, Рождественский собор которого был выстроен вскоре после возведения собора на Городке. Стены Саввино-Сторожевского монастыря в Звенигороде помнят польско-литовскую интервенцию, восстание стрельцов, нашествие французов в Отечественную войну 1812 года. Монастырь упомянут А. С. Пушкиным, детство которого проходило в сельце Захарове, в 12 верстах от Звенигорода.

В разные годы в Звенигороде и его ближних окрестностях жили Герцен и Чайковский, Танеев и Чехов, Левитан и Пришвин. И сам Звенигород счастливо сохранил свой облик, сложившийся в XIX — начале XX века, с невысокой застройкой, которая не мешает целостному восприятию этого уникального города, который занимает четвертое место в списке сорока исторических городов России, подлежащих особой охране.

Нынешний Звенигород, хотя и находится в Одинцовском районе Московской области,— город областного подчинения, имеет собственный горисполком и своего главного архитектора. Прежний предисполкома Н. Выборнов и секретарь исполкома В. Ермакова знали, конечно, о документе 1978 года, определявшем охранную зону в Городке, читали они и гневное письмо директора Института археологии АН СССР, лауреата Ленинской и Государственной премий академика Б. А. Рыбакова: «Институт археологии требует немедленного прекращения строительных работ и наказания виновных в порче культурного слоя на территории, непосредственно примыкающей к городищу». Знали, читали и... продолжали потакать администрации санатория «Подмосковье» в земляных работах вокруг родника, бьющего из склона Успенской горы. Не вмешайся тогда общественность, это «благоустройство» могло привести к оползням и гибели здания собора, которое уже шесть веков украшает Звенигород. Выборнов теперь отправился на новую работу заместителем директора керамического завода, председателем избрана В. Ермакова.

Энергично взявшись за дело, Валентина Николаевна показала, что прежняя деятельность исполкома — лишь «цветочки». Начал разрабатываться план разрушения одноэтажных и двухэтажных зданий конца прошлого века и замены их 9—12-этажными домами современной застройки. Очевидно, жилищную проблему надо решать, но не за счет же уничтожения «подмосковной Швейцарии», как издавна называют эти чудесные места. План исполкома посягает на самую красивую верхнюю часть города, там, где проходят улицы Первомайская и Чехова. Хотя на север от города — бесконечный пустырь, строй сколько хочешь. Кстати, там уже возник «квартал Маяковского».

Все туже стягивается петля вокруг охранной зоны Городка. Вот и напротив горсовета привлекает внимание вырубленный сквер. Теперь он залит бетоном, идет сооружение дорогостоящего мемориала Победы.

Я в кабинете председателя исполкома Звенигородского городского Совета народных депутатов. Валентина Николаевна Ермакова на мои вопросы отвечает тоже вопросами: «Вам не нравится? Мы вырубили только клены, они так быстро разрастаются. Искали красный гранит, я ездила на Украину. Да, истратили больше ста тысяч рублей. Часть работ выполняли в Эстонии. Народного обсуждения не было, но есть решения и указания...»

Из горсовета вновь иду в старую часть города. Здесь, близ чеховских мемориальных мест, стоит двухэтажное здание пансионата «Изобретатель». Рядом, на краю заповедного оврага, выросло еще одно, четырех-

Уважаемые товарищи!

Просим вашего вмешательства в судьбу древнего Звенигорода... В настоящее время город находится под угрозой уничтожения.

Перечислим лишь некоторые свидетельства этому:

— заброшены и приходят в негодность дома, определяющие лицо города;

— заброшено и почти разрушено бывшее здание исполкома — двухэтажный каменный дом XIX века и деревянный двухэтажный «дом исправника» — оба на Красной Горе.

Вместе с тем новые постройки, возникающие случайно то здесь, то там, не способствуют украшению города.

В довершение ко всему строительство ведется уже в черте охранной зоны древнего кремля — Городка (в радиусе 350 м), внутри которой запрещены какие бы то ни было работы. Вопиющим примером могут служить факты разрушения в 50-е годы городища дьяковской культуры и славянского селища при строительстве въезда в дом отдыха «Связист», а совсем недавно то же самое было проделано с культурным слоем стоянки каменного века, посада и кладбища XIV—XVII вв. при сооружении помпезного въезда в санаторий «Подмосковье», о чем уже писали центральные газеты (газета «Советская Россия», статья «Ковшом по мезолиту»). Заметим, что виновные не понесли никакого наказания и сейчас разрабатывают планы «благоустройства» древнего источника на склоне Городка.

В 70-х годах внутри охранной зоны возведены корпуса фабрики «Динамо» и пансионата «Изобретатель», своей бездарной архитектурой входящие в резкий диссонанс с окружающей застройкой.

К этому можно добавить, что по всему городу безжалостно вырубаются сотни деревьев, и скоро слава Звенигорода как одного из самых зеленых городов России останется в прошлом.

Угроза с другой стороны связана с существующим ныне генпланом застройки и реконструкции города к 2000 году, разработанным институтом «Мосгражданпроект» ГлавАПУ Мособлисполкома, утвержденного решением Мособлисполкома № 89/1 от 08.01.83.

Логика его такова. Звенигород расположен в центре курортной зоны.

БРАТ МОСКВЫ-ЗВЕ

этажное. Дымит труба котельной. Склоны холма — и это в охранной зоне Городка! — завалены шлаком и строительным мусором. А «Изобретатель» продолжает изобретать способы, как бы урвать от города куски полакомее: рядом с чеховской липой намечается возвести новые корпуса пансионата и спортплощадку.

Уже завозятся на улицу Лермонтова материалы для строительства профилактория объединения «Рубин» — объединение пообещало превратить речку Жерновку и кристальные родники в обширный пруд. Уже намечено строительство пятиэтажного жилого массива пансионата «Голубая речка» и санатория «Зарница» по улице Первомайской, для чего будет снесен еще десяток прекрасных деревянных домов, украшающих живописные склоны небольшого овражка. Наконец самая высокая часть города отдается под строительство двух девятиэтажных зданий, которые не только полностью нарушат сложившийся ритм одноэтажной застройки улиц Чехова и Пролетарской, но и уничтожат великолепную панораму, открывавшуюся на город с правого берега Москвы-реки.

Прочтем письма звенигородцев, в которых звучит боль: «Строится мемориал. Вырубили деревья. Сделано бездумно, безжалостно. Белова». Супруги Ермоловы, ветераны войны и труда: «Что скажем внукам? Дома наши добротные, на свои средства провели газ. Девять человек кормимся с одного участка — и домашнему бюджету подспорье, и государству в осуществлении Продовольственной программы помощь. Но живем неспокойно, все время под угрозой сноса. Дома, сады — все под бульдозер. А кругом столько пустырей, где так много свободной земли».

К. Лазарев, участник Великой Отечественной войны: «В самом центре Звенигорода — два небольших сквера. Еще недавно они были обнесены низкой литой чугунной решеткой. Но вот ее решили снести, вырубили деревья. Что это — новые веяния или элементарная безграмотность? Уверен: прежде чем намечать вмешательство в исторически сложившуюся часть города, нужно посоветоваться с его жителями». Семья Гордеевых: «Если снесут дома по Октябрьской улице, где когда-то бывал А. П. Чехов, или на улице Лермонтова, где растут вековые березы, что мы получим взамен? Безликие серые коробки? Что мы будем завтра показывать гостям?»

И таких писем очень много.

Планируемое резкое уплотнение сети здравниц приведет к значительному увеличению обслуживающего персонала. Сосредоточив жилье для него в одном месте, легче будет решать вопросы соцкультбыта. Став сосредоточием жилья для персонала здравниц, Звенигород, по мнению авторов проекта, получит средства для своего развития. Отсюда следует рост численности населения почти в два раза, раздача территории города заинтересованным организациям со сносом существующей малоэтажной застройки и строительством на этом месте многоквартирных жилых домов от 4 до 12 этажей...

В. ВАСИЛЕНКО — доктор искусствоведения, профессор МГУ.

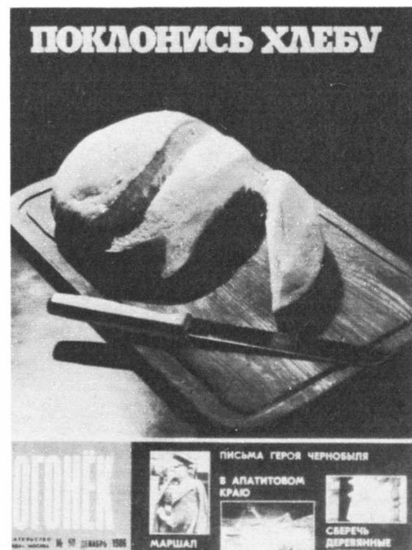
Е. ПЕРШАНИН — заслуженный архитектор СССР, лауреат Государственной премии РСФСР. А. ЮШКО — научный сотрудник Института археологии АН СССР, кандидат исторических наук, начальник Звенигородской экспедиции. В. БРЮСОВА — доктор искусствоведения, лауреат Государственной премии РСФСР, член СХ СССР. Н. ВЛАДИМИРСКАЯ — зам. директора по научной работе Государственных музеев Московского Кремля, кандидат исторических наук, заслуженный работник культуры РСФСР. Е. КУМАНЬКОВ — народный художник РСФСР, главный художник Малого театра.

Звенигород. Саввино-Сторожевский монастырь.

Фото Ю. КОРОВИНА.

НИГОРОД

ГЛАВНАЯ КРЕПОСТЬ ЖИЗНИ

НАШ ХЛЕБ

Хлеб — категория нравственная. Отношением к нему выверяется многое — моральное здоровье общества и каждого человека в отдельности. Сейчас разговор о хлебе носит особо ответственный характер, считают читатели «Огонька», горячо, заинтересованно встретившие рубрику «Наш хлеб».

«Я пережила ленинградскую блокаду и знаю цену каждой корки»; «надоело чувствовать себя подонками, выбрасывая хлеб»; «читая строки репортажа К. Барыкина о том, что 2,5 миллиона тонн хлеба по РСФСР скармливается скоту, чувствуешь сердечную боль»,— с горечью пишут люди, пережившие военное лихолетье. Ведь не было тогда семьи, где не погибли бы близкие, друзья. Не только от пули, но и от недоедания, от голода. Люди жили, мечтая о времени, когда хлеба будет вдоволь.

С том, что сейчас хлеба достаточно, знают все. Не оттого ли подчас пренебрежительный подход к нему? Как изменить социальную психологию отношения к нашему богатству? Говорим о перестройке и порою считаем, что это непременно что-то существующее в общегосударственном лишь масштабе... А вот каждому изменить бы такую малость, как собственное отношение к хлебу, начать прямо с себя, с перестройки души — глядишь, и общее положение изменится, светлее станет вокруг. Да и следующему поколению надо передать добрую эстафету уважения к хлебу.

«Двадцать один год работаю председателем колхоза, и вопросы, поднимаемые в статье К. Барыкина «Раздумья о нашем хлебе», задели меня за живое. Заслуженно говорим мы «хлеб всему голова». Но... Комбайнера, убирающего хлеб с поля, мы наказываем морально и материально за потерю нескольких колосков. В той же статье «Огонька» подсчитано, что на производство одного батона идет 10—12 тысяч зерен. Если это перевести на наш сибирский хлеб и получаемую урожайность, то на наших глазах из столовых, ресторанов, буфетов, магазинов идет на свалку отборная пшеница с десятков, сотен, тысяч гектаров... И никто за это не несет ни материальной, ни моральной ответственности. С хлебом обращаются подчас хуже, чем с пустой бутылкой, цена которой приравнена к цене булки белого хлеба. В гибели хлеба виновны люди различного ранга. Всюду, где только можно, висят различного рода призывы к совести: «Хлеб растет не для объедков», «Хлеба в меру бери, им не сори»... Но только в Алтайском крае с его посевными площадями год мы работаем и производим хлеб в масштабах страны вхолостую (для свалки). Хлеб должен расходоваться как никакой продукт, имеющий цену»,— так пишет председатель колхоза имени Энгельса Алейского района Алтайского края В. Яковлев.

«Прочитала публикацию в № 50 «Огонька» «Наш хлеб. Заказ на завтра». Вспомнились мои довоенные годы. У нас в семье пользовались двумя сортами хлеба, белым и черным, изредка «баловались» горчичным. Последнее время появились сообщения о создании новых сортов хлеба. Наш город Одесса не отстал в этом движении к новому. «Отведаем нового хлеба!» —призывали нас газетные заголовки репортажей с выставки-дегустации новых видов хлебных изделий. Вскоре в магазинах появились улучшенной выпечки паляница, «украинский особый», «московский» и другие новинки.

Сначала за ним гонялись, но прошло совсем немного времени, и хлеб пошел кислый, непропеченный, быстро плесневеющий. В нашей семье никогда не выбрасывали хлеб, но как быть? Решила позвонить генеральному директору Одесского производственного объединения хлебопекарной промышленности В. К. Буцу, предложившему еще на выставке-дегустации обращаться к нему с претензиями. Ответила секретарь: «Буца нет»,— позвонила еще, и еще раз оказалось, что не с кем говорить о качестве хлеба. Вот так, уже в условиях гласности и перестройки, нам не дали слова молвить. Правда, газета «Вечерняя Одесса» слегка пожурила хлебопеков, но мы вынуждены продолжать выбрасывать хлеб. Вот как обстоят дела у нас с совестью, моралью и нравственностью»,— откровенно признается О. Червинская.

Есть в почте письма, в которых читатели считают, что беда с хлебом из-за его дешевизны. Но ведь молоко, другие молочные продукты тоже дешевы, а хозяйка не купит лишнего пакета молока за 16 копеек, не рассчитав, сколько ей надо на семью.

Вот что пишет москвич В. Аверкиев: «Дорог ли, дешев хлеб, символ он народного благосостояния. Как сберечь его? Слова, слова. А кто ответит на вопрос, почему в булочных хлеб черствый и невкусный. Работники отрасли вроде бы обнов-

ляют, расширяют ассортимент, обещают еще больше сортов. Но лучше спросите старого москвича, что такое вкусный хлеб, и он расскажет, какие хлеба продавались в знаменитой Филипповской булочной! Заварной, ржаной, ситный, пеклеванный, настоящий рижский — от одного запаха кружилась голова. Да в некоторых деревнях пекут такой хлеб, о котором можно только мечтать. Человеку не нужны сто сортов, с фруктовыми добавками и прочими изысками. Если от слов мы перейдем к делу, уверяю вас, ни у кого не поднимется рука выбросить кусок хлеба в помойное ведро».

Звучат в читательских письмах и слова о том, что надо возродить традиционные национальные сорта хлеба и пропагандировать их должен «Огонек». Вот и сама я вспоминаю студенческую практику в Литве. Какой вкусный и какой разный, свой фирменный хлеб подавался там в каждом ресторане! Конечно, рублевый комплексный обед — не бог весть какое пиршество для истинного гурмана, а вот хлеб! Это действительно было что-то необыкновенное, праздничное, ни с чем не сравнимое. Да и позже, бывая в командировках по стране, всегда привозила я в Москву неподражаемые грузинские саоджахо, армянский тонкий, как простыня, чуть пресноватый лаваш, среднеазиатские чуреки, украинские паляницы. Ах если бы все это богатство — да на стол к широкому потребителю!

Но, возвращаясь от мечты на землю, хочу процитировать еще одно письмо — А. Голика из деревни Басихино Стародубского района Брянской области. Вот чем он озабочен: «Я сельский житель и, бывая в совхозной столовой, часто вижу, как наши хлеборобы бездушно бросают недоеденный хлеб, практически никто не рассчитывает, сколько он съест за обедом. А ведь это деревня! Прежде, когда мать пекла хлебы, всегда угощала соседей. Дорогим гостинцем была для нас свежевыпеченная румяная булочка. Нет, надо прямо сказать, что перестройка еще не до всех дошла. Не дошла она и до нашего Стародубского комбината. Хлеб, который они поставляют, часто не свежий. Может быть, поэтому много его идет на корм скоту, просто на выброс».

В доме, в котором я живу, более трехсот квартир. Наша уборщица, разбирая, сортируя мусор, ежедневно находит в нем десятки килограммов выброшенного, несъеденного хлеба. И что же мы, жильцы дома, бьем тревогу по этому поводу? Нет.

Прошлым летом я гостила в Азербайджане, в семье заслуженного нефтяника, семье большой, очень хлебосольной. Там никогда не велись разговоры о хлебе, но я не могла не обратить внимания на одну деталь. Никто, даже маленькие дети, ни разу не оставил около своей тарелки недоеденный хлеб. Не знаю, результат ли это воспитания, пример ли главы семьи, выходца из крестьянской семьи, связь и любовь с которой не потеряна, несмотря на долгие годы жизни в городе, или врожденное, почти священное отношение к хлебу?

Пора же наконец всем вместе подумать, как каждый, будь то хлебороб, хлебопек, продавец или просто потребитель, может помочь искоренить наплевательское отношение к хлебу, выявив честно и откровенно свое место в борьбе против этого зла.

Пишите нам о тех практических шагах, которые предпринимаете вы сами по спасению нашего всенародного достояния или советуете сделать тем, от кого это зависит в большей мере.

Виолетта МОРОЗОВА

И СНОВА ДИКУЛЬ

После публикации очерка о силовом жонглере В. И. Дикуле (№ 41, 1986 г.) редакция получила более трехсот читательских откликов. Автор очерка Д. Лиханов встретился с Валентином Ивановичем.

— Вот письмо от жителя Нефтекамска Рамиля Галиева: «Мне двадцать пять лет. Из них шесть с половиной — «спинальник». Травма, недвижимость, операция и инвалидность первой группы. Отец повез в Москву. Там сказали, что самое большее, что я смогу,— самостоятельно ворочаться в постели. Отец сделал специальные приспособления. Я начал учиться стоять. Вначале стоял всего несколько секунд, а теперь могу два с половиной часа. Начал ползать и через некоторое время сделал семь шагов. И упал. Но я смеялся и плакал от радости. Да, я инвалид, но я хочу жить!» Писем, подобных этому, в редакционной почте — большинство. Кто-то просит срочной консультации, иные — совета, а все вместе ждут вашей помощи, Валентин Иванович.

— Я и сам получаю такие вот письма чуть ли не ежедневно. Недавно вернулся из гастролей, заехал в цирк на Ленинских горах и забрал всю накопившуюся за три месяца почту — двенадцать тысяч писем. Когда отвечу на них — пока что не знаю. Сделать это сразу же, поверьте, просто выше моих возможностей. Дело осложняется еще и тем, что я практически не бываю у себя дома, в Каунасе. Сами понимаете: жизнь циркового актера — это постоянные разъезды. Выход, однако, существует. Был бы рад, если бы удалось опубликовать в каком-нибудь журнале первоначальные тесты, которые я высылаю всем больным вне зависимости от их состояния. Кроме этого, было бы неплохо опубликовать чертежи специальных тренажеров, необходимых для занятий по реабилитации. Одним словом, намереваюсь вести диалог со своими пациентами посредством журнала. Думается, это наиболее рациональный способ общения как для них, так и для меня самого. Разумеется, это не исключает личных встреч и переписки с больными. Просто еще раз хочу напомнить: большую часть людей я все-таки консультирую заочно. А потому публикации в журнале наиболее приемлемое к тому подспорье.

— Вы упомянули о чертежах тренажеров. Однако, согласитесь, изготовить их не каждому по силам. Тут же возникает множество вопросов: где взять материалы, кто возьмется за такую работу?

— Насколько мне известно, эта проблема почти решена. Производство тренажеров уже освоил минский экспериментальный завод «Рембыттехника».

— «Нужно помочь Дикулю,— пишет в своем письме Л. В. Вшивкова из г. Серова Свердловской области,— нужно выделить ему специальное помещение, выделить медперсонал, чтобы можно было лечить не по два-три, а по пятьдесят — сто человек одновременно. Нужно обратиться за помощью в Минздрав СССР. Почему министерство само не проявляет здесь инициативы?» Подобные же мысли высказывают К. Смирнов из Харькова, Бруснин из Новосибирска и многие другие наши читатели.

— Я рад, что в медицинском мире к моей системе реабилитации проявлен определенный интерес. Вот только что вернулся из Франции, встречался там с врачами, учеными. Коечто рассказывал, что-то показывал. Нет, говорят, такого у нас пока нет. В шестнадцати странах мою систему уже начали внедрять в практику. Естественно, это приятно...

Что касается распространения системы у нас в Союзе, то, насколько мне известно, пока только два медицинских учреждения взяли мою систему на вооружение: военный санаторий в Евпатории и ВНИИ нейрохирургии имени Бурденко. Не раз и не два приезжали ко мне их специалисты, вникали в тонкости дела, расспрашивали, изучали. Теперь вот открыли у себя на местах специальные залы, поставили тренажеры, начали работать с больными, и, как мне сообщили недавно, уже есть первые положительные результаты. Я всегда приветствовал подвижничество, а потому готов оказать методическую помощь любому врачу, которого заинтересует моя система реабилитации. Однако таких подвижников пока что все-таки маловато.

А вот мои отношения с Министерством здравоохранения — это разговор особый. То есть я хочу сказать, что этих отношений попросту не существует. До недавней поры Минздрав ограничивался ролью почтового посредника: больные писали им письма, а они переадресовывали их ко мне. Только перед последними гастролями получил первую официальную весточку. И то даже не весточку, а приказ какой-то; мол, выслать нам вашу систему! Дескать, вышлете, а мы уж тут решим, что с нею делать. Вот и вся история наших отношений с Минздравом.

И еще: система реабилитации пока не запатентована. О чем приходится только сожалеть.

— В этой связи хотелось бы привести отрывок из письма заведующего восстановительным отделением Чеховской районной больницы Н. А. Маркова. «Прежде всего,— предлагает Николай Алексеевич,— нужно оказать содействие Дикулю в оформлении монографии, представить эту монографию для присуждения звания доктора медицинских наук, создать специальный реабилитационный центр во главе с Дикулем». Что скажете на это, Валентин Иванович?

— Что сказать? Понимаете, дело ведь не в звании, а в официальном признании. А Министерство здравоохранения СССР не только не признает, но даже не проявляло до последнего времени хотя бы малейшего интереса к тому, чем я занимаюсь. Да дело даже не во мне. Представьте, сколько инвалидов смогли бы наконец обрести долгожданную надежду на исцеление, если бы любая районная, поселковая больница предоставляла им возможность заниматься по апробированной системе реабилитации.

Некоторые медики сетуют, мол, работа по системе требует много времени, а такой возможности у них нет. Но ведь дело-то не в этом, а в том, чтобы научить самого больного человека пользоваться системой, показать ему азы...

Надеюсь, у меня еще хватит сил, чтобы помочь многим и многим страждущим. Многим, но не всем...

— После публикации очерка «Феномен Дикуля» в редакцию пришло большое количество писем, авторы которых предлагают вам свою помощь в ведении секретарской работы. Среди прочих ленинградка А. Н. Аношкина, москвички З. И. Грузнова и Светлана Боринская, Юрий Якуничев из Новгорода.

— Ну, во-первых, огромное им всем спасибо за живое человеческое участие в моем деле. Я и в самом деле «зашиваюсь», а жена вынуждена отвечать на пятьдесят писем ежедневно. Это очень большая нагрузка. Что же касается помощи, то я пока с трудом себе представляю, как это возможно осуществить практически — ведь я все время в разъездах. Не заставлять же людей колесить за мною по всей стране? Но если вдруг — паче чаяния — окажусь в вашем городе, милости просим — от помощи, конечно же, не откажусь. Хорошо бы, конечно, если бы мои добровольные помощники имели медицинское образование, потому как дело приходится иметь с письмами больных. А это значит, надо уметь распознавать симптомы, классифицировать корреспонденцию по диагнозам. Короче, кроме желания, нужен еще и некоторый опыт...

Когда наша короткая беседа подошла к концу, я спросил у Валентина Ивановича о тех пациентах, которых повстречал в его гримерной год назад. Что с ними? Каковы успехи?

— Помните Селсо из Бразилии? — сказал Дикуль. — Уехал домой. На своих ногах. А ту монгольскую гимнастку с переломом позвоночника? Уже ходит. На костылях, правда, но всетаки... Всего лишь год назад они делали первые шаги.

ОТ РЕДАКЦИИ: Разговор о Валентине Дикуле и его системе еще очень далек от своего логического завершения. Первым делом читатели ждут официального ответа Министерства здравоохранения СССР на следующие вопросы. Чем объяснить столь прохладный интерес министерства к разработкам В. И. Дикуля? Почему его метод до сих пор не получил широкого всесоюзного распространения? Когда — это вопрос к Управлению по патентованию изобретений Торгово-промышленной палаты СССР — удосужатся наконец выдать Дикулю авторское свидетельство на созданную им систему реабилитации инвалидов? Словом, когда же, наконец, вопреки ведомственной несогласованности, метод В. И. Дикуля станет достоянием даже не десятков, а сотен клиник?

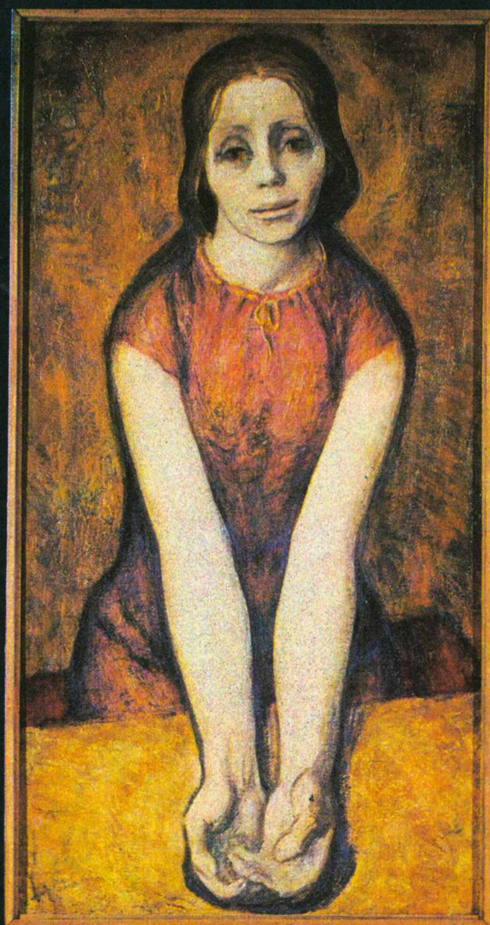
ПРИТЧИ НЕМЕНСКОГО

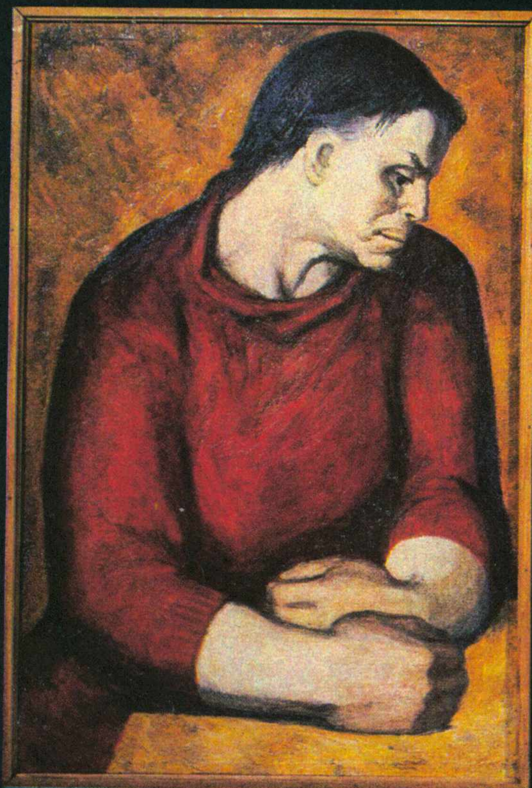
Молодой Борис Неменский вошел в живопись признанным мастером. Но с тех пор почти каждая его новая работа вызывала острые споры. Так было четверть века назад у картины «Безымянная высота», так произошло и в прошлом году возле его «Собеседников» в выставочном зале на Кузнецком мосту.

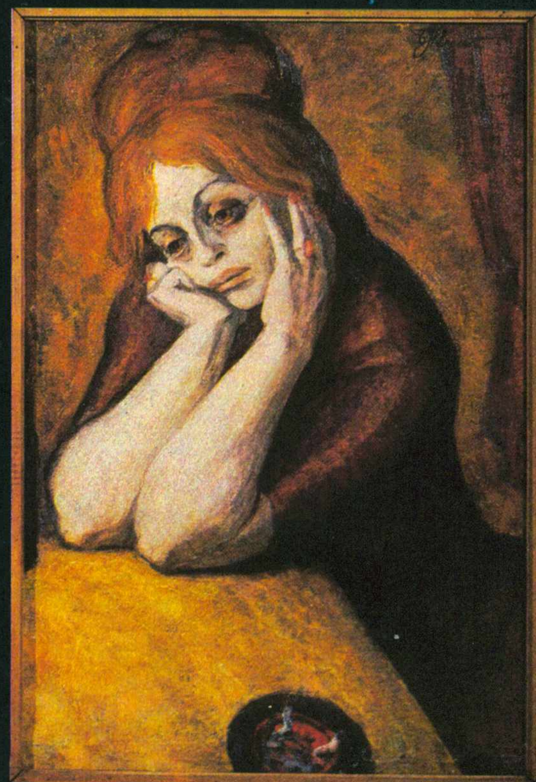
Что же вызывает страстную, полярную порой разницу суждений и оценок? Художественный язык мастера ясен и реалистичен, лишен всяческо-

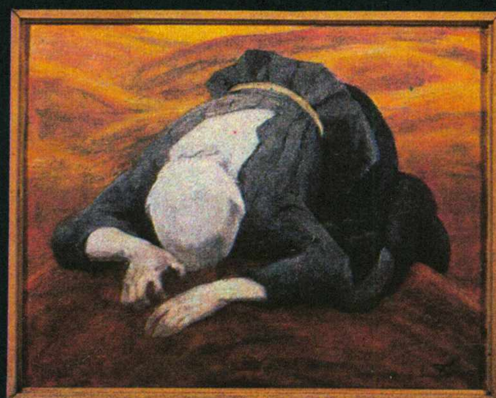
Б. М. НЕМЕНСКИЙ. Род. 1922. СОБЕСЕДНИКИ. 1984.

ПАМЯТЬ.
1969—1971.
(КВАДРИПТИХ)

го лукавства формы или ее труднопрочтения. Мир образов естествен, как сама жизнь. Изображаемые люди и события легко узнаваемы: они современны нам или уж, во всяком случае, хранятся в памяти не книжной, а живой.

Многое объясняет суждение, высказанное в книге отзывов одной из выставок: «О чем спорят? Ведь это не картина, а притча. Значит, каждый волен толковать ее по-своему. Только должен понимать, что спорит не с художником, а со своим толкованием, то есть сам с собой». Подпись: Николай Гусаров, инженер.

А ведь и вправду притчи. Особого рода художественно-философские сказания, где в один узел стягиваются разные времена, неожиданно сталкиваются и спорят между собой характеры и обстоятельства. Полотна художника обращены к совести, чести и долгу человека. Отсюда обнаженность и разноречивость откликов на них. И это видение мира пришло к Неменскому не в тиши мастерской. На войне, на ее фронтах, куда он был направлен как военный художник студией имени Грекова.

Фронтовые рисунки и этюды — своеобразная летопись человеческого возмужания солдата и художника. Сначала они напоминают газетные корреспонденции — беглые сообщения о боях, атаках, окопном быте; потом приходит интерес к личности самого воина, ратного труженика; наконец, в «Берлинских этюдах», где так пронзителен контраст свежих руин и звенящей от счастливой тишины весны, появилось предощущение жизни как служения миру, истине и доброте.

С тех пор минуло более четырех десятилетий. И вот в прошлом году состоялась персональная выставка Бориса Михайловича Неменского. Она открылась в Москве, потом переезжала в Ленинград, Казань, Саратов, другие города. Там собрались вновь герои его притч, спутники раздумий, образы людей, любимых художником и взволновавших его. Вместе они рассказывали друг о друге значимее и отчетливее, чем раньше, и, сомкнув свои времена с днем нынешним, помогали разделить со зрителем его тревоги и заботы.

И снова взгорбилась «Безымянная высота». А ведь четверть века назад многие за нее прямо обвиняли художника в пацифизме. Возражая им, Константин Михайлович Симонов писал: «О чем хотел сказать художник этой картиной? О подвиге юноши, защищавшего и защитившего на этой войне свою советскую землю? Да, об этом. Но не только об этом. А по-моему, еще и о том, что, не подвергая сомнению красоту человеческого подвига на войне, нельзя забывать, что сама по себе война — далеко не лучший способ разрешения споров между людьми».

Горькая справедливость этих слов подтверждена всем нашим временем, когда миру явился уже не призрак, а реальный облик такой войны, где не будет ни победителей, ни побежденных.

...Молчанию безымянных отвечает крик младенца. Его только что восприняли и бережно вознесли натруженные руки седой, усталой женщины. Но появился он на свет не в добрый час, а в партизанском отряде, в чистом поле. Сжимается смертельное кольцо врагов. Им противостоит редкая цепочка людей, почти безоружных, но готовых гибелью своей оградить народившуюся жизнь. «Здесь твой сын» — так назвал художник эту картину. И снова в перекличке времен ощущается хрупкость самого земного шара как колыбели человечества, охранить которую от уничтожения по-прежнему способна лишь добрая людская воля.

А эхо минувшей войны все отдается, все продолжает звучать во многих наших домах. Вдовий стол горек, как судьба собравшихся за ним солдаток. Их одиночеству неведома даже радость материнства, иначе дети пришли бы за этот стол помянуть отцов. «Женщины моего поколения» — печальная притча, тризна по светлому мужскому братству...

Но жизнь продолжается и полнится новыми людьми. Кто они, молодые, знающие войну лишь по книгам и кинофильмам? Способны ли повести за собой?

Неменский предпринимает необычное художническое исследование. Он создает серию портретов, но, в сущности, единый портрет творческого коллектива. И называет его «Поколение». Те, кого он пишет, ему хорошо знакомы. Это его ученики. Какие они разные: один застенчив, другой не лишен скептицизма, здесь — затаенная лиричность, там — скрытое озорство. Но всех объединяет подлинная интеллигентность того особого склада, что приобретается напряжением духовной жизни и готовностью к самоотдаче. На их лицах лежит отсвет той надежды, которая привела сегодня на порог перестройки десятки и сотни тысяч их сверстников.

И вот оно наступает, время пере-

Окончание на вкладке 4

ПОЭТИЧЕСКАЯ АНТОЛОГИЯ

РУССКАЯ МУЗА XX ВЕКА

ВЕДЕТ ЕВГЕНИЙ ЕВТУШЕНКО

АННА АХМАТОВА (1889—1966)

До сих пор продолжается и, возможно, будет еще долго продолжаться странный спор, кого считать первой женщиной-поэтом в России — Ахматову или Цветаеву. На мой взгляд, они обе были первые. Поэзию Ахматовой от цветаевской отличает законченность формы, классическая прозрачность и камерная тематика, за редкими, но зато блистательными исключениями. Написав сравнительно мало «гражданских стихов», она зато не написала почти ни одного посредственного, которое не выдержало бы испытания «бегом времени». Таково было ее стихотворение, отвергавшее мысль об эмиграции,— «Мне голос был». Таковым во время войны явилось патриотическое хрестоматийное «Мужество». Таковой была ее замечательная маленькая поэма «Реквием», другие стихи того времени. Показательно для Ахматовой, что, несмотря на свою материнскую трагедию, она не озлобилась, а поведала свою боль с редким достоинством и выдержкой. В 1946 году Ахматова вместе с Зощенко была подвергнута резкой несправедливой критике в постановлении «О журналах «Звезда» и «Ленинград». Однако начиная с шестидесятых годов ее имя было реабилитировано общественным мнением. В 1964 году Ахматова получила премию «Этна — Таормина» в Италии, в 1965-м — докторскую мантию в Оксфорде. Она скончалась, будучи широко признанной как дома, так и за рубежом. Похороны Ахматовой были прощанием с целой литературной эпохой, которую она представляла.

ВЕЧЕРОМ

Звенела музыка в саду
Таким невыразимым горем.
Свежо и остро пахли морем
На блюде устрицы во льду.

Он мне сказал: «Я верный друг!»
И моего коснулся платья.
Как не похожи на объятья
Прикосновенья этих рук.

Так гладят кошек или птиц,
Так на наездниц смотрят стройных...
Лишь смех в глазах его спокойных
Под легким золотом ресниц.

А скорбных скрипок голоса
Поют за стелющимся дымом:
«Благослови же небеса —
Ты первый раз одна с любимым».

1913.

●

Ты знаешь, я томлюсь в неволе,
О смерти господа моля.
Но все мне памятна до боли
Тверская скудная земля.

Журавль у ветхого колодца,
Над ним, как кипень, облака,
В полях скрипучие воротца,
И запах хлеба, и тоска.

И те неяркие просторы,
Где даже голос ветра слаб,
И осуждающие взоры
Спокойных загорелых баб.

1913.

●

На шее мелких четок ряд,
В широкой муфте руки прячу,
Глаза рассеянно глядят
И больше никогда не плачут.

И кажется лицо бледней
От лиловеющего шелка,
Почти доходит до бровей
Моя незавитая челка.

И непохожа на полет
Походка медленная эта,
Как будто под ногами плот,
А не квадратики паркета.

А бледный рот слегка разжат,
Неровно трудное дыханье,
И на груди моей дрожат
Цветы небывшего свиданья.

1913.

●

Мне голос был. Он звал утешно,
Он говорил: «Иди сюда,
Оставь свой край глухой и грешный,
Оставь Россию навсегда.
Я кровь от рук твоих отмою,
Из сердца выну черный стыд,
Я новым именем покрою
Боль поражений и обид».

Но равнодушно и спокойно
Руками я замкнула слух,
Чтоб этой речью недостойной
Не осквернился скорбный дух.

1917.

●

Чугунная ограда,
Сосновая кровать.
Как сладко, что не надо
Мне больше ревновать.

Постель мне стелют эту
С рыданьем и мольбой;
Теперь гуляй по свету
Где хочешь, бог с тобой!

Теперь твой слух не ранит
Неистовая речь,
Теперь никто не станет
Свечу до утра жечь.

Добились мы покою
И непорочных дней...
Ты плачешь — я не стою
Одной слезы твоей.

1921.

КЛЕВЕТА

И всюду клевета сопутствовала мне.
Ее ползучий шаг я слышала во сне
И в мертвом городе под беспощадным небом,
Скитаясь наугад за кровом и за хлебом.
И отблески ее горят во всех глазах,
То как предательство, то как невинный страх.
Я не боюсь ее. На каждый вызов новый
Есть у меня ответ достойный и суровый.
Но неизбежный день уже предвижу я,—
На утренней заре придут ко мне друзья,
И мой сладчайший сон рыданьем потревожат,
И образок на грудь остывшую положат.
Никем не знаема тогда она войдет,
В моей крови ее неутоленный рот
Считать не устает небывшие обиды,
Вплетая голос свой в моленья панихиды.
И станет внятен всем ее постыдный бред,
Чтоб на соседа глаз не мог поднять сосед,
Чтоб в страшной пустоте мое осталось тело,
Чтобы в последний раз душа моя горела
Земным бессилием, летя в рассветной мгле,
И дикой жалостью к оставленной земле.

1921.

●

Я знаю, с места не сдвинуться
Под тяжестью виевых век.
О, если бы вдруг откинуться
В какой-то семнадцатый век.

С душистою веткой березовой
Под Троицу в церкви стоять,
С боярынею Морозовой
Сладимый медок попивать.

А после, на дровнях, в сумерки,
В навозном снегу тонуть.
Какой сумасшедший Суриков
Мой последний напишет путь?

●

Когда человек умирает,
Изменяются его портреты.
По-другому глаза глядят, и губы
Улыбаются другой улыбкой.
Я заметила это, вернувшись
С похорон одного поэта.
И с тех пор проверяла часто,
И моя догадка подтвердилась.

1940.

●

М. Цветаевой

Невидимка, двойник, пересмешник,
Что ты прячешься в черных кустах?
То забьешься в дырявый скворешник,
То мелькнешь на погибших крестах,
То кричишь из Маринской башни:
«Я сегодня вернулась домой,
Полюбуйтесь, родимые пашни,
Что за это случилось со мной,
Поглотила любимых пучина,
И разграблен родительский дом».
Мы сегодня с тобою, Марина,
По столице полнощной идем,
И безмолвнее шествия нет,
А за нами таких миллионы,
А вокруг погребальные звоны
Да московские дикие стоны
Вьюги, наш заметающей след.

1940. Март.

ЭПИГРАММА

Могла ли Биче словно Дант творить,
Или Лаура жар любви восславить?
Я научила женщин говорить...
Но, боже, как их замолчать заставить!

ПУШКИН

Кто знает, что такое слава!
Какой ценой купил он право,
Возможность или благодать
Над всем так мудро и лукаво
Шутить, таинственно молчать
И ногу ножкой называть?..

1943.

УЧИТЕЛЬ

Памяти Иннокентия Анненского

А тот, кого учителем считаю,
Как тень прошел и тени не оставил,
Весь яд впитал, всю эту одурь выпил,
И славы ждал, и славы не дождался,
Кто был предвестьем, предзнаменованьем,
Всех пожалел, во всех вдохнул томленье —
И задохнулся...

1945.

ИЗ СЕДЬМОЙ КНИГИ

●

Мне ни к чему одические рати
И прелесть элегических затей.
По мне, в стихах все быть должно некстати,
Не так, как у людей.

Когда б вы знали, из какого сора
Растут стихи, не ведая стыда,
Как желтый одуванчик у забора,
Как лопухи и лебеда.

Сердитый окрик, дегтя запах свежий,
Таинственная плесень на стене...
И стих уже звучит, задорен, нежен,
На радость вам и мне.

1936—1960.

ТРИ СТИХОТВОРЕНИЯ

1.

Пора забыть верблюжий этот гам
И белый дом на улице Жуковской.
Пора, пора к березам и грибам,
К широкой осени московской.
Там все теперь сияет, все в росе,
И небо забирается высоко,
И помнит Рогачевское шоссе
Разбойный посвист молодого Блока...

2.

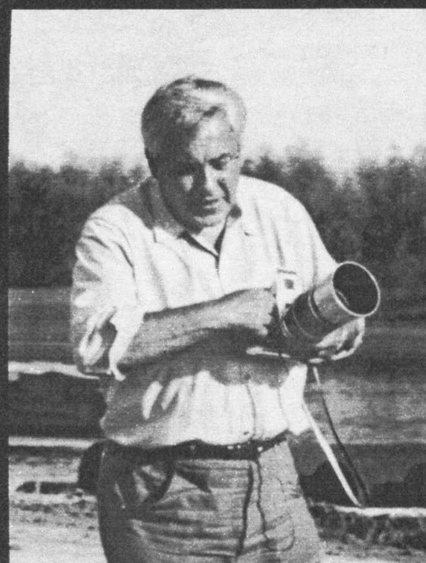
И в памяти черной пошарив, найдешь
До самого локтя перчатки,
И ночь Петербурга. И в сумраке лож
Тот запах и душный и сладкий.
И ветер с залива. А там, между строк,
Минуя и ахи и охи,
Тебе улыбнется презрительно Блок —
Трагический тенор эпохи.

3.

Он прав — опять фонарь, аптека,
Нева, безмолвие, гранит...
Как памятник началу века,
Там этот человек стоит —
Когда он Пушкинскому Дому,
Прощаясь, помахал рукой
И принял смертную истому
Как незаслуженный покой.

1944—1960.

ИМЯ НА СТРАНИЦЕ

После Победы военные корреспонденты — племя шумное, бывалое, рисковое — возвращались в свои редакции с бесценным грузом отснятой пленки. Бесценным — так мы говорим сегодня, понимая, что нет ничего дороже правды запечатленной, тем более если речь идет о правде войны. Среди тех, кто вернулся домой с полей сражений, был и тридцатитрехлетний Дмитрий Бальтерманц.

Весна, открывшиеся дали мирных лет, врожденное восприятие жизни как подарка — все это помогало Дмитрию Николаевичу обрести себя как фотохудожника. Вскоре эта фамилия стала известной — на страницах «Огонька»

Горе.
Керчь. 1942 г.

Чайковский.
Германия. 1945 г.

его работы появлялись регулярно. В нашем журнале он — 40 лет, чем не рекомендация мастеру! А к войне, к памяти о тех, кто отдал жизни за нашу свободу и независимость, он снова вернулся, но уже в мирное время. С выставкой своих фотографий, показывающих войну такой, какой она была, Дм. Бальтерманц объехал не одну страну. С годами потребность рассказать о цене Победы стала насущной. Дм. Бальтерманц — один из организаторов выставки военных фотожурналистов в США, которая была открыта в связи с 40-летием разгрома фашизма. И жители американских городов благодарили за предоставленную возможность увидеть, какая она, война, была...

Мастерство, освещенное опытом долгих лет жизни и неистребимой способностью удивляться, не иссякает. Напротив, фотокорреспондент всегда в дороге — и тогда, когда сам уезжает по делам, и тогда, когда его работы разлетаются по городам и весям, и тогда, когда он с глазу на глаз остается со своими учениками. Человек в движении — значит, он обеспокоен общими людскими заботами. Значит, его имя на странице журнала, обложке книги или альбома еще принесет читателям немало радости и творческих открытий.

Николай БЫКОВ

● Мать шести рыбаков. Ханты-Мансийский автономный округ. 1971 г.

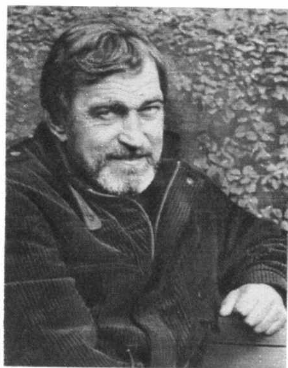
● Строитель БАМа. 1981 г.

● Вьетнам. Праздник в деревне. 1954 г.

Синица пана Тадеуша

Вячеслав ШУГАЕВ

РАССКАЗ

Проснулся от стука в окно, полежал недолго, в вязкой полудреме, и только тогда удивился: в окно никто стучать не мог, он жил на девятом этаже. «Наверное, Пшешека прижало. Невтерпеж бедняге, решил в окно поглядеть»,— но пес, афганская борзая, застыв, сидел на коврике у двери и умными печальными глазами следил за хозяином. Утро, бессолнечное пока, начальное, заполняло комнату синеющим, прохладным светом. В окно снова постучали, с настойчивой громкостью и нетерпением. Вскочил, с замеревшим сердцем откинул занавеску — о стекло билась синица, налетала и налетала желтой грудкой и звонко, тревожно пристукивала клювом. Встретился с ее испуганными, фиолетовыми бусинками, и сердце замерло еще сильнее. «Щикорка, ну, что ты?! Щикорка, подожди!»—распахнул балконную дверь, но синица стремительно унеслась в августовское небо.

Вышел на балкон, заставленный и заваленный канистрами, шинами, старыми и новыми автожелезками, посылочными ящиками, на которых еще не выцвели фиолетовые буквы, писанные тещиной стареющей рукой: «Пану Тадеушу...» — она и при встречах обращалась к нему только так, видимо, считая: раз уж зять — иностранец, то и родственная свойскость непозволительна с ним. Пан Тадеуш как-то просил Марию: «Скажи матери, хватит меня навеличивать. Я все же не чужой». «Мать — человек сдержанный, боится международных скандалов. Вдруг ты ноту протеста подашь?» «А может, она посмеивается? Может, это тещины колючки?» «Зятя надо уважать — ка-

Рисунок Левона ХАЧАТРЯНА

кой тут смех? Скажу ей, чтоб называла тебя: пан сынок. Или: пануля-сынуля. А я тебя буду звать: Тадушечка. Тадушечка-кадушечка. Подушечка. Вон ты как разъелся на тещиных хлебах. Ну, так как тебя звать?»

Пан Тадеуш улыбнулся, вздохнул — сегодня Мария вернется, она сама сказала: «Жди двадцать пятого»,— значит, сегодня, наверное, пересекла уже границу, и утренний ветерок сдувает сейчас стерлитамакскую пыль с крыши ее «малюха» *. Над просторными пустынными улицами Брудно ** настаивался на обильной росе и привядших листьях ясный, с грустными золотыми нитями день. Внизу, в ветвях кленов и каштанов, весело перепархивали синицы, нежно и беспечно посвистывая. Должно быть, и синица, разбудившая его, мелькает тоже там, прибавляет своим горлышком чистоты и звонкости этому утру. Что же ее занесло на девятый этаж? Почему она так тревожно и настойчиво стучалась? От ворон спасалась, от ястреба? И опять из ясных и свежих глубин начинающегося дня плеснуло на пана Тадеуша холодной, липкой тревогой: «Вспомнил! Мария говорила. Да, да, да! Однажды говорила, есть у русских примета: птица, залетающая в окно, бьющаяся о стекло, готовит к дурной вести. Готовься к беде, встретивший такую птицу. Родные и близкие твои страдают... Что с Марией?! Что с Марией?! Но почему с Марией?!»

Вернулся с балкона, Пшешек с покорной надеждой поднялся с подстилки — вдруг хозяин вспомнил о нем и сейчас выведет.

— Пшешек, где Мария?

Пес нерешительно вильнул хвостом и посмотрел на дверь.

— Что с ней? Ты не знаешь?

Тревога из смутной, душевной хмури перешла в живые и жуткие картины: «малюх» летит с откоса; лицо Марии, неподвижное и белое, за ветровым стеклом; маленькая Маринина ладонь, прощально выставившаяся из груды мятого железа,— пан Тадеуш беспомощно огляделся: надо было вытеснить эти минуты житейской занятостью, какими-нибудь будничными, трезвыми рассуждениями. Сварил кофе и пока пил, пока жевал бутерброд с сыром, вяло думал, что опять по Варшаве ходят слухи: кофе подорожает и надо бы запастись по нынешней цене — хотя... На всю жизнь не запасешь. Посмотрел на часы — пять утра. «Вот что! — обрадованно решил он.— Выеду сейчас. Люди, разговоры, дорога — вот что мне нужно. А там и Мария приедет. Нечего страхи разводить. Никаких примет! Щикора ошиблась. Правильно сделала, что разбудила. Работать надо, а не в постели валяться».

Побегал с Пшешеком вдоль придорожных кустов и деревьев, потом привязал его к забору автостоянки: «Отдыхай, Пшешечек. Полежи на травке, подожди меня. Или Марию». Пшешек вздохнул и улегся среди лопухов и подорожников. Пан Тадеуш завел свой «фиат», снял чехол с «шашечек» на крыше — накануне он ездил к товарищу и обязан был спрятать знаки такси — и, помахав сторожу автостоянки пану Кшиштофу, выехал на улицу.

Вскоре его остановил молодой человек с сердитым лицом — брови сдвинуты, глаза зло сощурены, на щеках бледный, злой румянец. Рванул дверцу, порывисто вскочил на переднее сиденье, торопливо, с какою-то судорожностью захлопнул дверцу — жалобно, со стоном крякнул замок. «Будто гонятся за ним. Свою машину заведи, а потом дверцы рви»,— подумал пан Тадеуш, но промолчал.

— На Келецкую!

Только тронулись, сердитый молодой человек остановил его.

— Подожди! — открыл дверцу и закричал: — Лида! Где ты? Давай быстрее!

Из-за афишной тумбы нерешительно выдвинулась понурая, жалкая фигурка, кутавшаяся в длинную розовую кофту. Пану Тадеушу показалось издалека, что лицо ее заревано и припухшее, но подошла поближе, увидел сухие, требовательные, карие глаза и понял, что ошибся.

Молодой человек выскочил из машины, нетерпеливо схватил Лиду за руку:

— Не будь еле-еле! Садись, еще поговорим.

— Разве ты не все сказал?

— Садись, садись!

Теперь они сели сзади, молодой человек хотел обнять Лиду, но она отодвинулась в угол.

— Подумай еще раз, Лидка. Через год я вернусь. Ну, что случится с нами за год?

— Ничего не случится. Это будет пустой и глупый год.

— Мы купим машину. Оденемся. Мы будем жить, как люди.

— Мы и сейчас не нагишом. Зачем нам машина? Целый год из жизни вылетит. Мое сердце изменится, твое. На какой машине ты вернешь все это?

— При чем тут сердце, Лидка?! Разве плохо: жить и никому не завидовать? У нас все будет.

— Мне будет противно, Марек. Ты там будешь объедки за сытыми шведами убирать или тротуары за ними мести — даже думать об этом противно.

— Чушь собачья. Могу и получше устроиться. Еще раз предлагаю, Лидка. Поедем вместе?

— Не хочу. Здесь надо жизнь устраивать. Нашу с тобой, Марек. И вообще...— Лида отвернулась к окну, за которым летела влажная, утренняя зелень Варшавы.

«Хлопак на заработки собрался. Понятно. Торопится очередь за визой занять».— Пан Тадеуш вспомнил, что на Келецкой расположено шведское консульство.

С Марией он познакомился под Харьковом, где варил трубопровод. Был май, в степи пахло молодой полынью и донником, небо не уставало сиять голубизной — в ту весну судьба пана Тадеуша охотно подчинилась безоблачным, зеленеющим, цветущим силам: бок о бок с ним жили добрые люди; всласть работалось, всласть плясалось и пелось на вечерних полянах; сны приходили праздничные и беспечные — и вершили это весеннее благоденствие устойчиво богатые заработки. А тут появилась и Мария из Стерлитамака, заставившая не одного пана Тадеуша заглядывать — с делом и без дела — в киповскую лабораторию. Он, правда, оказался проворнее. Пока другие заглядывали да лясы точили, он на первом же вечере танцев подкатился к синеглазой, строго вскидывающей левую бровь лаборантке. У самого усы — в тугих колечках, грудь — в гусарском выгибе:

— Чы можно пани запросиц?

Притеснил Марию грудью, поплотнее и пожарче, она опять бровь строго вскинула:

— Нельзя ли полегче?

— Можно, пани, можно. Но зачем?

Затем с грехом пополам объяснил ей, что пошел танцевать не столько для удовольствия, сколько для дела, хотя, конечно, танцевать с такой красивой и синеглазой — больше чем удовольствие, но все же: не согласится ли пани стать учительницей, он совсем плохо знает русский.

— Когда же это мне учительствовать?

— Вечером. И в воскресенье.

— И где же мы станем учиться?

— О, столько места вокруг,— показал пан Тадеуш на вечернюю, в легком туманце, степь.

— Знаю я эту науку! — И строго вскинула бровь.

Но он был настойчив и позже, выучив русский, любил поддразнивать Марию:

— Знает только рожь высокая, как поладили они...

Ах, Мария, Мария! Где же ты?

Свернул на Келецкую. Марек присвистнул: очередь к консульству чуть ли не перегораживала улицу. Невыспавшиеся, хмурые люди переминались, зевали, ежились и плотно, дружно молчали, точно помянуть кого пришли или вдруг перессорились здесь все. Сизое сигаретное облако перетекало через решетку во двор консульства. Марек и Лида нехотя выбрались из машины, Марек прикрепился к очереди, слился с нею, а Лида, подчеркивая, что она здесь сама по себе, отошла под сень каштана, прислонилась к стволу, теснее закутавшись в розовую кофту.

Притормозил у белого двухэтажного особняка — из ворот его выезжала черная «Волга». На выезде ждали ее трое бородатых русских. Пан Тадеуш услышал — цепким таксистским ухом, без нужды запоминающим слова, крики, смех, как некие дорожные приметы длинного дня, прощальную фразу одного из русских:

— Олег, передай Якубовскому. Пусть осмотрительнее будет. Пусть вовремя отходит. На дело и со стороны не вредно посмотреть. Отойди, оцени, тогда уж продолжай.

Инвалида пан Тадеуш заметил издалека — красная коляска на зеленом газоне резко цепляла взгляд. Странно голосовал инвалид проходящим машинам, руку ставил на подлокотник коляски, как школьник, просящийся к доске, а когда машина проскакивала, тянул вслед руку, махал и опять опускал на подлокотник.

«То ли реакция не та, то ли робеет, то ли время проводит, сам с собой играет»,— рассуждал пан Тадеуш, притормаживая возле инвалида. Щуплый, рыжий, с мучнисто-нездоровым маленьким лицом, тот испуганно глянул на пана Тадеуша и тотчас отвел глаза.

— Далеко собрался?

— Да тут... я из госпиталя... должны встречать... санитарку отпустил...— забормотал инвалид, не поднимая глаз.

— Кто должен встречать?

— Родные. Что-то случилось. Не пришли. А может, путаю?

— Что путаешь?

— Может, у дома встретят. Телефон... Плохо слышно... Не разобрал толком.

— Ясно. Где живешь?

— В Праге *.

Пан Тадеуш взял инвалида на руки — обдало больничной горечью и затхлостью,— занес в машину. Разобрал, развинтил коляску, убрал в багажник.

— Встретят, говоришь? — повернулся пан Тадеуш к инвалиду.

— Да, да. Уже ждут. И деньги у меня в кармане. Все хорошо.— Глаза у инвалида бегали и на веснушчатом маленьком лбу выступил пот.

Привез он Марию в Варшаву, и Мария ахнула:

— Сколько цветов!

И когда стали судить да рядить, чем же заняться теперь Марии, она сладко и звонко вздохнула:

— Хорошо бы цветами.

Что ж, у них были деньги, пан Тадеуш взял еще в долг у знакомых, наскреб по родне, и появился у них свой, как говорила Мария, цветочный угол — пыльный, тесный закуток под лестницей в гостинице. Отчистили, отмыли, покрасили, и среди лилий, нарциссов, гиацинтов, гладиолусов Мария впитывала польский язык и польскую разворотливость: чуть свет мчалась на вокзал за цветами, до поздних огней торговала, не уставая по сто раз на дню простодушно восхищаться какой-нибудь орхидеей: «Вы когда-нибудь встречали такую красавицу!» — покупатели уже знали, что этот возглас — излюбленный рекламный прием пани Марии. И, конечно же, с усердием вникала в тонкую науку перевязи: какой бант, какую спираль, какую загогулину из ленты, тесьмы, греческого серпантина приспособить к букету, увить его, пронзить, укротить его яркость и пышность.

Он удивлялся ее жадной переимчивости: вот она уже и руку для поцелуя подает, как истая полька; вот уже шляпки, сумочки, туфли подбирает и носит с варшавской броскостью и шиком; вот уже в ход пошли причудливо изящные брошки, розочки, веточки, ибо Мария быстро поняла: тучность, неуклюжесть форм, излишнюю тщедушность, иные скудости и изъяны фигуры полька немедленно превратит в свои достоинства какой-нибудь блесткой, искрой, игрой воображения и вкуса.

Пришла однажды возбужденная, с пылающими щеками, с горящими глазами — дома сразу стало тесно от ее нервного, нестихающего возбуждения (ни есть, ни пить, ни присесть не хотела, а все ходила, переставляла стулья, бесцельно тормошила Пшешека). Наконец несколько утихла.

— Учти! Час назад я надавала пощечин одному негодяю!

— Какому негодяю?!

— Такому.

— А что значит: учти?

— А то! Значит, запомни, значит, знай!

Оказывается, зачастил в ее магазин один, по словам Марии, сморщенный и гнилозубый тип. Выберет безлюдное время и с улыбочкой, полушепотом обязательно какую-нибудь гадость скажет: «Ах ты, нищенка советская! Как ты смеешь прикасаться к польским цветам!» Или: «Берегись, гражданка Маруся. Узнают Советы, что ты торговкой стала, лишат подданства. Впрочем, немногого оно и стоит. Не расстраивайся».

Мария спрятала среди корзин с цветами Ханку, подругу и помощницу, и, когда пан гнилозубый снова начал с тихими улыбочками выговаривать гадости, тогда Мария и припечатала ему — с левой, с правой, да в полный замах, а тут и Ханка из-за корзин выскочила: «Мерзавец! Пся крев! Тюрьма по тебе плачет. Я все слышала! На любом суде докажу, какой ты вонючий националист!» Гнилозубого как ветром сдуло.

Орхидеи и розы потеснились вскоре в жизни Марии — появилась Вера — «моя деточка, моя свечечка» — так приговаривала Мария, укачивая, успокаивая, утешая дочку. За цветами ездил теперь пан Тадеуш, в магазине управлялась Ханка, но совершалось это круговерчение как бы попутно, лишь удерживая прежний накат, а главное дело, главные хлопоты окружали Верочкину колыбель — как ест, как спит, отчего так лобик морщит во сне? Даже Пшешек подолгу стоял у зыбки, задумчиво рассматривая кричащего,

* Марка польского автомобиля.
** Район Варшавы.

* Район Варшавы.

пускающего пузыри человечка. Росла Верка, разгоралась свечечка — вдруг обжигал пана Тадеуша молниеносный страх за этот ясный, но еще слабый огонек — как легко его задуть и как же найти незамедлительное, любую беду отводящее средство, как заслонить эту беззубо радостную деточку от неизвестных, могущих не быть, но таких страшных гроз.

Но не разгорелась свечечка, задуло ее теплым весенним ветром — такая жестокая простуда напала на Верку, что ни врачебное многолюдье в их квартире, ни бессонные заклинания почерневшей Марии: «Не угасай, не угасай»,— ни матерь божья, перед которой часами простаивал пан Тадеуш, не спасли Верку.

После кладбища Мария замолчала. Замолчала каменно, зло, уперевшись глазами в землю. Сама убрала в сундук игрушки, ползунки, одеяльца, ленты, сафьяновые — до слез крохотные — сапожки. Молчала либо у окна, либо во дворе, прислонившись к дереву, а рядом молчал, вздыхая, Пшешек. Он не отходил от хозяйки, и время от времени его узкая желтая холка нервно дергалась.

Пан Тадеуш работал только днем, чтобы вечерами быть с Марией. Уговаривал вернуться к цветам — она опускала голову, не желая слышать о магазине; включал телевизор, она тотчас же выключала, пробовал читать вслух детективы — она уходила на кухню. Она похудела до голубоватой, ангельской прозрачности. Пан Тадеуш смотрел на ее истончившееся, ставшее детским запястье и готов был плакать.

И вот она сказала: «Поеду к маме». Он спросил: «Когда ждать?» «Двадцать пятого»,— боже мой, она же отвечала не думая, могла назвать другой день, другой год, а он ее ждет! Надо было следом за ней! Она же уезжала совсем, как он не понял! И стояла, понурившись, и глаз тусклых не прятала — это уже не горе было. Это безразличие. Она не хотела жить там, где не стало ее ребенка. Конечно, навсегда! Мария, неужели ты так решила?! Мария, но это ведь и мое горе! Не можешь же ты его все взять себе. Это наше горе. Раз мы нашли друг друга, мы вместе должны справиться с нашим горем!

Опомнился: «Как я еду? На автопилоте? — покосился на инвалида — тот, съежившись, дремал в углу.— А может, от страха жмурится? Гнал я, должно быть, со свистом. И с большим». Ехали мимо ворот барахолки. Небритый, жуликовато зыркающий по сторонам мужчина тасовал за фанерным столиком карты — заманивал простаков пытать счастье. Показывал сгрудившимся возле мальчишкам три карты: запоминайте. С непостижимой ловкостью и быстротой вымётывал их на стол: угадайте, где какая. Угадаешь — твое счастье, твои деньги. «Может, приткнуться на секунду? Загадать? Не на деньги, на надежду? Мария, возвращайся. Мария, извини. Сегодня — день пустых страхов. День суеверия — я так тебя жду».

Инвалид завозился, зачихал в своем углу.

— Что, дом почуял? — спросил пан Тадеуш.

— Вон мой дом. Неважно покрашенный.— «Да уж, неважно. Облезлый, заржавленный утюг».

— Что-то не вижу встречающих. И оркестр где-то прячется.

— Да... Куда-то все... Телефон... Я не понял. Происшествие... Какой-нибудь случай. Не пойму. Извините, пан...— Инвалид бормотал и бормотал слабым, плачущим тенором и не смотрел на пана Тадеуша.

— Я зато все понял. Какой этаж?

— Пятый.

— Ниже не мог? Ключ от квартиры есть?

— Да, да... Вот на шее.

Пан Тадеуш собрал коляску, занес на пятый этаж. Потом подхватил инвалида.

— Лифта нет,— ворчал пан Тадеуш.— О чем ты думаешь? Приспособил бы на подоконнике лебедку — с коляской вниз, с коляской вверх.

— Да, да... Интересно... Система блоков... Главное — моторчик...

— Помолчи. Чем больше ты говоришь, тем меньше должен весить. А у тебя наоборот. Странный ты человек. Загадочный.

У машины пана Тадеуша уже ждали: сухой, подтянутый, белоголовый старик и старуха в полотняной панаме — такое у нее было доброе, морщинистое лицо, что сразу подмывало стать ее внуком. Как вскоре выяснилось, ждали его пани Ядвига и пан Леонард. Им надо на Старо Място, там ждет их товарищ Леонарда. Товарищ приехал из России, они воевали вместе с Леонардом под Сталинградом, в прошлом году гостили у этого товарища в Москве, ее поразил вид с Останкинской башни, вы не представляете, пан такси, как далеко все видать, как страшно раскачивается эта башня,— и Кремль как на ладони, и Василий Блаженный, и даже дом их товарища можно рассмотреть. А если бы у них был бинокль, хотя бы театральный... Тут пани Ядвига прервалась и подозрительно прислушалась к глубокому молчанию пана Леонарда.

— Что с твоим носом, Леонард? Ты свистишь, как соловей-разбойник. Сейчас же достань платок.

— У меня нет платка,— ленивым, рокочущим басом ответил пан Леонард.

— Как нет?! Стыд какой! Я же приготовила, положила у зеркала.

— Я не заметил.

— Мог бы спросить!

— Ты не давала слова вставить. Впрочем, у меня никогда такой возможности не появляется.

— Умоляю, Леонард. Не свисти, ради бога. Возьми мой.

Они с Марией порой тоже смешно и нелепо перебранивались. Летом, перед рождением Веры, они гостили в Стерлитамаке, у тещи. И собрались проведать Марину бабушку, до ее деревни автобус шел два часа. Но в учреждении, распоряжавшемся такими поездками, пану Тадеушу не разрешили поехать в деревню к бабушке. Без всяких объяснений не разрешили — и жалуйся куда хочешь. Пан Тадеуш в учреждении крепился, держал нервы в кулаке, а в тещином доме разбушевался.

— Я кто? Шпион?! Из ЦРУ?! Какие такие секреты знает твоя бабушка? Я из братской страны! Я трубопровод «Дружба» строил. Мне всегда верили. И под Харьковом, и в Варшаве. Вот тебе в Польше что-нибудь запрещают? — накинулся на Марию.— Говорят, не езди к бабушке. Почему? Потому что не езди.

— Ты столкнулся с тупыми трусами. Будто их в Польше нет. Ты думаешь, тупость победишь криком? Нет, дорогой. Она тыщу раз тебе в душу плюнет, пока ей голову скрутишь. Правда, плохо мы еще умеем ей головы крутить.

— А мне от этого легче?! — не унимался пан Тадеуш.— Плевал я на вашу тупость. Я пешком к бабушке пойду. Нигде отмечаться не буду.

— Пошли,— согласилась Мария.—Поднимайся— и вперед.

Пан Тадеуш выскочил из дома и ударил вдоль да по улице, вдоль да по мостовой. Оглянулся: Мария следом уточкой переваливается. За городом, в густой пыльной жаре пан Тадеуш быстро остыл. А Мария все переваливалась за ним, ковыляла неторопливо — он бросился к ней, обнял, на руках внес в автобус, вернувший их к тещиному дому.

Боже мой, надо было ехать с ней в Стерлитамак. Цветы — долой, работу — долой, Пшешека — к Ханке и — в Стерлитамак. Мария, вернись!

Остановились недалеко от Сигизмунда. Его королевская вознесенность омывалась синими, ветреными потоками, утренний, свежий час помог ему сосредоточиться над Варшавой, и пока ни птицы, ни люди не докучали ему.

Пани Ядвига попросила подождать их. Сейчас захватят товарища и вернутся в Прагу, к накрытому столу, три дня она не отходила от плиты, такой салат придумала, такой...

Пан Тадеуш прошелся по площади, увидел, как под полотняным зонтом мостится слепой аккордеонист: раскладной стул долго не слушался его, заело у футляра замок, коробка для милостыни вывернулась из рук. Но вот приготовился, развел мехи: «Красные маки Монте Кассино...» — вздрогнуло сердце у пана Тадеуша: домой, домой, вместе с Марией пели когда-то они «Красные маки».

Вернулась пани Ядвига. Их друг, видимо, чуть-чуть заблудился, пан Леонард не сходит с условленного места, пан такси свободен, они ему очень, очень благодарны.

Надел на «шашечки» чехол и со слепым сердцем помчался в Брудно. «Малюх» стоял под фонарем у подъезда, пан Тадеуш приткнулся к нему. Лифт был наверху — то ли выгружали из него, то ли сломался — бегом по лестнице, какой еще тут лифт!

Мария открыла — тонкий, хрупкий подросток — «это от солнца, да, да. Загорела и совсем девчонка»,— с серьезными, немигающими глазами.

— Синица билась! Так просилась в окно! — Пан Тадеуш стоял на пороге, крутил головой, прогоняя одышливую надсадность в голосе.— Помнишь, ты говорила... Примета. С близкими беда. Синица.

— Поговорка есть про синицу. Помню. Про синицу и журавля.

— Я, выходит, журавль?

— Нет, ты не журавль.— Мария чуть-чуть улыбнулась.— От мамы большой привет.

— Маша! Маша! — Он привлек ее за острые вздрогнувшие плечи.

Пшешек тихонько вздохнул в своем углу.

Фото Сергея ПЕТРУХИНА

ТРЕТЬЯ ВЕСНА

Словно гигантский солнечный «волчок» вращается над самой кромкой прибоя. Куда там открыточному «Ласточкиному гнезду»! Это чудо — из семейства летающих и парящих. Здание, влекущее к себе, воодушевляющее. Оказалось, главный корпус пансионата «Дружба». И только-то! Но как же здорово, что именно пансионат, именно «Дружба». Форма, то бишь архитектура, настолько непривычна глазу, что тут же задаешься вопросом, каково же содержание стекло-бетонного чуда! Каково здесь живется и отдыхается!

Холлы, галереи, уютные «точки питания», все, что составляет актуальное понятие с е р в и с, в том числе и кабинеты здоровья... Душа радуется за тех, кто попал в «заезд». А они, заезды, следуют один за другим, и после каждого обитатели должны обрести как бы крылья, вернуться домой крепкими, обветренными, с желанием жить и работать по-новому.

Дорого еще и то, что пансионат — детище наших и чехословацких строителей. Отсюда и название. Дружба архитекторов и профсоюзных лидеров родила мечту, а мечта вызвала к жизни мысли, которые удалось материализовать, воплотить в металле, бетоне, стекле. В общем, отлично сработали архитекторы, строители СССР и ЧССР! Любопытно, что тут работает и море: используется его тепловая энергия!

В жизни «Дружбы» наступившая весна третья. Тысячи людей успели побывать здесь. «Вместе строили, вместе отдыхаем» — девиз, объединяющий гостей «Дружбы». Кто не работает, тот не отдыхает; профсоюзы двух наших стран отдают предпочтение тем, кто год за годом проводит смены у станка, в горной лаве, на лесах строек, у мартенов...

Море с каждым днем набирается тепла; все реже накатывают сердитые штормы, все больше зелени над каменными уступами побережья. Прогулки, игры, многоязычные беседы, обмен сувенирами, сеансы физической закалки и эмоциональные взлеты — все это и есть «Дружба» — плод дружбы наших народов.

Николай ШАТОВ

СОЛНЕЧНЫЕ СОТЫ ПАНСИОНАТА «ДРУЖБА». ЗДЕСЬ — МЕЖДУ НЕБОМ И МОРЕМ — ГОСТИ КРЫМА ВСТРЕТИЛИСЬ С НОВОЙ ВЕСНОЙ.

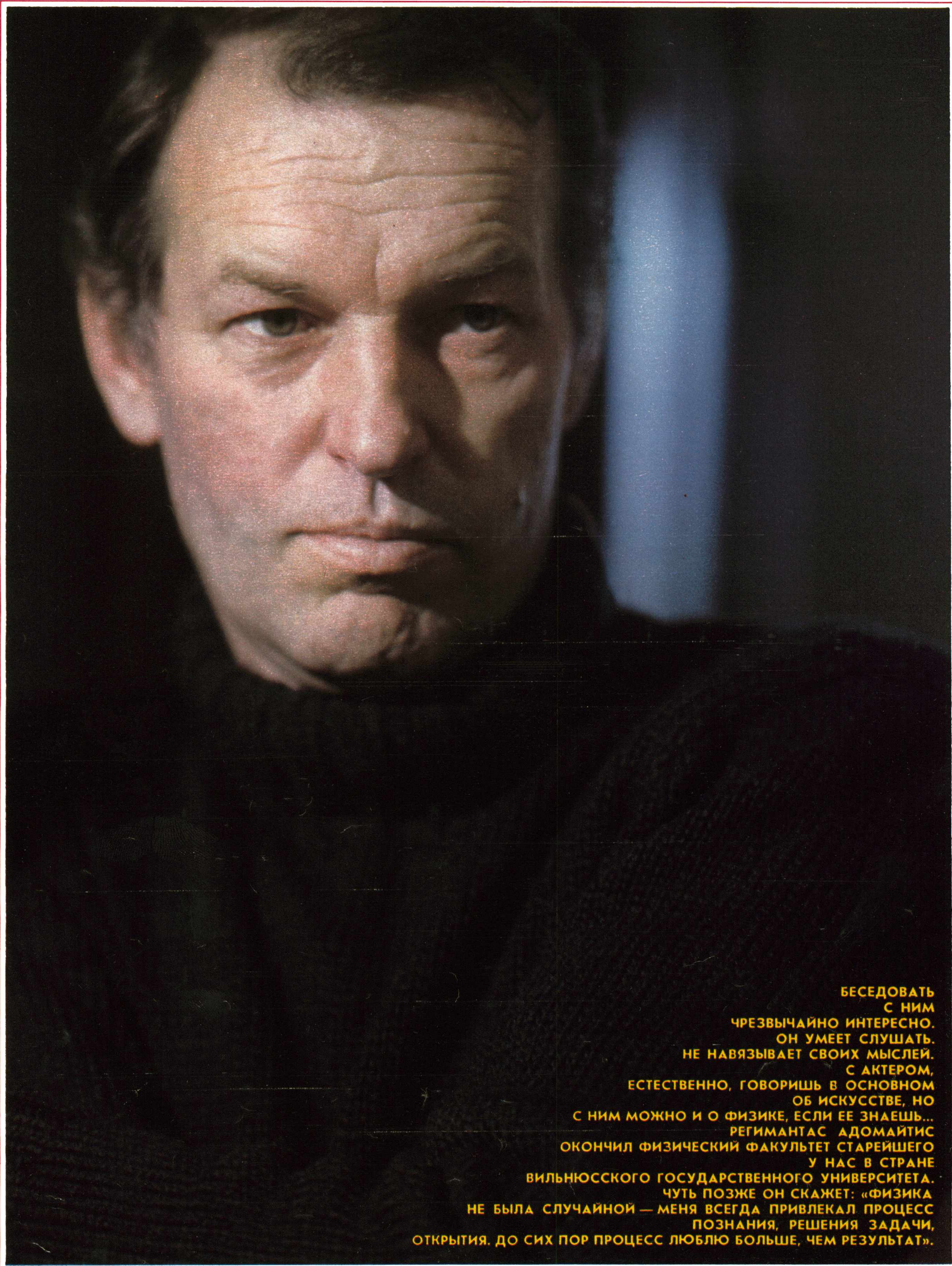

ВЕТЕР С МОРЯ, ЗЕЛЕНЫЕ ЛАБИРИНТЫ БОТАНИЧЕСКОГО САДА, ЧАСЫ УЕДИНЕНИЯ И РАДОСТЬ НОВЫХ ЗНАКОМСТВ — ВСЕ ЭТО ДАРИТ ЛЮДЯМ КРЫМСКОЕ ПОБЕРЕЖЬЕ.

БЕСЕДОВАТЬ
С НИМ
ЧРЕЗВЫЧАЙНО ИНТЕРЕСНО.
ОН УМЕЕТ СЛУШАТЬ.
НЕ НАВЯЗЫВАЕТ СВОИХ МЫСЛЕЙ.
С АКТЕРОМ,
ЕСТЕСТВЕННО, ГОВОРИШЬ В ОСНОВНОМ
ОБ ИСКУССТВЕ, НО
С НИМ МОЖНО И О ФИЗИКЕ, ЕСЛИ ЕЕ ЗНАЕШЬ...
РЕГИМАНТАС АДОМАЙТИС
ОКОНЧИЛ ФИЗИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ СТАРЕЙШЕГО
У НАС В СТРАНЕ
ВИЛЬНЮССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА.
ЧУТЬ ПОЗЖЕ ОН СКАЖЕТ: «ФИЗИКА
НЕ БЫЛА СЛУЧАЙНОЙ — МЕНЯ ВСЕГДА ПРИВЛЕКАЛ ПРОЦЕСС
ПОЗНАНИЯ, РЕШЕНИЯ ЗАДАЧИ,
ОТКРЫТИЯ. ДО СИХ ПОР ПРОЦЕСС ЛЮБЛЮ БОЛЬШЕ, ЧЕМ РЕЗУЛЬТАТ».

РАМПА

...ЧТОБЫ БЫТЬ СИЛЬНЫМ

Никифор СЫКЧИН

В университет Адомайтис поступил сразу после школы, которую окончил, кстати, с серебряной медалью. После физмата — актерский факультет. Значит, в профессиональное искусство он пришел с опозданием на пять лет. Но сколько же успел сделать за эти годы!

Сегодня он популярен, знаменит. Еще бы! Сорок одна роль в кино и на телевидении, тридцать шесть — в театрах Каунаса и Вильнюса...

Но известность принес ему, конечно, выдающийся литовский кинорежиссер В. Жалакявичюс. Начиная с «Хроники одного дня», во всех лучших фильмах Жалакявичюса играл Адомайтис.

Второй киноурок — встреча с Козинцевым, работа в «Короле Лире». Эдмонд в трагедии Шекспира — это взлет актера. Позже критики скажут: кажется, самой природой Адомайтис предназначен для трагедии, бытовой реализм ему противопоказан.

А Адомайтис будет нас удивлять: сыграет шофера и рыбака, крестьянина и председателя колхоза, а потом вдруг целую серию «суперменов», гангстеров и шпионов...

Так каков же он, настоящий?

Ответил сам: «Человек может быть самым неожиданным — а это едва ли не прекраснейшее в нем... Для меня всегда остается загадкой, почему я часто играю сильных людей? Может, потому, что сцена — единственное место, где я освобождаюсь от закомплексованности и могу удовлетворить постоянную потребность в свободе проявления чувств? Один из парадоксов профессии актера для натур моего типа — тебе легко лишь тогда, когда ты... перестаешь быть собой».

Актер к своей работе требователен, даже жесток. Из всех киноролей удачными, как мне сказал, считает только тринадцать: «Неудача, как и удача,— нормальное явление в творческой жизни актера. Нормальное!»

Хочется с ним согласиться. Но такая взыскательность к самому себе— прежде всего черта его характера. Вспоминая о годах учебы, Адомайтис рассказывал, что педагоги говорили про него: «Едва ли что-то получится».

«К своей чести, должен признаться, что был упорным до глупости. Сначала наивно полагал, что как только кончу учебу, стану сразу актером. Потом понял, что актер — нечто большее, чем подтвержденное дипломом звание профессионала. И приготовился к бегу на длинную дистанцию, запланировал себя на десять лет. Наивно думал, что десяти лет будет достаточно. Оказалось, это — на всю жизнь. Понял: театр — моя первая и постоянная любовь».

В театре его наставником был Г. Ванцявичюс, ученик замечательного советского режиссера А. М. Лобанова, воспитанный на искусстве глубокой психологической правды. Эстетика и взгляды на театр у них совпали: главными должны быть не трюк, не прием, а человек, его мысль, душа, его тайна.

Это было началом. А в Вильнюсе, на сцене Академического театра драмы, событием стали роли в трилогии выдающегося литовского поэта Юстинаса Марцинкявичюса «Миндаугас», «Собор», «Мажвидас». Двух героев в трилогии сыграл Адомайтис. Миндаугас — незаурядная личность, выдающийся политический и государственный деятель XIII века. Будущее Литвы он видел в ее объединении. Мыслитель и воин, это был человек жестокий и противоречивый. Таким показал его Адомайтис, подтверждая, что перед нами — крупный трагический актер.

А вот его собственная оценка работы: «Кое-что удалось, но, пожалуй, только спустя пять лет после премьеры. Меня все больше интересуют причины поведения, мотивация поступков — больше, чем сценическое воплощение. Мне постоянно мешает внутренний контролер, все время приходится преодолевать сопротивление материала, то есть самого себя.

Я всегда задумывался о воздействии персонажа на исполнителя. Мучаюсь и не могу избавиться от неприязни к роли, если она мне чужда, если нет к ней любви... А впрочем, ведь наш труд — это уничтожение себя, отдача духовных и физических сил. В результате — радость! Да, радость от уничтожения себя. К сожалению, это бывает не часто. В творчестве много непонятного...»

Мне-то лично кажется, что это идет от собственной неисчерпаемости, глубокой личной содержательности. За тридцать лет знакомства с актером я все время «открываю» его заново...

Ему сегодня пятьдесят. Он в расцвете сил и таланта. Но спектаклей с его участием немного. Актер очень серьезно относится к своей работе, и зритель ценит это и понимает. Но насколько полно используется талант Адомайтиса? Ведь на сцене им не сыграны Шекспир, Чехов... Он мечтает об Отелло, дяде Ване, Астрове, Феде Протасове, о высокой комедии...

«Живу в постоянном ожидании... Иногда хочу просто ярких, «хулиганских ролей», которые порой открывают для актера новый неожиданный путь».

Он говорит, что суть художника — это желание делать добро другим. От него не услышишь плохого о коллеге. Наоборот, с удовольствием скажет, например, что Норейка значительно лучше его сыграл роль Мажвидаса. Мне кажется, что Регимантас сознательно оберегает себя от быта, суеты, от дрязг и сплетен... «Люблю одиночество. Это нужно, чтобы быть сильным».

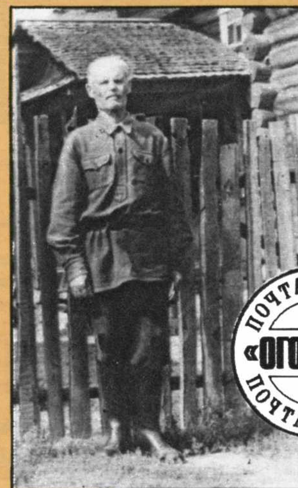
Наверное, поэтому он очень дорожит любой возможностью побывать дома, даже если находится далеко на съемках и вдруг выдался свободный день. Дома его ждут три «орла» — я их так назвал, а он шутливо поправил: «короля». Витаутас, Миндаугас, Гедиминас — три его сына носят имена исторических деятелей древней Литвы. Младший пошел нынче в школу. И дома как-то не ощущается суеты, шума, гама. Все запросто. Естественно. В его уютной квартире я сказал ему: «Какое счастье иметь трех сыновей». Обаятельная и спокойная жена Эугения улыбнулась: «Так хотел Адомайтис...» В ее тоне звучало столько сдержанного тепла, уважения. В этой семье свои чувства не выражают бурно.

Природа для него — всегда откровение. Не признает никаких курортов. Всей семьей летом — в деревню, в Молетский район, где их ждут необыкновенные зеленые озера, перелески. Вместе с отцом и братом обрабатывают землю, в которую они все влюблены. В этот период Адомайтис — крестьянин. И нет здесь никакого противоречия.

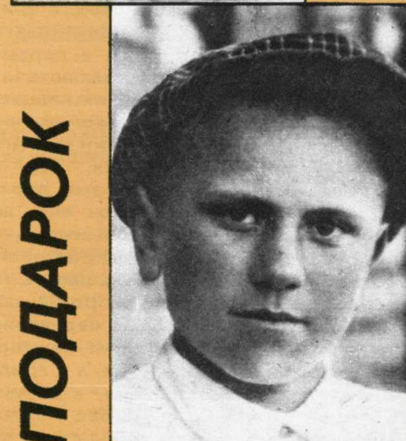
Все это он — разный, неожиданный, но всегда интересный нам...

●

Народный артист СССР Регимантас Адомайтис.
Фото Льва ШЕРСТЕННИКОВА

ПОДАРОК

Дорогой «Огонек»! Высылаю тебе две фотографии. На одной — мой отец, Тучин Иван Иванович, член партии с 1918 года, организатор и председатель колхоза «Советский пахарь» в Максатихинском районе, ныне это Калининская область. На другой — я, студент сельхозтехникума. Этим снимкам более 50 лет. Но не это главное. Главное, что ты, «Огонек», имеешь к ним самое прямое отношение: сняты они фотоаппаратом, подаренным редакцией в далекие годы коллективизации.

Дело было так.

Приехал в Максатиху, тогда райцентр, корреспондент из «Огонька». Попросился в глубинку. На собрании в Хмелеве такую речь произнес! Я тогда был пионером, не все понимал, но помню, как все стали записываться в колхоз. Название колхозу дали тут же на собрании — «Огонек», в честь вашего журнала.

На другой день корреспондент собрал комсомольский актив и пионервожатых, говорил о задачах в связи с коллективизацией, о значении агитации. Обещал, что по приезде в Москву он будет просить журнал помочь нам плакатами, фотоматериалами, а может быть, и фотоаппаратом.

И вот письмо из редакции: приезжайте, мол, да не забудьте захватить с собой подходящую тару. Собрали деньги, дали мне сундучок. Отец проводил на поезд.

В Москве, на шумном вокзале, растерялся — мальчишка был совсем. К тому же деревенский, в городе первый раз. Милиция помогла добраться до редакции. Там, как сейчас помню, приняли меня по-доброму. Накормили, уложили в сундучок плакаты, карандаши, а главное — фотоаппарат и всякие к нему материалы. Достаю деньги из тряпицы, а мне говорят: «Нет, не надо, это подарок для сельских комсомольцев, купи лучше на них кумачового полотна». Так я и сделал.

Вернулся в родное село счастливый. Но вот незадача: нет в новом колхозе «Огонек» никого, кто бы мог обращаться с этим чудом. Да, да, по тем временам фотоаппарат — настоящее чудо. Передали его в колхоз «8 Марта» комсомольцу Коле Громову. Коля делал фотографии для документов, снимал колхозников на уборке льна, свеклы, наши собрания.

Нет уже сейчас колхозов «8 Марта», «Советский пахарь», «Огонек», укрупнились они в колхоз «Верный путь». Но помнят еще в наших деревеньках добрые дела журнала, рассказывают деды о корреспонденте, показывают фотографии. Только вот фамилию его никто не знает: кто запамятовал по старости, кто не знал по молодости. Но одно верно — хороший был человек.

А. ТУЧИН,
ветеран Великой Отечественной войны, персональный пенсионер

Москва.

ВДОВЫ

Марк ТОЛЬЦ, демограф

Фото Эдуарда ПЕСОВА

РАНЬШЕ МОГЛО КАЗАТЬСЯ, ЧТО ПРОЙДЕТ ВРЕМЯ И ПРОБЛЕМА ВДОВСТВА САМА ОТОЙДЕТ В ПРОШЛОЕ ПО МЕРЕ ОТДАЛЕНИЯ ОТ ВОЕННЫХ ЛЕТ. НО ТЕПЕРЬ УЖЕ ЯСНО, ЧТО САМА СОБОЙ ОСТРОТА ПРОБЛЕМЫ НЕ ПРИТУПИТСЯ. НЕ МОГУТ НЕ БУДИТЬ ТРЕВОГУ НАКОНЕЦ-ТО ОПУБЛИКОВАННЫЕ ЦСУ ЦИФРЫ: В 1985 ГОДУ ПОКАЗАТЕЛЬ СРЕДНЕЙ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТИ ПРЕДСТОЯЩЕЙ ЖИЗНИ ДЛЯ 50-ЛЕТНЕГО МУЖЧИНЫ НЕ ПРЕВЫШАЛ УРОВНЯ 1939 ГОДА.

Об этом мы долго молчали. Уделяя все большее внимание проблемам семьи, с тревогой размышляя о большом числе разводов, мы не говорили, что это только одна из причин возможного распада семьи.

Разводы наиболее часты в первые пять — десять лет после заключения брака. А затем, после пятнадцати лет совместной жизни, первой причиной распада семьи становится овдовение. Давайте вдумаемся, что в «средней семье» означает этот период жизни? Первый ребенок еще не окончил школу, второй только-только начал учиться. Но если вероятность развода с возрастом уменьшается, то вероятность овдовения, напротив, растет. Уже к сорока годам овдовение становится грозным врагом женского семейного благополучия, а в среднем оно настигает женщину в 60 лет. Страшен этот удар. Потеря единственного человека, данного тебе судьбой, невосполнима. А впереди еще двадцать лет жизни. Двадцать лет одиночества! Шансы «устроить» жизнь ничтожно малы, ведь главная причина женского одиночества после 35 лет — отсутствие мужчин, которые могли бы стать спутником жизни одинокой женщины. Это ощущают на своей судьбе те, кто не успели вступить в брак или оказались разведенными. Теперь среди них и ты, вдова.

А дети? Несчастье сильнее бьет того, кто не успел встать крепко на ноги. Последний ребенок, как правило, появляется у женщины в 30 лет. Если его отец старше матери на пять лет, то в одном случае из пяти этот ребенок может лишиться одного из родителей, не достигнув двадцати лет. В то самое время, когда так нужны помощь и мудрый совет. Ведь еще предстоит по-настоящему войти во взрослую жизнь, построить семью. Что может заменить родительское участие? Сиротство горько. Слово «сирота» не устарело по сей день. Увы, это сегодняшняя реальность, которая идет рядом с вдовством.

Подлинные масштабы женского одиночества, не связанного с войной, мы пока можем оценить только для тех, кто моложе 60 лет. В более старших возрастах последствия войны еще дают себя знать. А как будет дальше? Если соотношение в продолжительности жизни мужчин и женщин, которое сложилось к началу 70-х годов, сохранится, то в возрасте старше 60 лет на каждых двух женщин будет приходиться только один мужчина!

Девяносто лет назад, в 1897 году, первая перепись населения показала, что в европейской России в этом возрасте было 93 мужчины на 100 женщин. Выходит, что век нынешний тут сулит нам худшее, чем было в веке минувшем. Разве не противоестественно, что сегодня, на исходе двадцатого столетия, сохраняется ситуация, при которой из жизни уходит столько мужчин, так и не ставших стариками! И это же поставило современных женщин в тяжелое положение. Если сравнивать с прошлым веком, то овдовение для них, как и для мужчин, отодвинулось к старшим возрастам. Но оно стало в отличие от прошлого прежде всего уделом женщин.

Что же случилось? Дело в том, что в течение второй половины 60-х годов и всех 70-х годов складывается неблагоприятная динамика продолжительности жизни.

У всех нас на памяти достижения послевоенных лет. Средняя продолжительность жизни (это число лет, которое предстоит прожить новорожденному, если во всех возрастах будет уровень смертности одного года) за первые десять лет после окончания войны выросла и для мужчин, и для женщин почти на двадцать лет! К середине 50-х годов средняя продолжительность жизни мужчин поднялась до 63 лет, для женщин она достигла 69 лет. Затем этот рост сильно замедлился. В следующее десятилетие увеличение продолжительности жизни было равно трем годам для мужчин и пяти для женщин. Средняя продолжительность жизни для мужчин выросла к середине 60-х годов до 66 лет. Но разрыв в продолжительности жизни мужчин и женщин увеличился до восьми лет.

К концу 70-х годов, однако, средняя продолжительность жизни мужчин упала до 62 лет. И самое печальное, что это произошло за счет роста смертности в наиболее трудоспособных, а значит, и бракоспособных возрастах. Разрыв в продолжительности жизни мужчин и женщин увеличился теперь уже до одиннадцати лет! Увы, успехи прошлых лет притупили внимание к проблеме смертности. А «плохие» цифры, вероятно, для пущего спокойствия были просто положены под спуд. Отсутствие информации стало, по существу, дезинформацией.

Не удивлюсь, если кто-то засомневается: не сгущает ли автор краски? Нет, широкие круги общественности не узнали своевременно правду о неблагоприятных переменах, хотя демографы пытались бить тревогу. Еще в 1968 году Б. Ц. Урланис написал статью «Берегите мужчин!», название которой стало крылатым. Но, через десять лет вернувшись к этой теме, он с горечью констатировал, что остался непонятым многими. А что было? Были неумные куплеты на эстраде. Появилась не очень смешная кинокомедия, которой было дано название заголовка статьи. Были, наконец, неуместные обвинения в мужском шовинизме. А ведь снижение смертности мужчин — это борьба с женским одиночеством! Но, к сожалению, не были своевременно приняты конкретные меры, которые выправили бы положение. Час для широкого понимания серьезности этой проблемы тогда еще не пробил. Те тревожные цифры, которые приводятся в этой статье, обнародованы только теперь, с вошедшей в нашу жизнь гласностью.

Часто спрашивают: не причина ли всему пьянство? Вина алкоголя тут есть, это бесспорно. Но не это было решающим. Ведь снизилась продолжительность жизни и у женщин, правда, в меньшей степени — на один год. Разрыв продолжительности жизни мужчин и женщин в последние годы вырос в большинстве развитых стран. Ведь научно-техническая революция несет не только блага, но имеет отрицательные следствия. Пример тому — ухудшение экологической ситуации, когда технический прогресс не щадит природу, а значит, и человека. Такие «издержки роста» преимущественно отразились на мужской части населения, которая традиционно более тесно связана с техникой.

Наша беда заключалась еще и в том, что мы вовремя не приняли необходимых мер, чтобы с помощью медицины нейтрализовать отмеченные явления. Развитие здравоохранения шло экстенсивным путем, когда за пятнадцать лет с 1965 года число врачей выросло вдвое, достигнув одного миллиона.

Но этот рост не подкреплялся необходимыми материальными ресурсами. Так разрыв между продолжительностью жизни мужчин и женщин в нашей стране стал едва ли не самым большим в мире.

Но ведь играет свою роль и разница в возрасте супругов. Очевидно, чем старше муж по сравнению с женой, тем короче может быть срок их совместной жизни. При большой разнице в возрасте невест и женихов вероятность потерять мужа больше. Не усугубляет ли это ситуацию? Факты говорят, что в большинстве случаев — нет.

Сейчас средний возраст мужчин при вступлении в первый брак 24,2 года. Как видим, он совсем невысок. Даже в конце прошлого века мужчины в европейской России не вступали раньше в первый брак. Невелика сегодня и обычная разница в возрасте супругов. Средний возраст женщин при вступлении в первый брак чуть меньше 22 лет. Это говорит о том, что обычная разница в возрасте супругов в первых браках меньше трех лет.

Эта разница больше в повторных браках. Но и сегодня они составляют только пятую часть всех браков и у мужчин, и у женщин.

Все это подтверждает наш вывод: суть проблемы заключается в снизившемся уровне долголетия мужчин.

Только в начале 80-х годов продолжительность жизни мужчин впервые за многие годы увеличилась на один год. После принятия мер по решительной борьбе с пьянством она возросла еще на один год. И теперь, по последним данным, средняя продолжительность жизни мужчин стала вновь 64 года. Разрыв в продолжительности жизни мужчин и женщин остается еще очень большим — девять лет, и потому рано бить в литавры. Проблема чуть смягчилась, но по-прежнему остра. По показателям продолжительности жизни мужчин мы пока даже не вернулись на те рубежи, которые занимали в середине 60-х годов.

А какой в наш век должна быть продолжительность жизни? Здесь есть большие неиспользованные резервы. Средняя продолжительность жизни мужчин, если использовать все достижения современной цивилизации, а не только медицины, может быть увеличена на десять лет. Это и должно быть ориентиром. Но при этом и для женщин средняя продолжительность жизни может быть увеличена на семь лет. Таким образом, вероятность преждевременной потери одного из родителей для детей может быть тогда реально снижена в несколько раз!

Снижение преждевременной мужской смертности положительно скажется на продолжительности жизни женщин. Смертность вдов, такова уж закономерность, всегда выше, чем у замужних женщин. Особенно труден первый год после потери. Болезни приходят вместе с горем...

Наконец, давайте скажем и о том, что продлить или укоротить век супругов может и сама семья. Мы часто забываем о том, что в ней создается душевное спокойствие. В ней оно, к сожалению, часто и разрушается. Стрессы личной жизни провоцируют болезни, а следовательно, сокращают наш век. Снять их — значит продлить жизнь.

Увы, только в последнее время мы наконец осознали, как важно предотвратить те случаи, когда человек «добровольно» уходит из жизни. Создана, теперь уже в нескольких городах, «служба доверия». И все-таки роль семьи всегда будет решающей. Честно признаемся, что накал «страстей» во многих семьях порой ни в какое сравнение не идет с теми неприятностями, которые человека ждут вне дома.

И, конечно, важно, чтобы каждый хороший семьянин понял, что он должен настроиться на сохранение своего здоровья. Этого требует ответственность перед самыми близкими. Значит, забота о семье — это, кроме всего прочего, забота о своем здоровье. Таким и должно быть настоящее мужское поведение. Полного успеха нельзя добиться без перестройки системы здравоохранения. Все чаще возникает мысль о том, что каждая семья должна получить своего врача, который будет отвечать за ее благополучие. Такая постановка вопроса тем более важна, что продление жизни — одна из самых актуальных задач, которые сегодня стоят перед нашим обществом.

●

Публикуя эту статью, редакция предлагает высказаться по существу затронутой в ней острой проблемы наших читателей, а также специалистов — психологов, медиков, социологов.

Яков КОЗЛОВСКИЙ

ПРИЗВАНЬЕМ СЛОВА ДОРОЖА

*Помню,
когда я был студентом
Литературного института,
мой однокашник
Юрий Трифонов
как-то сказал:
«Искусство должно
быть теплокровно,
как сама жизнь».
Прошли годы.
Я впервые печатаюсь
на страницах журнала
«Огонек»
как сочинитель стихов.
Переводы печатал,
а стихи — нет.
И горько мне будет, если
читатель не обнаружит в них
той теплокровности,
о которой я упомянул.*

●

Давно ли зимы я любил,
Их заколдованные боры,
На окнах тайные узоры,
Сокрытость равную могил?

Теперь, хоть больше фонарей,
Я к зимам чувствую предвзятость,
За долгую подслеповатость.
Ах, рассвело бы поскорей!

Мороз,
  но валяных сапог
Не носит город, как когда-то.
И грязный снег лежит горбато
Вдоль всех асфальтовых дорог.

Поедем за город, мой друг,
Быть может, там светло и чисто?
И дятла, как телеграфиста,
Еще услышать можно стук?

КОНТОРА

Что нынче нового в конторе?
В опале кто, а кто в фаворе?
Какие встречи, вечера,
Иль те же речи, что вчера?

Я прежде сам кидался в споры,
Обуреваемый игрой,
В которой пешку из конторы
Могли ферзем наречь порой.

Но голос грозного укора
Мне вдруг послышался с небес,
И не заметила контора,
Что я в стенах ее исчез.

А там не утихают страсти,
Иной тщеславно рвется к власти.
Другой чуть дышит — не беда,—
Контора пишет, как всегда.

ИЗ КУЧАКА

— Груди твои, что двукупольный
  храм,
Если меня удостоишь отрады,
Верный, как служка, затепливать сам
Обе накупольных стану лампады.

— Лучше забыть бы об этой мечте,
Служкой не может быть ветреный
  малый,
Белый двухкупольный храм в темноте
Ты, заигравшись, оставишь, пожалуй.

●

На солнце взгляд прищуренный
  бросая,
Не ты ли вся среди его лучей,
В полупрозрачном платьице,
  босая,
Как благовест, для влюбчивых очей?

Окончив стирку у крыльца родного,
Развешиваешь с бабушкой белье.
Лицо старухи — зеркало былого,
А зеркало грядущего — твое.

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ ВОЙНЫ

Стреляю, лежа возле граба,
Я в немца с орденским крестом.
Дежурный офицер генштаба
Еще не ведает о том.

И предстает печально взору,
Как, опозданье наверстав,
Мчит,
  неизменный договору,
С углем в Германию состав.

И над Кремлем покуда слабо
Заря подсвечивает свод.
Дежурный офицер генштаба
Сейчас удел свой проклянет.

Такое вдруг свершилось в мире,
Но отчего же медлит он
И не спешит набрать цифири,
Чтоб грозно в сталинской квартире
От сна очнулся телефон?

АЛЕКСАНДР БЕСТУЖЕВ

Брат Александра был у власти,
Безвестный битвам генерал,
Который низменные страсти
Святыней флага прикрывал.

И года минуло четыре,
Когда —
  ах, милость напоказ,—
Переведен был из Сибири
Царем Бестужев на Кавказ.

И там,
  раскаяньем не мучим,
Лишь прерывалися бои,
Записывал пером летучим
Он думы вольные свои.

При этом утверждал не робко,
Призваньем слова дорожа:
Литература — не холопка,
Литература — госпожа.

И хоть не ратная карьера
Влекла его и ум, и пыл,
Он вместе с чином офицера
Крест за отвагу заслужил.

И, как достойно офицеру,
Он стал отечеству пригож
Тем, что потребовал к барьеру
Патриотическую ложь.

●

Запоздалая милость,
  ты вровень
Поднялась с двуязыкой молвой.
Кто виновен, а кто не виновен? —
Все смешалось в борьбе роковой.

Я читаю в ночи Гумилева,
Грешно голову в думах клоня.
И сверкает воскресшее слово
Над поблекшею вспышкой огня.

С переменчивым временем сверясь,
Не пора ли над пеплом утрат
Мне поверить в сладчайшую ересь,
Будто рукописи не горят?

●

Клялись исповедовать гордо они
Братство по крови.
На́ смерть пред ними,
  судьба нас храни,
В битве стоять нам не внове.

В окопе со мною солдат-азиат
И парень, рожденный во Львове.
Каждый по диску вогнал в автомат,
Сдвинув пилотку на брови.

И сбудется ныне
  (Ни шагу назад!) —
Запечатленное в слове:
Братство по духу сильней во сто крат
Братства по крови!

ПОЖАРНАЯ ЛОШАДЬ

Ах, душа, ты у века в залоге,
И зачем, коль покоя хочу,
Вновь по зову беды и тревоги,
Как пожарная лошадь, скачу?

Есть стеченье судьбы роковое,
И красна еще смерть на миру.
Я однажды вдали от покоя,
Как пожарная лошадь, умру.

Бьется пламя, и женщины плачут,
Но не слышит иной доброхот,
Как пожарные лошади скачут
И над городом колокол бьет.

ПЕРВОЕ ДЕКАБРЯ

Еще в незастекленном озере
Луну купает полутьма.
Угас прощальный пламень осени,
Но не торопится зима.

И хоть не выстлала порошами
Она владения свои,
Но в черных валенках с галошами
Стоят инспекторы ГАИ.

Что им теперь мороза тернии,
Метели белая орда?
И нет приметы достовернее,
Что скоро грянут холода.

МЕЛЬНИЦА

К мельнице старой ходила гулять
Девочка прошлой весною,
Парню дозволив себя обнимать
И целовать под луною.

Мальчика в стужу она родила,
Неназванная женою.
Ветреной девочка эта была,
А мельница ветряною.

Слово соседки пришлось ко двору,
Предсказывать баба умелица:
«Ты не печалься и знай, что к добру,
Все перемелется, все перемелется».

«И дар богов — великолепный теннис!» — воскликнул на заре века такой, казалось бы, далекий от мира спорта поэт, как О. Мандельштам. (Интересно, что бы он сказал сегодня, глядя на теннисную акробатику Бориса Беккера?) Человек с ракеткой на корте — своеобразный символ современности. Советские любители тенниса, а их у нас ныне сотни тысяч, хотят почему-то быть экипированы не хуже, чем собратья по увлечению в Болгарии, Венгрии, Чехословакии, не говоря уже о других странах. И играть они хотят на настоящем корте, настоящей добротной ракеткой (приобретенной в магазине, а не у спекулянтов), мячами, которые не надо «доставать». Видимо, руководству Госкомспорта подобное желание покажется чрезмерным и назойливым, ибо ставшее давно притчей во языцех бедственное состояние массового тенниса его как бы и не касалось. Публикуя весьма характерные письма из читательской почты, редакция приглашает принять участие в разговоре специалистов.

СТАДИОН

КОМУ ОН НУЖЕН,

РАЗЪЯСНЯЮТ ОТВЕТСТВЕННЫМ РУКОВОДИТЕЛЯМ ГОСКОМСПОРТА ЧИТАТЕЛИ «ОГОНЬКА», УБЕЖДАЯСЬ,

ФАНТАЗИИ И ЖИЗНЬ

Представьте себе ясный нежаркий летний день, что называется, «теннисную погоду». Вы с приятелем, тоже теннисистом, отправляетесь на корты. У вас чудесное настроение, впереди увлекательная игра, которая даст вам разрядку, укрепит мышцы и провентилирует легкие. Вы выходите на корт, слегка пружиня специальными теннисными туфлями, красивая тенниска и шорты приятно холодят кожу, белые махровые носки плотно облегают загорелые икры. Откупорив банку, вы достаете оттуда три ослепительно белых упругих мяча и для пробы стучите ими о землю. В руках у вас не ракетка, нет! В руках у вас грозное оружие и одновременно музыкальный инструмент. В нужный момент она может пушечным ударом послать мяч в незащищенное место корта, так, что противнику останется только горестно воздеть руки, или же сыграть прекрасную мелодию тонкой и умной комбинации.

После игры вы смываете красноватую пыль с ног, охлаждаете водой разгоряченное тело и, выпив яблочного сока, еще долго не уходите с корта, обсуждая со своими друзьями проблемы мирового и отечественного тенниса.

Затем вы закидываете за спину элегантную сумку и, ощущая приятную усталость, идете домой, не без оснований полагая, что жизнь прекрасна. Дома же вы в обратной последовательности вынимаете из дерматиновой сумки отечественные кеды, приятные и удобные, как водолазная обувь, сатиновые трусы, в лучшем случае с красной полоской, и майку, в похвалу которой можно сказать только, что у нее, по незабвенному выражению Людоедки Эллочки, «вся спина белая». Потом оттуда же вы достаете несколько мячей, вытертых почти до резины и оттого своеобразно пахнущих, а из чехлов, скромностью спорящих с кедами,— убогие ракетки со звучными названиями «Корт» или «Юнацька». Ну, как? Второй вариант ближе к жизни, хотя и меньше вам нравится?

Да, к сожалению, все это именно так.

Я, имея первый спортивный разряд, по счастью, прикреплен к спортобществу. Мне легче. Ведь в спортмагазинах для тенниса нет ничего. И это еще мягко сказано. Нет АБСОЛЮТНО НИЧЕГО. Исчезли даже пятирублевые коровьи потроха, которые с некоторой натяжкой (извините за каламбур) можно было назвать струнами. В таких условиях упрямое повышение интереса к теннису — чудо.

Не знаю, может быть, мы все-таки слишком придирчивы, хотим, чтобы у нас все сразу везде появилось. Хотя за многие годы научились понимать, «чего хотеть можно и чего нельзя». Но ведь Главспортпром мог бы развивать хотя бы то, что есть. Вернее, то, что было, ибо многое, имевшееся в продаже пятнадцать лет назад (чему мы и сейчас были бы рады), теперь просто не существует в природе. Но, чтобы не быть голословным, давайте пункт за пунктом разберемся в теннисном «статус-кво».

НАЧНЕМ С ГЛАВНОГО — РАКЕТОК

Не станем рассматривать ракетки типа «Корт», «Карпаты» или «Юнацька». Они подходят для современного тенниса в той же степени, в какой будильник подходит для хронометража Олимпийских игр.

В Риге делают пластиковые ракетки, однако в таких количествах, что достать их можно, только обменяв у представителя завода на какие-нибудь нужные заводу втулки. Мне предлагали через знакомых такой вариант, но я не знал, где достать втулки. Очевидно, тоже в обмен на что-то дефицитное. То же и с другими отечественными моделями ракеток, выпускаемых мизерными партиями.

Начиная с 80-го года в теннисных кругах Москвы поползли слухи, что наконец-то закуплена лицензия на производство современной ракетки знаменитой австрийской фирмы «Кнайсл». Год проходил за годом, а «Кнайслы» мы видели попрежнему только привезенными редкими счастливцами из-за границы. И вот настал долгожданный день! Главспортпром, комбинат «Хоккей» с прошлого года при активной помощи представителей фирмы начали выпускать ограниченные партии новых «суперракеток», которые мгновенно расходились, не достигая прилавка.

Кстати абсолютно бессмысленно производить хорошие увеличенные ракетки, не производя к ним струн соответствующего класса.

Кроме отечественных ракеток, в продаже очень редко появляются ракетки польского, индийского, венгерского производства, но все они — позавчерашний день мирового тенниса.

ТЕПЕРЬ НЕСКОЛЬКО СЛОВ О МЯЧАХ

Лет десять тому назад во всех спортмагазинах теннисных мячей было, как говорится, «навалом». Заходи и покупай, сколько хочешь. А хочется теннисисту их довольно много. Обычного игрового комплекта в три мяча хватает примерно на шесть часов игры на песчаных кортах. Правда, потом ими тоже можно играть (и играют), но они уже превращаются в резиновые кругляши, которые летят со скоростью шайбы по непредсказуемым траекториям. На сезон теннисисту требуется по меньшей мере десять коробок мячей. А он счастлив, если ему удается достать, чаще всего с переплатой, две-три.

В магазинах вместо наших очень неплохих «Ленинградов» по цене 60 коп. за штуку нам время

НИЧЕГО НЕ МЕНЯЕТСЯ

Как-то я купил номер вашего журнала с фотографией теннисиста Андрея Чеснокова на обложке. В самом журнале была хорошая, правильная статья о проблемах массового тенниса. Прочитав ее, я подумал: а ведь и после появления этой статьи ничего, наверное, не изменится. И, увы, оказался прав.

Вот немудреная история моих собственных теннисных мытарств. Причем, весьма типичная.

Весь свой рабочий день я провожу за столом. Работу свою люблю, однако у нее, как у множества других современных профессий, есть небольшой недостаток: она абсолютно статична. Поэтому, чтобы мои мышцы полностью не атрофировались, я решил заняться теннисом.

Проявив известную настойчивость, я нашел платного (и отнюдь не за символическое вознаграждение) тренера. У него уже имелось множество учеников той же социальной и возрастной категории, что и я. Мы усердно стучали мячами в стенку, нам было о чем друг с другом поговорить, все шло хорошо. Постепенно я набрал некоторую приемлемую форму, чтобы не стыдиться играть на счет с такими же любителями, как сам. Хотя это и стоило за несколько лет не одну сотню рублей, мне не жаль потраченных денег. Теннис — самый прекрасный спорт!

Научившись худо-бедно играть, я тотчас столкнулся с проблемой отсутствия кортов. Везде, куда удавалось пробиться (и удается сейчас), ваш покорный слуга находился на птичьих правах. Есть, конечно, Лужники с платными кортами, но пока туда после работы доберешься с другого конца города на общественном транспорте, хочется уже полежать, а не махать ракеткой. Я живу в районе Ленинградского проспекта. Однако обещанных теннисных площадок у школ после статьи в «Огоньке» так и не заметил. (Может, плохо смотрел, тогда, выражаясь словами одного персонажа Достоевского, «каюсь, низок».) Более того, не раз собственными глазами видел, как принципиальная школьная администрация прогоняла от глухой стенки, в которую стучали начинающие теннисисты, всех этих крамольников, дабы не повадно было.

Есть, казалось бы, общественные корты на Петровке, в парке ЦДСА, у бассейна «Чайка». И еще кое-где. Однако при их крайне ограниченном количестве это по большей части — «вещи в себе». Возможно, проявив известную сноровку, кому-то удается добыть рекомендательные письма... А разве нельзя открыть в городе сеть кортов, где можно было бы играть за плату? Как, например, сделали в столичном Крылатском. Окупаемость здесь гарантирована.

Сейчас раздается очень много призывов к людям — строить самим дома, спортплощадки, теннисные корты. Но ведь эти начинания непременно упираются в множество барьеров. У всякой помойки или пустыря найдется защитник, который запретит туда вторгаться. Примеры этому можно найти даже в Москве.

А куда деваться от теннисных «жучков»? Уже действует сеть предприимчивых мастеров, которые переделывают ракетки: за четвертной из польской «железки» ладят «оверсайз» (по-русски — большеголовую). И люди платят. Двадцать семь — за ракетку, двадцать пять — за ее увеличение, десять — пятнадцать за хорошие струны... Спекулянты уже предлагают харьковский «Аист» за пятьдесят рублей (струны на ней, правда, в наших лучших традициях). А «фирменные» ракетки стоят до 300 рублей. Спекулянты «толкают» отечественные мячики, ставшие хроническим дефицитом, по рублю каждый, продают втридорога струны, туфли и т. д.

Тем временем у стенок появляется все больше и больше новичков. Что может выделывать человек с ракеткой, если его не учит тренер?! Горько и смешно наблюдать это. Часто, стесняясь своего неумения, люди бросают теннис, едва начав. Рядом — пытающиеся научиться играть дети, в большинстве «некондиционных» возрастов. Кому — семь, кому — пятнадцать. Тоже пытаются. Поодаль же, на недоступных рядовым любителям кортах,— другие взрослые и другие дети. В шикарных спортивных костюмах, с шикарными ракетками, которые они всегда могут уступить по баснословной цене. Спрос-то огромен...

Д. ЗАХАРОВ

Москва.

Рисунок Виктора СКРЫЛЕВА

ЭТОТ ТЕННИС—

ЧТО ВЫСТУПЛЕНИЯ ЖУРНАЛА НЕ ВОЗЫМЕЛИ ПОКА ДЕЙСТВИЯ...

от времени предлагают импортные баночные мячи, стоящие уже два рубля каждый.

Качество их, однако, не в три раза выше, а во столько же раз ниже наших, и вся прелесть этих мячей исчерпывается красивой упаковкой.

ОБУВЬ

Зайдите как-нибудь в выходной день на любые корты массового пользования, хотя бы в тот же теннисный городок в Лужниках. В чем только не играют теннисисты! Кеды отечественные и китайские (иногда с обрезанным верхом, чтобы превратить их в полукеды), спортивные тапочки всех видов, просто летняя прогулочная обувь. Несколько раз я видел игроков в фехтовальных туфлях на массивной негнущейся подошве. И только редкие счастливцы щеголяют в специальных теннисных белых полукедах производства московского комбината «Динамо». Очень хорошие и недорогие туфли (6 руб. 40 коп.), но, по необъяснимым причинам, их выпуск полностью прекращен. Одно время стали выпускать усовершенствованную модель, цена которой за счет отделки замшей возросла почти в три раза, а качество ухудшилось, так как туфли стали тяжелее. Но вот «радостная весть» — и их перестали производить. Зато в прошлом году, гордо заявляют руководители Главспортпрома, комбинат «Хоккей» по лицензии «Адидаса» начал выпуск специальных теннисных туфель «Гейм» и «Теннис-Роял». Заявляют полушепотом, и правильно делают. Не дай бог, услышат десятки тысяч любителей тенниса, не вхожих в приемные спортивного начальства, по письму которого только и можно их получить! Но даже если бы она и появилась в спортмагазинах, наивно было бы думать, что при нынешнем спросе на кроссовки ее покупали бы только теннисисты. Чем выпускать чего-то мало, без реальной надежды обеспечить всех желающих, лучше осваивать хорошую массовую продукцию, образцы которой у нас есть (вернее, были).

Не так давно я по старой, бесполезной теперь привычке зашел в спортивный магазин «Олимп» и издалека на прилавке обувного отдела увидел нечто, выделявшееся среди болотных сапог и ботинок для прыжков с трамплина. Каково же было мое изумление, когда, подойдя поближе, я прочел название на стоящей рядом табличке: «Туфли для метания диска». Но почему-то не заметил возбужденной толпы дискоболов, устремившейся за этой продукцией первой необходимости.

САМЫЙ КОРОТКИЙ РАЗДЕЛ — СПЕЦИАЛЬНЫЕ ШОРТЫ И ТЕННИСКИ

Их в продаже не увидишь. Хотя одно время продавался комплект белого цвета из плотной шерсти. Но зимой на снегу, как правило, в теннис не играют, а летом на солнце не играют в теплых шерстяных шортах и рубашках!

В заключение должен заметить, что многие спортивные деятели тоже увлекаются теннисом и играют при этом довольно посредственно, но уж в смысле обмундирования себя не забывают. Они прекрасно ориентируются в достижениях мировой теннисной индустрии и лежалый товар, тот, что иногда пытаются нам сбывать, сами не используют. Больно и грустно бывает смотреть, как стоящий на корте рядом с таким расфранченным «деятелем» тенниса игрок, на голову выше его в спортивном отношении, смущенно жмется, чувствуя естественную неловкость за свой непрезентабельный вид, в котором он совершенно не повинен.

Не пора ли, наконец, разогнать ледяное спокойствие Госкомспорта, потребовав от него высококачественного спортинвентаря и формы массового производства не только для занятий гиревым спортом... и бегом трусцой.

В. СЕРЕБРЯНЫЙ,
журналист

Москва.

В ОЖИДАНИИ ПЕРЕМЕН

Стало уже общим местом говорить о мировом теннисном буме — теннис уверенно выходит на одно из ведущих мест в мире и как спортивное зрелище и как вид спорта, эмоциональный, полезный, доступный всем возрастам. В одном из предыдущих теннисных обзоров «Огонек» писал, что в нашей стране играть в теннис «негде, нечем и не на чем». Конечно, ситуация здесь несколько гиперболизирована, но по сути верна. Уже многие годы промышленность не может наладить массовый выпуск мало-мальски пристойного теннисного оборудования — ракеток, мячей, экипировки. Сколько, например, копий сломано, сколько обещаний дано пустить, наконец, в Ленинграде линию по производству мячей, а воз и ныне там. Еще хуже ситуация, как верно отмечают наши читатели, с ракетками, обувью. Госкомспорт начисто забывает о массовом спорте, в частности о сотнях тысяч теннисистов. Пора, наконец, остановиться, оглянуться и понять, что задачи спортивных руководителей не только в том, чтобы любой ценой добиваться завоеваний очков и медалей на соревнованиях от районного масштаба до Олимпийских игр, но и в создании нормальных условий для занятий спортом всем желающим.

Отсутствие летних и зимних кортов, острейший дефицит оборудования наносят, кроме всего прочего, огромный нравственный урон, порождают хроническую, развивающуюся спекуляцию и ракетками, и мячами, и струнами, и костюмами, и даже теннисным временем. Игра в теннис становится не полезным и приятным активным отдыхом, а престижным дефицитным занятием, конкурс в детские теннисные секции превращается в конкурс родителей, а уроки тенниса — предметом частного бизнеса, не регламентированного ничем.

Не следует думать, что, упустив массовый теннис, мы достигли чего-то значительного на высшем уровне. Успехи советского тенниса на международной арене единичны и весьма невысоки, несмотря на все усилия, старания и завоевания нашей «теннисной науки». И это еще один из серьезных симптомов затяжной болезни.

В последнее время несколько улучшилось отношение к теннису как к зрелищу. Благодаря инициативе Центрального телевидения теннис стал чаще появляться на экранах, особенно интересны и полезны ежегодные трансляции Уимблдонского турнира. К сожалению, в нашей стране практически не проводятся турниры с участием игроков, представляющих мировую теннисную элиту. При всей сложности организации таких соревнований именно они дали бы толчок к развитию нашего тенниса.

«Огонек» ежегодно присуждает призы советскому теннисисту и теннисистке, добившихся лучших результатов в международных соревнованиях. В недалеком будущем наш журнал мог бы выступить совместно с Федерацией тенниса СССР учредителем и организатором традиционного международного теннисного турнира в Москве.

Решать проблемы тенниса следует конструктивно и комплексно, одних общественных усилий в этом сложном и запущенном деле недостаточно, здесь, как и в других сферах нашей жизни, должен господствовать дух перестройки и очищения на всех уровнях.

В. ЕНИШЕРЛОВ, член президиума Федерации тенниса СССР

Патрик АНДЕРСОН

Рисунки Геннадия НОВОЖИЛОВА

ЛЮБОВНИЦА ПРЕЗИДЕНТА

РОМАН

Адвокат Бен Нортон возвратился в Вашингтон из поездки в Европу. В тот же день знакомый журналист Фил Росс сообщил Нортону, что видел его бывшую подругу Донну Хендрикс, проехавшую в машине с помощником президента Эдом Мерфи. На следующее утро кто-то позвонил Бену на работу и предложил заглянуть в газету, так как убита хорошо знакомая ему женщина. Нортон приезжает в указанное место и находит мертвую Донну Хендрикс. Решив во что бы то ни стало обнаружить убийцу, Бен начинает свое расследование. Он встречается с подругой Донны — Гвен и от нее узнает, что дом, в котором нашли убитую, принадлежит связанному с Голливудом Филдсу. Затем Нортон летит к Филдсу и после разговора с ним, избитый его телохранителем, приходит в себя в придорожной канаве.

10

По возвращении в Вашингтон Нортона ждала работа. К такой работе в колледжах не готовят. Для нее требовалось не договорное и гражданское право, которое Нортон зубрил в студенческие дни, а более сложный и доходный закон, который он изучил за годы, проведенные в Вашингтоне. Ему было ясно, почему Уитни Стоун взял его на работу и платил щедрое жалованье. Стоун первым изобрел расчетливую систему привлечения молодых юристов. Многие фирмы вот уже три десятилетия вербовали тех, кто прежде работал на политиков, занимавших в данное время Белый дом, и, предположительно, сохранил с ними связи. Уитни Стоун, неизменно азартный игрок, повел этот процесс дальше и стал вербовать людей, имевших связи с потенциальным президентом. В этом случае они обходились дешевле, а если их покровитель оступался по пути в Белый дом, от них всегда можно было избавиться. Нортон полагал, что он — одна из удачнейших ставок Уита Стоуна, поскольку, когда Стоун пригласил его к себе, сенатор Уитмор был еще темной лошадкой. И Стоун оказался в высшей степени покладистым. Он пошел навстречу желанию Нортона уехать из Вашингтона, хотя явно считал, что молодому юристу глупо уходить от потенциального президента. Нортон знал, что хорошо поработал на фирму в Париже. Но теперь, когда его прежний босс стал президентом, настало время хорошо поработать на фирму в Вашингтоне. Для того Уит Стоун и взял его.

Нортон понимал эту систему и почти смирился с ней. Эта игра называлась «связи». Суть была в том, чтобы использовать их как надо, ходить по узкой, иногда почти незаметной грани между дружбой и покровительством, и Нортон считал, что справится с этим не хуже любого другого. Его связи с Уитмором могли открыть ему в Вашингтоне многие закрытые двери, а останется за ними он в конечном счете благодаря своему мастерству и честности. По крайней мере, он на это надеялся.

И вот на другой день после возвращения из Калифорнии он вылез из такси и подошел к мощной крепости, в которой размещалось министерство юстиции США, надеясь выяснить, как некоторые служащие антитрестовского отдела среагируют на то, что собравшийся сделать политическую карьеру техасский нефтепромышленник и издатель газеты приобретет четырнадцать захолустных радиостанций в южном Техасе. Каким будет ответ, Нортон догадывался, но жалованье ему платили не за догадки.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 14—17.

Он вошел в здание и оказался лицом к лицу с заспанным охранником. Нортон помнил время, когда в министерстве юстиции охранников не было.

— Я мистер Нортон,— сказал он стражу.— У меня назначена встреча с Алленом Джиллспаем.

Охранник равнодушно взглянул на него и потянулся за голубым телефонным справочником.

— Это специальный помощник министра юстиции,—сказал Нортон. Охранник продолжал листать справочник, пока не нашел номер. Потом позвонил, объявил «мистер Мартин» и после минутного замешательства передал трубку Нортону.

— Мистер Нортон? Мистер Джиллспай просит вас встретиться с ним в кафетерии,— сказала секретарша.— Он спустится туда, как только сможет.

Нортон нахмурился и направился к маленькому темному подвальному кафетерию. Он подумал, что его миссия началась не лучшим образом. Эл Джиллспай мог бы принять старого друга в личной столовой министра юстиции. Но друзьями они, в сущности, не были. Оба юристы, они около года работали вместе в штате Уитмора, в определенном смысле были соперниками, и Нортону не верилось, что Джиллспай был очень огорчен его уходом. Но Эл был умен, обладал политическим чутьем, и Нортон считал, что нужные сведения легче будет получить от него, чем от бывшего профессора, ныне возглавляющего антитрестовский отдел.

Джиллспай спустился в кафетерий через пятнадцать минут. Это был пухлый, самодовольный молодой человек, было видно, что у него есть голова на плечах. Они поздоровались за руку, Джиллспай сел и стал нетерпеливо помешивать кофе.

— Как дела, Бен? — спросил он.

Нортон сказал, что отлично.

— В какой ты фирме?

Нортон ответил, хотя не сомневался, что Джиллспай прекрасно знает, в какой.

— Ты выбрал неудачное время, чтобы уйти от нас.

— Я всегда поступаю наоборот. Когда все лезут на колесницу победителя, я слезаю.

— Говорят, что, возможно, влезешь снова.

— Кто говорит?

— Говорят. Это правда?

— Сомневаюсь.

Судя по взгляду, Джиллспай решил, что его бывший коллега лишился рассудка. Однако Нортона это мало тревожило. Его интересовало, откуда Джиллспай узнал, что Эд Мерфи соблазнял его работой. Может, Эд поручил Джиллспаю найти вакантную должность в министерстве? Он стал думать, что их беседа может оказаться сложнее, чем ожидалось. В Вашингтоне еще шли смещения и назначения, и, возможно, Джиллспай думал, что он и Нортон могут снова стать коллегами. Ну и пусть себе думает.

Нортон решил подыграть ему. Он спросил Джиллспая о работе и внимательно слушал его хвастовство о многочисленных достижениях нового, возрожденного министерства юстиции. Нортон делал вид, что вдохновлен этой литанией, хотя не раз слышал ее от других блестящих молодых людей при других администрациях. Потом Джиллспай внезапно изменил тему разговора.

— Жаль Донну,— сказал он.

Нортон кивнул.

— Вы, кажется, собирались пожениться?

— Нет.

— Как, по-твоему, что произошло?

— Не знаю.

— У тебя нет никаких версий?

— Я не полицейский, Эл.

— Знаю. Я считал, что ты станешь разбираться в этом.

— Никаких версий у меня нет.

Джиллспай глядел недоверчиво. Нортону стало интересно, что он знает, но у таких, как Джиллспай, этого не выяснить.

Они поговорили еще о министерстве юстиции, допили кофе. Пора было расходиться, но никто из них даже не намекнул, что это не просто встреча старых друзей. Потом Джиллспай снова удивил Нортона.

— Каким делом ты занимаешься, Бен?

Нортон понял, что это не случайный вопрос. Джиллспай облегчал его задачу.

— Да так, разными пустяками.— Он бросил на стол несколько монет, и они пошли к выходу.— Есть один любопытный антитрестовский аспект. Некто по фамилии Бакстер, издатель газет в Техасе, хочет приобрести несколько радиостанций, но никто не знает, как отнесется к этому ваш отдел.

Они шли по коридору мимо большого панно с изображением фермеров, трудящихся на каменистом поле. У лифта Джиллспай повернулся к Нортону с отсутствующим выражением лица.

— Радиостанции? — сказал он, словно отвечая на свои мысли. Скривил лицо и пожал плечами. Жест этот для Джиллспая был вовсе не характерен.

— Рад был встрече, Бен,— сказал он и нажал кнопку лифта.

Лифт с шумом пошел вниз.

— Я тоже, Эл.

— Шинные компании не представляешь?

— Нет.

— Тебе повезло.— Дверцы лифта раздвинулись, Джиллспай вошел и поехал наверх.

Минуты три спустя Джиллспай звонил из своего кабинета, находящегося рядом с кабинетом министра, в Белый дом, однако Нортону это было невдомек. Выходя из министерства, Нортон знал лишь одно: он готов заложить все до последнего доллара, что, если Харви Бакстер скупит все радиостанции в Техасе, антитрестовский отдел закроет на это глаза.

Пожатия плеч было вполне достаточно. Нортон прекрасно знал Джиллспая, чтобы истолковать его жест примерно так: «Идиот, неужели ты считаешь, что мы будем заниматься радиостанциями в Техасе?» И на тот случай, если Нортон по тупости не поймет, он сказал о шинных компаниях, после чего Нортону стало совершенно ясно, на чем вечно недоукомплектованный антитрестовский отдел сосредоточит свою энергию в ближайшие месяцы.

Нортон понял все, что было ему нужно, кроме причины такого отношения к себе. Он задумался над нею, потому что в Вашингтоне даже дареному коню надо смотреть в зубы. И решил, что причина ясна, что ничего загадочного в ней нет. Видимо, Эд Мерфи говорил Джиллспаю о его визите. Это следовало из джиллспаевского упоминания о работе и расспросов об убийстве Донны. Нортон подозревал, что этот щедрый жест Джиллспая был просто способом Эда Мерфи подбросить ему несколько крох и напомнить, как Белый дом может быть полезен вашингтонскому юристу, умеющему держать язык за зубами. Ну и прекрасно. Он примет их любезность и, как решил, будет выяснять правду о гибели Донны. Если угодно, пусть считают его неблагодарным. Это их дело.

11

Нортон считал, что лучшими актрисами на его памяти были Кэтрин Хепберн, Лив Ульман, Джули Кристи и Френсис Холл, иногда ему казалось, что миссис Холл была из них самой лучшей. Конечно, широкой публике миссис Холл была неизвестна, обстоятельства карьеры ограничили ее специфической трагедийной ролью, но в этой роли она была несравненной. Он с содроганием представлял, какой бы она могла быть Медеей, леди Макбет или Марией Стюарт, но она вполне довольствовалась ролью секретарши Эда Мерфи в душераздирающем представлении, которое устраивала по нескольку раз еженедельно, объявляя какому-нибудь благодетелю или просителю, что Эд Мерфи его не примет. Сцена эта повторялась вновь и вновь. Френ Холл превращала свое обычно безмятежное лицо в маску скорби, на ее светло-голубые глаза набегали страдальческие слезы, заламывание и трепет нежных рук передавали боль ее души при живописании жуткой перегруженности мистера Мерфи, его самоубийственного служения срочным нуждам президента, его мучительных сожалений, что сейчас или в обозримом будущем он не сможет выкроить времени для мистера Просителя. Как однажды заметил Ник Гальяно, она была способна выжать слезы из собачьего дерьма.

Успеху ее игры, несомненно, содействовало нежелание большинства представителей политического мира смириться с неприятной мыслью, что Эд Мерфи не желает их видеть. Гораздо легче было принять оправдания миссис Холл за чистую монету и уйти с убеждением, что на данной неделе Эд Мерфи не мог бы выкроить времени даже для иранского шаха.

Однако Бен Нортон не был обычным просителем. Он знал эту игру и, при всем своем восхищении талантом миссис Холл, эмоциям не поддавался.

— Это очень важно, миссис Холл,— сказал он в телефонную трубку.— Для Эда тоже.

— Могу я сообщить ему, в чем суть дела, Бен?

— Просто скажите, что это последствия нашего недавнего разговора.

Ее, конечно, огорчит такое недоверие. Ну и пусть.

— Хорошо, сделаю все, что смогу.— Она вздохнула.— Я свяжусь с вами.

Она не связалась, и на другой день Нортон позвонил снова.

— О, Бен, я только что собиралась звонить вам. У мистера Мерфи нет ни свободной секунды. Но я передала ему вашу просьбу, и он предложил вам поговорить с Клэем Макнейром.

— Не думаю, чтобы в этом был смысл.

— Бен, это очень способный молодой человек,— укоризненно сказала она.— Мистер Мерфи полагается на него.

— Миссис Холл, передайте Эду, что у меня есть кой-какие новые сведения, и ему следует обсудить их со мной.

— Передам,— пообещала миссис Холл с едва заметным холодком в голосе.

Успехом Нортона в министерстве юстиции Уитни Стоун остался весьма доволен. Даже улыбнулся — случай редкий и неприятный, потому что в лице его было что-то змеиное, а улыбка кобры нарушает любопытную симметрию ее черт. В достоверности полученных сведений он не усомнился и даже не спросил об их источнике. Он принял их и стал действовать в соответствии с ними.

— Я только что звонил Бакстеру,— сказал он Нортону во второй половине дня.— Незачем говорить, что он в восторге от нашего сообщения и намерен немедленно приобрести эти радиостанции.

— Неужели они ему так нужны?

— Да, он вбил себе в голову, что они ключ к его политической карьере. Может, так оно и есть. Кто знает?

На корпусе телефона замигал желтый огонек. Стоун поднял трубку, послушал, потом прикрыл микрофон маленькой веснушчатой рукой.

— Бен, тебе звонят из приемной Эда Мерфи,— сказал он.— Будешь говорить отсюда?

— Конечно,— ответил Нортон и потянулся через стол за трубкой.

— Бен? — Голос миссис Холл был исполнен доброжелательности.— Можете подъехать сейчас?

— Буду через пятнадцать минут,— пообещал Нортон. И вернул трубку Уиту Стоуну, слушавшему с нескрываемым интересом.

— Эд хочет срочно видеть меня,— объяснил он, надеясь, что Стоун не спросит, зачем.

— Похоже, вы с Мерфи сейчас в приятельских отношениях,— заметил Стоун.

— Мы всегда ладили,— ответил Нортон.

Стоун проводил его до двери и, прежде чем открыть ее, коснулся его руки.

— Знаешь, Бен, если администрация предложит тебе стоящую работу, соответствующую твоим способностям, можешь не сомневаться, что фирма отнесется к этому с полным пониманием.

Нортон не сомневался. Для фирмы лучше сотрудника, связанного с администрацией, может быть только сотрудник, р а б о т а ю щ и й в администрации.

— Спасибо, Уит,— сказал он.— Посмотрим, как обернется дело.

Говорить Стоуну, что работать в администрации он не хочет, Нортон не собирался; пока такая перспектива существовала, он находился в ореоле силы, а это само по себе сила.

Миссис Холл встретила его взглядом, исполненным невыразимого страдания.

— Бен! — воскликнула она.— Мистер Мерфи уже приготовился к встрече с вами, но тут его вызвал президент, а это может затянуться на несколько ч а с о в.— Она сделала паузу и просияла.— Но послушайте, что предпринял мистер Мерфи.

И тут, будто по сигналу, вошел Клэй Макнейр. Как и прежде, со студенческим перстнем на пальце, с серьезным лицом, только костюм на нем теперь был не в полоску, а строгий, зеленый.

— Он попросил Клэя помочь вам всем, что в его силах,— сказала миссис Холл. Макнейр шагнул вперед, по-мальчишечьи улыбнулся и протянул руку. Нортон понял, что его провели.

— Пошли, Бен, в мой кабинет, поговорим там,— сказал Макнейр.

Нортон сдался и последовал за Макнейром в цокольный этаж Белого дома. Кабинет Макнейра оказался крохотным — судя по размеру и местоположению, при Генри Киссинджере он, видимо, был чуланом уборщицы — там едва помещались два стола.

— Тесновато,— сказал, оправдываясь, Макнейр.— Сам видишь. Но мой сосед — какой-то там консультант, здесь почти не бывает, так что кабинет, можно сказать, принадлежит мне. Секретарша моя сидит в соседней комнате.

— Как зовут твоего соседа? — спросил Нортон.

— Байрон Риддл. Странный тип.

Нортон пожал плечами и сел за стол Байрона Риддла; на нем не было ничего, кроме двух копий памятника десантникам, поднимающим флаг на острове Иво Джима. Стол Макнейра, наоборот, был загроможден аккуратно сложенными бумагами. Кроме того, на нем стояла фотография жены Макнейра, болезненной, но красивой, и белокурых, улыбающихся детей. Над обоими столами висели одинаковые портреты президента Уитмора.

— Я думал, что увижу тебя на похоронах,— начал Макнейр, придав лицу траурное выражение. Очень благонравный молодой человек; Нортон представил себе, как он каждое воскресенье проходит мимо тарелки для пожертвований в какой-нибудь пригородной пресвитерианской церкви.

— Я не люблю похорон.

— Они были хорошо устроены,— сказал Макнейр.— С большим вкусом.

— Не хочу о них слушать.

— Я думал, тебе будет интересно. Там была одна любопытная деталь, только это между нами. Сержант Кравиц спрятал на той стороне улицы съемочную группу, чтобы иметь список тех, кто был там.

— Замечательно.

— Бен, такова уж работа полиции, надо это признать.

Нортон не признал ничего. Макнейр полез в ящик стола и достал пачку жвачки «джуси фрут». Предложил Нортону и, когда тот отказался, отделил плиточку себе и стал жевать. Это обозлило Нортона, и без того обозленного тем, что сидит в этом чулане и разговаривает с лакеем Эда Мерфи.

— Ты все еще в контакте с Кравицем? — спросил он.

— Конечно.

— Тогда почему не сказал ему, что тот дом в Джорджтауне принадлежит Джеффу Филдсу?

— Что?

— Ты прекрасно слышал. Почему не сказал Кравицу?

— Я н е з н а л этого,— признался Макнейр.

— В таком случае почему Эд не сказал тебе? О н знал.

— Откуда ты знаешь, что знал?

— Потому что я сказал ему, черт возьми. Почему он не передал через тебя Кравицу, если всеми силами стремится помочь следствию?

Макнейр всепрощающе улыбнулся.

— Бен, у него, должно быть, вылетело из головы. Эд просто н е в е р о я т н о занят.

— Послушай, я работал на Эда. Он не забывает н и ч е г о. Разве только умышленно.

— В Белом доме другие условия,— терпеливо сказал Макнейр.— Качественный скачок, Бен. Теперь он кое-что забывает. Потому я и нахожусь здесь, помогаю ему организовать работу.

— Спроси его о доме Филдса,— сказал Нортон.— И заодно: почему он звонил Филдсу среди ночи несколько суток назад.

Он хотел добавить, «если это он», но решил, что сейчас нужно блефовать.

— Кто говорит, что он звонил?

— Я говорю.

— Ладно, передам. Это и есть твое срочное дело?

Нортон заколебался. Ему было неприятно иметь дело с этим покладистым болваном, однако он решил, что сообщение передано, а это главное. Игру приходилось вести по правилам Эда.

— Нет,— сказал он.— Передай Эду, что я хотел говорить с ним о январском путешествии президента в Калифорнию.

Макнейр недоуменно посмотрел на него.

— Каком путешествии?

— Он знает.

Макнейр нахмурился и что-то записал в блокнот. Тут отворилась дверь, и вошел человек. Ему было лет сорок пять, он был хорошо сложен, черные волосы его были коротко острижены, настороженный взгляд черных глаз быстро перебегал с Макнейра на незнакомца за его столом.

— Познакомьтесь. Байрон Риддл, Бен Нортон,— сказал Макнейр.

Нортон встал и протянул руку, но Риддл, не замечая этого, быстро подошел к своему столу и проверил, все ли ящики заперты. Лишь тогда он взял руку Нортона и так крепко стиснул ее, что Нортону пришлось ответить тем же. Во время рукопожатия Риддл придвинулся лицом к Нортону и смотрел так пристально, будто хотел загипнотизировать.

— Бен работал на президента,— сказал Макнейр.— В его сенаторском штате.

— Вот как? — сказал Риддл.— А чем занимаешься сейчас?

Нортон ответил не сразу. У Риддла была странная манера говорить одной стороной рта, это так удивило Нортона, что он едва не пропустил вопрос мимо ушей.

— Сейчас у меня частная практика.

— В какой фирме?

— «Коггинс, Копленд и Стоун».

— Хорошая фирма,— сказал Риддл, понимающе кивнув.— Но тебе нужно вернуться в команду, дружище. Совершаются большие дела. Вот где поле действий.

— Какая у тебя роль в команде? — спросил Нортон.

— Много ролей. Я, так сказать, запасной игрок.— Он усмехнулся своей шутке, в усмешке было что-то волчье, и взглянул на часы.

— Байрон тут совершил...— начал было Макнейр, но Риддл оборвал его.

— Оставим мою персону в покое,— сказал он.— Я спешу. Меня ждет дамочка, а заставлять прекрасный пол дожидаться не в моих правилах.— Он подмигнул и скрылся за дверью.

— Своеобразная личность,— сказал Макнейр.— Неповторимая. Ты не слышал, что он сделал в день инаугурации?

Нортон запротестовал — его совершенно не интересовал Байрон Риддл,— но Макнейр жестом усадил его на место.

— Дело в том,— сказал он,— что Байрон делал кой-какую работу во время избирательной кампании. Организация выступлений, обеспечение безопасности и тому подобное, но до получения работы в Белом доме ему было далеко. Потом в день инаугурации, когда президентский кортеж ехал от Капитолия, какой-то псих, волосатый хиппи, пробрался во двор Белого дома с чемоданом, по его словам, полным взрывчатки. И заявил, что взорвет Белый дом, если ему не дадут выступить по национальному телевидению. Сказал, что хочет произнести свою инаугурационную речь. Ну, можешь представить, какая поднялась паника. Подъезжает президент, на него смотрит вся страна, а тут хиппи с чемоданом взрывчатки. В первые минуты никто не знал, что делать. Агенты ФБР хотели стрелять, а секретная служба решила для отвода глаз начать переговоры. То есть, н и к т о ничего не предпринимал. Вдруг откуда ни возьмись появился Байрон Риддл, подошел к этому хиппи, угостил его сигаретой и начал разговор, а две минуты спустя этот тип отдал ему чемодан и сдался без единого звука. Эта история наделала бы много шума, но в тот день было много разных событий, и нам удалось ее замять. А как только хиппи оказался под арестом, Байрон Риддл скрылся. Вот что значит скромность. И поверь, Эд Мерфи оценил это. Байрон получил должность какого-то специального консультанта. Он странный тип, но мужество у него есть; в этом ему не откажешь.

Нортону не хотелось слушать о подвигах Байрона Риддла, и он поднялся из-за стола.

— Слушай, Макнейр, передай Эду то, что я сказал. Насчет Калифорнии. Скажи, что, если он не поговорит со мной, я поговорю кое с кем другим.

Макнейр помрачнел.

— Не по душе мне все это, Бен. Не знаю, в чем твоя проблема, но, по-моему, ты идешь по ложному следу. Все мы в одной команде, разве не так? Все хотим помочь президенту.

— Послушай, на помощь президенту мне наплевать,— холодно сказал Нортон.— Я лишь хочу выяснить, кто убил Донну. Можешь так и передать Эду.

Макнейр опешил, словно получив пощечину. По молодости лет он старался угождать людям, а Нортону почему-то не хотелось, чтобы ему угождали. Но не успел он ничего возразить, как Нортон вышел.

На другой день Нортон был вызван к Эду Мерфи и застал его в ярости.

— Что еще за намеки про Калифорнию в январе? — заорал Мерфи.— Что за игру ты ведешь? Если тебе есть что сказать, говори напрямик.

— Скажу,— ответил Нортон.— На той неделе ты мне говорил, что Уитмор не виделся с Донной с прошлого лета. Но один человек, которому можно верить, сказал мне, что Уитмор приезжал к ней в Кармел перед самой инаугурацией.

— Вранье! — крикнул Мерфи.— Он не виделся с ней почти целый год.

— Эд, тот человек видел его. И разговаривал с ним.

— Кто он такой?

— Приятель Донны. Хочешь знать, кто он, спроси Уитмора.

— Старик сенатор?

— Да.

— У него не все дома. После выборов он стал названивать и писать, надавал боссу кучу бесплатных советов. Мы старались отделаться от него шутками, но ста́рик оказался занудой. Видимо, он разобиделся и выдумал историю, чтобы заставить кого-то слушать себя. Ты сущий дурак, если воспринял его всерьез.

— У этого старика все дома, Эд.

— Значит, у тебя не все. Несешь черт знает что. Бен, у тебя прекрасное будущее, но ты можешь испортить его своим упрямством.

— Я хочу докопаться до истины. Можешь передать это своему боссу.

— Тобой движет личная неприязнь. Отвергла тебя подружка — виноват Уитмор. Убили ее — виноват Уитмор. Ты что, предполагаешь здесь какой-то заговор?

— Эд, послушай, о Донне и Уитморе я никому не сказал ни слова. Будь я ревнивым любовником, то молчать бы не стал, разве не так? Я н е х о ч у создавать Уитмору никаких проблем. Мне нужна только правда о том, что произошло с Дон-

Б. М. НЕМЕНСКИЙ. МАМА. 1979.

ПРИТЧИ НЕМЕНСКОГО

Начало на вкладке 1

мен. Кто и в какой степени готов отвечать ему? Какие лики грядущего — и кому — грезятся в водовороте событий? Художник создает полотно «Собеседники», сложную, неоднозначную притчу об истине. В споре о ней сошлись четверо немолодых уже мужчин. Стоик, готовый защищать обветшалые догмы. Сытый делец, соглашатель по натуре — лишь бы не утратить жизненных благ. Разуверившийся уже и в себе самом пессимист. И романтик, живущий в пространстве своего помысла и воображения. Четыре человека, четыре убежденности, четыре концепции жизни. Но истина-то на всех одна. Истина времени, преодолевающего в своем движении косные взгляды и беззаботную сытость, фантомы отчуждения и беспредметность мечтаний. Ее не поделить, не присвоить. Кому из собеседников она окажется ближе и доступнее, кто сможет ее принять и последовать за нею? И не эти ли вопросы ныне задает себе каждый из нас наедине со своей совестью?

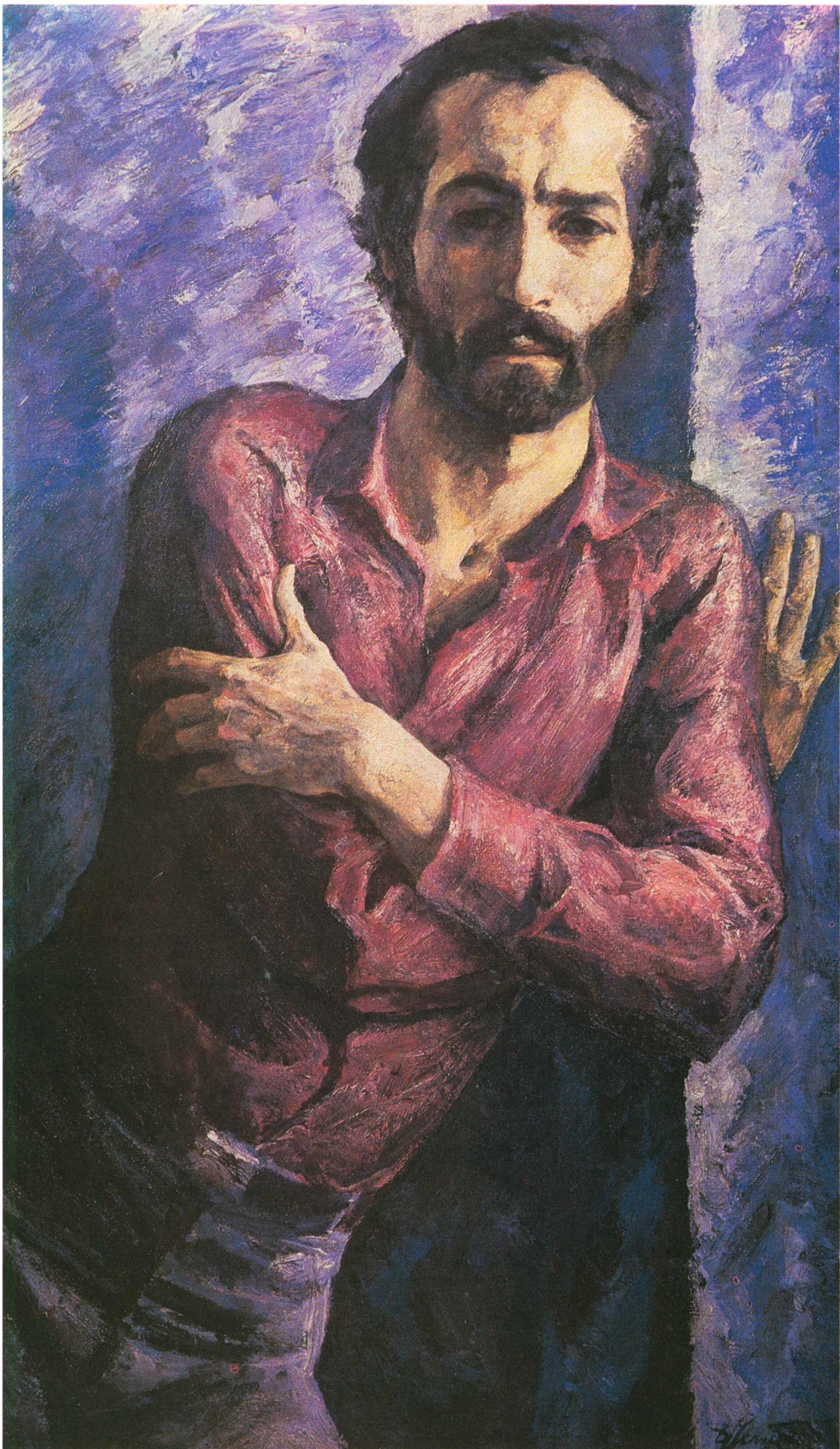
Их много, молчаливых собеседников Неменского со зрителем. Они делятся своими радостями и печалями, мужеством и отчаянием.

Были, небыли, сказки и сказания сопровождают по жизни каждого настоящего художника. Но не многим дана та лаконичная и неторопливая манера притчевого обращения к человеку, которая позволяет ему, радуясь и совестясь, открывать самого себя. Недаром в мастерскую Неменского любил приходить один из самых замечательных советских философов, Эвальд Васильевич Ильенков. Как знать, не образы ли мастера помогали ему разомкнуть мрак слепоглухонемых детей, наполнить их жизнь светом разума, осмысленным движением чувства. Чудо науки, сотворенное философом с единомышленниками-педагогами в Загорском интернате, сегодня всемирно известно.

Но и влияние Ильенкова на Неменского сегодня уже несомненно. Художника стало мучить, что вполне зрячие дети и подростки остаются равнодушными к произведениям искусства, не понимают их языка, сызмальства отрешены от общения с художественной культурой. Вместе с другими педагогами он приступил к созданию специальной программы для общеобразовательных школ — «Изобразительное искусство и художественный труд». Начало делу было положено еще в 1974 году. А сегодня программа успешно работает в десятках школ.

...От Даева переулка, где проходило детство мальчика Бори, до Кузнецкого моста, ставшего свидетелем наиболее полной выставки художника Бориса Михайловича Неменского, всего пятнадцать минут неспешной ходьбы. Но этот короткий путь вмещает и тысячи километров фронтовых дорог, и мирные тропинки, исхоженные с этюдником, и пространство судьбы счастливого человека: солдата, художника, коммуниста.

Игорь САЛТЫКОВ

ГУСЕЙН ГУСЕЙНОВ. 1977.

ной. Но когда ты начинаешь хитрить со мной по мелочам, я поневоле думаю, что ты хитришь со мной и в серьезных вопросах. Если она приехала повидаться с ним или он в январе ездил повидаться с ней, так скажи напрямик. Пока мне будет казаться, что от меня что-то скрывают, что меня водят за нос, я буду продолжать поиски. Почему бы сразу не сказать правду?

Эд Мерфи сверкнул глазами, но поколебался, прежде чем ответить, а когда заговорил, голос его звучал неуверенно.

— Мы сказали тебе правду, Бен.

— Ладно, Эд,— сказал Нортон и поднялся. Больше говорить было не о чем. У него мелькнула мысль, что в голосе Мерфи слышалась виноватость, словно он хотел сказать правду, но не мог. Видимо, все решения в этом деле принимал Уитмор. Вполне возможно.

Но возможно и совсем другое, думал Нортон. Может, Эд говорит правду, а я делаю поспешные выводы. Что если Фил Росс обознался и видел не Мерфи с Донной? Что если у старого сенатора и вправду зашел ум за разум? Что если все это совпадение? В таком случае Эд прав — я безмозглый дурак и, возможно, порчу себе будущее в этом городе. Нортон терзался неуверенностью. Неужели его так обуяли страсти? Не видит ли он заговоры там, где их нет? Нортон считал себя разумным человеком, но в душу ему закрадывалось опасение, что ведет он себя подурацки.

Однако, размышлял он, Донна убита. Это факт. И Эд Мерфи, очевидно, лжет. А сенатор Нолан вряд ли лгал о приезде Уитмора в Кармел. И в довершение всего необъяснимое сообщение об убийстве по телефону. Нортон думал, что, возможно, он ошибается, но скорее всего эта улика подтверждает его подозрения; горячность и упрямство не позволяли ему бросать начатое, во всяком случае пока.

12

Среди дня, когда Байрон Риддл вошел в кабинет, Клэй Макнейр оторвал взгляд от бумаг и ощутил резкую боль в желудке. Обостряется язва, подумал он. Нажил язву в этом сумасшедшем доме. И собрался с силами, чтобы не выдать боли.

— Байрон, где донесения службы безопасности? Эд звонил, спрашивал.

— Отстань, парень,— огрызнулся Риддл.— Я занят совершенно секретными делами.

— Послушай, Байрон...

— Послушай ты, парень. Какого черта ты усадил вчера за мой стол этого Нортона? Тебе здесь что, Большой Центральный вокзал? Если увижу еще кого за своим столом, вышвырну отсюда и его, и тебя!

Макнейр не верил своим ушам.

— Байрон, что такого, если кто-то сядет за твой стол? Пусть за мой садится кто угодно, я не против. Не будем делать из мухи слона.

— Речь не о твоем столе,— презрительно сказал Риддл.— Иногда у меня в ящиках хранятся важные документы.

— Байрон,— терпеливо сказал Макнейр.— Бен Нортон вовсе не шпион, кроме того, я сидел здесь вместе с ним, да и ящики твои все равно заперты, разве не так?

— Кто сказал, что он не шпион? Не строй никаких предположений, парень. Ты мог бы выйти на минутку в туалет, а он бы управился до твоего прихода.

— Байрон, секретная служба утверждает, что замки на этих ящиках...

— Плевать на секретную службу,— огрызнулся Риддл.— Детский сад. Что они смыслят? Слушай, парень, нет таких замков, чтобы их не мог вскрыть настоящий профессионал. Даже новые электронные устройства... Словом, делай, что я говорю. Веди тех, с кем хочешь поболтать, в столовую и запирай за собой дверь. Понял? Если я еще увижу кого возле своего стола, мы с тобой поссоримся. Крепко поссоримся.

И, не слушая возражений Макнейра, быстро вышел из кабинета, хлопнув дверью.

Макнейр неподвижно сидел за столом, боль в желудке у него все усиливалась. Положение было не из приятных. Клэй Макнейр выше всего ставил хорошую организацию, хорошее управление и пытался ладить с Байроном Риддлом, самым неорганизованным, неуправляемым человеком, какого он только встречал. Мысль предоставить им один кабинет на двоих казалась Макнейру безумием, садистской шуткой, однако они сидели в этом чулане лицом к лицу. Макнейр хотел пожаловаться Эду Мерфи на вольного консультанта, но не знал, как Мерфи это воспримет. Спору нет, Риддл иногда оказывался полезен; видимо, он имел такие источники информации, о существовании которых никто не подозревал. И, что хуже всего, Макнейр его боялся. Когда они спорили, как только что, Риддл иногда устремлял на него холодный, яростный взгляд, словно бы говорящий: «Я могу убить тебя».

Чтобы успокоиться, Макнейр достал из кармана жевательную резинку «джуси фрут» и сунул ее в рот. Получив предложение работать в Белом доме, он ждал совсем не такого. Ему представлялось, что он получит прекрасный кабинет неподалеку от президентского, что будет по нескольку раз на день заходить к президенту и давать советы в государственных делах. Вместо этого он корпел в цокольном этаже, ожидая от Эда Мерфи разносов по телефону за какую-нибудь оплошность, и мог считать неделю удачной, если хотя бы видел президента. Разговаривали они последний раз на приеме в Восточном кабинете, президент назвал его Хенк и похвалил за работу над проектом, к которому Макнейр не имел ни малейшего отношения.

Внезапно зазвонил телефон прямой связи с Эдом Мерфи, и Макнейр дрожащей рукой поднял трубку.

— Нортон не звонил тебе? — требовательно спросил Мерфи.

— Не звонил, Эд.

— Больше с ним не болтай. Выслушай, что он скажет, передай мне и помалкивай. Ясно?

— Хорошо, Эд.

— И забудь, что он говорил о Калифорнии. У него шарики не на месте. Он всегда был таким. Для нас самое лучшее избегать его.

— Хорошо, Эд,— снова ответил Макнейр, но Мерфи уже положил трубку. Клэй Макнейр осторожно опустил свою. Он не мог понять, почему Мерфи так расстраивается из-за смерти какой-то женщины и почему Нортон задает о ней столько вопросов. Собственно, он и не очень интересовался. Одно из правил хорошего управления, которое он изучал в коммерческой школе, гласило: «Не вникай в чужие проблемы». Ему хватало своих забот.

Предвечерние часы Байрон Риддл провел высоко на галерее сената, невозмутимо следя за бестолковой игрой в демократию. Обсуждался законопроект об общественных работах, проблема столь важная для страны, что на прения собралась почти треть сенаторов. Внимание Риддла было сосредоточено главным образом на Доноване Рипли, молодом, напористом лидере сторонников законопроекта. Риддл ненавидел Рипли и все, что тот поддерживал, однако за тем, как сенатор вел законопроект по парламентским минным полям, следил с самодовольной улыбкой. Потешься, Донни, думал он, потешься напоследок, вряд ли еще придется.

Пока тянулись дебаты, Риддл то и дело выходил из терпения, он ждал более крупных событий вечера. Время от времени он закрывал глаза и вслушивался в голоса сенаторов. Почти всех их он мог опознать по голосу. Этой небольшой хитрости он научился в своей работе — возможно, когда и понадобится. Заметив, что один сенатор из Новой Англии сморкается, Риддл торопливо подался вперед и сделал вид, что поправляет галстук. На самом деле он фотографировал крошечной камерой, спрятанной в лацкане пиджака. Мелочь, но, возможно, когда и пригодится. Он представил себе на избирательной афише увеличенный снимок ковыряющего в носу сенатора с надписью: «Не то ли самое выбрали и мы?» Его охватил смех, он смеялся, пока сидящая впереди пожилая дама не обернулась и не зашикала.

Когда сенаторы, наконец, стали расходиться, Риддл взглядом проводил со сцены Рипли, окруженного ближайшими помощниками, потом спустился с галереи и поспешил к телефону-автомату. Ему тут же ответила молодая женщина из маленькой квартиры в нескольких кварталах оттуда.

— Венди? — прошептал Риддл.— Это я.

— А, доктор Грин. Как там дела?

— Все отлично. Дебаты только что окончились. Он сейчас пошел в кабинет. К тебе явится уже затемно. Все готово?

— Я готова,— сказала Венди.

— Нервничаешь?

— Разве что самую малость.

— Не волнуйся, малышка. Ты будешь бесподобна.

— Ха! Он в этом убедится.

Риддл усмехнулся.

— Оценить тебя полностью он не сможет. Только смотри, не забудь о свете. Скажи ему, что свет тебя возбуждает. Что хочешь видеть его смазливую рожу. Скажи, что угодно, но не гаси свет!

— Успокойтесь, доктор Грин. Можете на меня положиться.

— Молодчина. Ну ладно, мне нужно идти.

— Скажите, а когда я теперь увижу вас? Чтобы получить остальные деньги.

— Завтра позвоню,— пообещал Риддл.— Только не волнуйся. Ты будешь бесподобна.

Он спустился по лестнице мимо громадной картины, где был изображен Джордж Вашингтон, переправляющийся через реку Делавэр, и, проходя по Ротонде, увидел идущего навстречу в сопровождении полудюжины старшеклассников крепко сложенного человека, показавшегося знакомым. Заметив Риддла, этот человек извинился перед школьниками и бросился к нему, протянув для пожатия руку.

— Байрон, старый бандит, как дела, черт возьми?

— Отлично, сенатор. Как у вас?

— Брось ты величать меня сенатором. Для тебя я Билл, дружище. Говорят, дела твои идут как по маслу.

— Не жалуюсь.

Сенатор рассмеялся и затряс руку Риддла.

— «Не жалуюсь». Ха. Все тот же старина Байрон. Знаешь, какой нужен тебе девиз? «Я люблю тайну». Старина Байрон! Такого человека еще поискать.

Недоумевая, что нужно его собеседнику, Риддл высвободил руку и взглянул на часы.

— А как дела у тебя, Билл?

Усмешка сенатора исчезла.

— Дела скверно,— угрюмо сказал он.— Избирают человека, чтобы он работал, а потом не дают работать. Представляешь, мне приходится платить из своего кармана за информационный бюллетень. Вынужден читать лекции, чтобы свести концы с концами. Иногда я думаю, стоит ли быть сенатором.

— Тебе нужно повидаться с одним человеком,— сказал Риддл.— У него соевая плантация. В городе он новичок. Хочет познакомиться с нужными людьми. Может выручить тебя.

— Пришли его ко мне, Байрон, пришли. Рад буду видеть твоих друзей в любое время.

— Ладно,— ответил Риддл и хотел уходить.

— Послушай, Байрон, может, ты сможешь помочь мне кое-чем.— Сенатор обнял Риддла за плечи и отвел к статуе давно забытого вице-президента.— Сюда вернулось несколько смутьянов. Один из них именует себя врачом. Открыл клинику, но вместо пилюль дает политические советы. Я хотел бы узнать, кто он такой и кто стоит за ним.

— С нашими друзьями не говорил?

— От них мало толку. Все напуганы до полусмерти. Не то, что в прежние дни. Слушай, Байрон, я думал, что, если ты сможешь выяснить...

— Постараюсь. Дел у меня куча, но я постараюсь.

— Отлично. Слушай, Байрон, я хотел спросить, что ты знаешь о той женщине, убитой в Джорджтауне?

— Ничего.

— Странная история,— сказал сенатор.— Я думал, в газетах осветят ее пошире.

— Сам знаешь, какие у нас газеты.

— Да, конечно. Что ж, был очень рад тебя видеть. Звони.

Сенатор подмигнул и направился к ждущим школьникам.

Риддл торопливо вышел из Капитолия и спустился по длинному ряду ступеней восточного фасада на Конститьюшн-авеню. Прежде чем Донован Рипли вышел из старого здания сената, он выкурил две сигареты. Рипли быстро пошел по Первой стрит мимо Верховного суда и свернул на Ист-Кэпитол-стрит. Риддл в отдалении следовал за ним. Расчеты его оказались правильны. На Четвертой стрит сенатор свернул направо, дошел до середины темного квартала, потом юркнул в подъезд старого особняка, разделенного на три квартиры. Риддл прекрасно знал этот особняк; в настоящее время все три квартиры снимал он. На другой стороне улицы стояла машина, Риддл влез в нее. Минуту спустя он увидел, как Венди подошла к окну и опустила шторы. Свет продолжал гореть. Риддл закурил «мальборо» и засмеялся. Все очень просто, думал он, все очень просто, когда твои враги тупы, как Донован Рипли. Два часа, пока Рипли не вышел на улицу, он сидел в машине, то посмеиваясь, то спокойно думая о своем будущем и о том, какой козырь идет ему в руки. Это была крупнейшая его удача, бесценная удача, и теперь он мог добиться всего.

Перевел с английского Д. ВОЗНЯКЕВИЧ.

Продолжение следует.

Дмитрий ИВАНОВ

ЧТО ПОЗАДИ?

«...Все еще впереди» — на такой уверенной ноте завершал я предыдущие свои заметки («Огонек», № 2). Жизнь показывает, однако, что для большого оптимизма время еще не пришло. Слишком много задач необходимо решать обществу одновременно и в самые сжатые сроки.

День ото дня становится яснее, что сопротивление перестройке не спадает, что предстоит упорная борьба. Она будет, должна быть успешной, но выбор пути, по которому пойдем вперед, очень зависит от того, сколь глубоко, полно (и надо постараться — скорее) будет сказана правда о путях, которыми страна шла к нашей великой цели.

Общество все активнее начинает сбрасывать с прошлого узы запретов и табу, обращаться к зашторенным событиям, лицам, идеям. Давние и не очень рукописи (оказывается, рукописи действительно не горят—часто переживают своих творцов) наконец становятся книгами. Читаю один за другим журналы—«минувшее проходит предо мною...».

Партия, ее XXVII съезд, еще раньше XX съезд уже сказали, что вершилось в разные периоды нашей истории, дали оценку происходившему. Литература сегодня все успешнее показывает, как, какой ценой прокладывало дорогу новое время, доискивается до корней, пробует объяснять — почему?..

ПЕРЕГИБЫ

«...И выходило: „В наше время все дороги ведут к хлеборезке".

Крепость — не хлеборезка. Так известно же, что нет таких крепостей, то есть хлеборезок, которые бы не мог взять голодный детдомовец».

Очевидно, кому-то из нынешних читателей повести Анатолия Приставкина «Ночевала тучка золотая» («Знамя», № 3, 4, 1987) трудно будет оценить безотрадную усмешку, горький юмор этих строк. В них писатель перефразирует одни из самых крылатых лозунгов своего времени.

Для очень многих они были выражением сокровенной веры, добытой в самозабвенной борьбе за безусловно лучшую, светлую жизнь, которой с невиданным энтузиазмом приносились беспримерные жертвы. Для других они же служили звонким прикрытием далеко не лучших — и даже преступных — устремлений. Приставкин не просто имел право усмехнуться здесь над то фанфарно, то барабанно звучавшими словами; он ощущал обязанность предъявить свой счет минувшему за судьбы: и тех, кого оно попрало, и тех, кого плодило.

«Примите же это, невысказанное от моих Кузьмёнышей и от меня лично, запоздалое из далеких восьмидесятых годов непрощение вам, жирные крысы тыловые, которыми был наводнен наш дом-корабль с детишками, подобранными в океане войны...»

Что же, такого детского дома нам действительно еще не показывали. Здесь не спасали, не делили с безотцовщиной тяготы лихолетья. Здесь все знали себе одно унизительное имя — «шакалы», здесь голодных детей спокойно обкрадывали. На страницах повести нас не кормят сладкой утешительной кашкой, здесь хлеб подлинной правды горек до содрогания:

«И вдруг... Кишки от этого „вдруг" защипало! Запах ошалелый пошел, по полкам, по вагону, по поезду... И по тем самым кишкам — будто ножовкой! Колбасное мясо открыли в продолговато-овальной американской баночке с золотым отсветом!

...Хоть бы не скребли, гады, ложкой-то по жести, от этого звука судорога начиналась в животе, будто это тебя, тебя, как банку ложкой, выскребают».

Вырвались все-таки Кузьменыши, двое одиннадцатилетних братиков-близнецов, привезли их вместе с другими колонистами на благодатную кавказскую землю. Вздохнули было ребятишки, познакомились с милосердной теткой Зиной, отогрела им сердца добрая Регина Петровна... И вдруг — новая, еще страшнее, беда! Чечены!..

Что же, об этом до последнего времени читатель тоже знал мало: за деяния отдельных предателей («их республиканский прокурор был назначен генералом против нас») были наказаны целые народности (так поступали и с крымскими татарами, и с калмыками). Людей селениями, подчистую выселяли: в эшелоны — и на восток! Но, бывало, скрывались, сбегали — и уж тогда мстили... Всех колонистов разогнали да побили. А Сашке живот пропороли и кукурузой набили,— не зарься на чужое! А разве ж он зарился?

Так вот и не стало одиннадцатилетнего человечка. Кажется, всего только одного из многих миллионов, которых забрала война. Но этой гибели могло и не случиться, не должно было стать, если бы не вражда, злобно посеянная между народами.

Колька не хоронит брата, он отправляет его в последнее путешествие, положив в ящик под вагоном, в котором они оба собирались еще дальше за еще лучшей жизнью,— пусть хоть Сашка съездит... Приставкин описывает это как-то сухо, нежалостливо, скучно даже. Но оторопь берет, как попробуешь представить последний приют этого мальчонки — и человека, которому выпадет найти несчастное Сашкино тело.

...И хотя бы только о двух еще лицах повести хочется вспомнить.

В самой лучшей ее сцене, где Кузьменыши воруют хлеб на воронежском рынке, продает им его одна девака. Подана она автором не слишком симпатичной: «В ширину больше, чем в высоту, выросла»,— не то что тетка Зина, которая обихаживала близнецов на Кавказе. А попала она туда из Курской области, попала тоже не по своей воле.

«Приехал полномочный, велел вещи собирать... А у мене сестра больна да девка-невеста, но дурная, голова не в порядке, над ней фашист снасильничал. Так мы увязали узлы — нищему собраться — лишь подпоясаться!— а сами ревем, а чево ревем... Пусто, даже травой заросло, да и мины там... Ни скотинки, даже кошек поели... В земляночках жили. Нас в товарняк — и повезли. А мы все ревем, все ревем. А полномочный и говорит: «Хватит, бабы, реветь, я вас в рай везу...»

А мы-то решили, что в рай, это на расстрел, значит, потому, что все изменников искали, хто спал с фашистом, тот у нас и изменник... А моя-то дочь спала, хоть и силком... Ну, и в голос! Аж вагон криком изошел...»

Так вот почему-то все чудится мне, что запросто могли та деваха и тетка Зина сменяться ролями: и натура человечья способна обернуться то широкой спиною, то светлым лицом; а главное — ведь и до Воронежа были допущены гитлеровцы, и там несложно было найти подобных же «изменников».

Вот еще о чем напомнил наново Приставкин.

Об этом же и повесть Иосифа Герасимова «Стук в дверь» («Октябрь», № 2, 1987).

Повесть Приставкина помечена 1981 годом, он писал ее, имея уже перед собой примеры, набрав силу как прозаик. Дата создания повести Герасимова — 1960 — отдалена от нашего времени чуть ли не тридцатью годами. Герасимов был среди первых, творил рукою еще несмелой.

Он рассказывал о том, как в 1949 году выселяли из Молдавии «лиц, сотрудничавших с немецко-фашистскими оккупантами, спекулянтов и неблагонадежных элементов». Директор школы Баулин, которому поручено быть представителем райкома в этой операции, который воевал здесь в партизанах, думает: «Даже еще мягко, что просто берут и переселяют».

Да, главный герой повести — плоть от плоти времени. И война, и жизнь приучили его ждать, искать вокруг врагов, научили быстро успокаиваться: «Так надо. В райкоме лучше знают... Ничего не делается зря...» Но выпавшая работа разрушает покой и привычку, ставит под вопрос вошедшую в кровь догму, требует думать самому... Ну, ладно, один из ссылаемых, может быть,— враг, наверное был врагом. Но другой — какой-то неясный совсем: просидел четыре года в румынской каторжной тюрьме, был членом бессарабской подпольной организации, а теперь он — «выходец» из другой партии, и это почему-то неблагонадежно... А третий — ведь это Ион Урсул, Ваня Медведь, с которым Баулин служил в одном отряде! Но... «Эти эмгэбэшники лучше знают... Нечего было соваться!.. Надо молчать».

И Баулин умолкает. И делает, как велят. И, вернувшись домой, к жене и дочери, прижимается к теплому плечу и успокоенно засыпает.

Герасимов довольно схематично рисует и сам конфликт, и его действующих лиц, и характер Баулина, его не очень глубокие метания и закономерный финал. И все равно — страшно...

С другой стороны, что скрывать: произвол, нарушения социалистической законности тогда крайне редко кто признавал даже «перегибами», большинство принимало их, как-то оправдывало, люди сами гнулись и сгибались. Но были, были — и немало, наверное,— те, кто сопротивлялись, брали под защиту, отстаивали свою правоту, не шли на поклон, хранили достоинство. Во все времена это было опасно и требовало подлинного мужества, тогда же беспощадной уверенности: кто не с нами, тот против нас — можно было сразить, сломить любого. Но все равно они были, самые стойкие и бесстрашные, а о тех, кто духовно близок к ним, уже написаны книги. Мы говорим о героях двух художественно-документальных повестей, в немалой степени посвященных еще одному (памятному уже) «перегибу»: низведению до «лженауки» отечественной генетики и бешеной травле ее поборников и защитников.

Известно, не одной генетике выпала эта печальная доля, «перегибали» и с другими, прежде всего социальными, науками, мешавшими удобным цифрам и громогласным лозунгам. Но с биологией и биологами расправлялись почему-то особенно рьяно, прямо-таки показательно. Об этом уже немало приоткрыто в связи с гибельной судьбой Н. И. Вавилова и других, по материалам и наветам недоброй памяти сессии ВАСХНИЛ 1948 года, по фактам неудержимого взлета и бесславного заката Лысенко — вдохновителя всего этого шабаша. И вот новые книги В. Амлинского и Д. Гранина (и вот-вот закончится публикация романа В. Дудинцева).

Владимир Амлинский написал «повесть об отце и его времени» — «Оправдан будет каждый час...» («Юность», № 10, 11, 1986). Сказать точнее, он попытался написать такую повесть, и это оказалось нелегко. В книге гораздо сильнее ощущается время, в котором происходила жизнь самого автора,— мальчика, запомнившего войну, подростка, столкнувшегося с отцовской бедой, взрослого человека, наблюдавшего деятельность признанного ученого на склоне лет; наблюдавшего, но не допущенного к тем духовным и душевным переживаниям (даже несмотря на наличие отцовских дневников), которые, несомненно, были у этого честного и умного свидетеля и участника трагедии научного мировоззрения и жестоких жизненных драм своих единомышленников.

«У него было любимое выражение: «Я играю на ничью». Он играл со своими болезнями на ничью; он не мог одолеть их, они не смогли сломать его».

Амлинский соотнес это отцово кредо с немочами. Думается, оно выражает более глубинную позицию: человек не мог сразиться в открытую со злом, но и зло не сломило, не победило его. Был Илья Ефимович смелым: в жизни, когда еще молодым парнем руководил трудкоммуной беспризорников; в быту, когда шел защищать сына против послевоенных полублатных ребят; на войне, в ополчении и в любимой своей работе... Он только не стал бойцом, не поднялся до борца, может, потому и не раскрывался перед сыном, не стал его проводником по своему времени, в сокрытые пружины которого Амлинский истово стремился проникнуть.

Для этого он выводит на страницы повести множество реальных лиц: портреты одних пробует нарисовать, других упоминает, о третьих делится собственными и чужими впечатлениями. Среди них дед, политкаторжанин, сгинувший в тридцать седьмом году; знаменитые ученые, рядом с которыми работал отец; знаменитые деятели культуры, с которыми выпало быть знакомым автору; знаменитые футболисты, которым он вместе с отцом рукоплескал на «Динамо»; просто

приятели, с которыми его сводила жизнь,— главы о них как раз самые интересные, но ко времени отца они почти не имеют отношения. Проникнуться **тем** временем, **теми** людьми оказывается все-таки сложнее, чем часто еще предполагается.

Даниилу Гранину в повести «Зубр» («Новый мир», № 1, 2, 1987) это удалось в несравненно большей степени. И не потому только, что писатель во многом сам из той эпохи. И не от того, что о своем герое Гранин собрал множество документальных свидетельств, да и сам Тимофеев-Ресовский (1900—1981) — «один из основоположников радиационной генетики, биогеоценологии и молекулярной биологии», как сообщает Советский энциклопедический словарь, выдающийся русский ученый с мировой известностью и с единичной, беспримерной, непересказываемой судьбою — немало поведал ему о себе.

А потому, думается, что помогала сама эта нетипичность биографии (хотя и с Зубром «перегибали», да еще как — до смерти почти!) и характера героя. Даже то, что долгие годы он, можно сказать, не принадлежал своему времени, оказалось на руку, позволило четче увидеть и обрисовать типичные обстоятельства **тех** лет.

«Он не был стеснен догмами, идеализм не был для него пугалом. Он не боялся хвалить западных ученых, перед иными из них преклонялся, ругал без оговорок Россию и русских за расхлябанность, хамство. Уважал немцев за пунктуальность. Не желал считаться с тем, что его имя одиозно из-за того, что жил в Германии всю войну, работал там при фашизме...

Ясно было, что он не изменил своей манере: ругал, что хотел, вел себя так, как всегда вел — и в Германии, и в лагере, и в уральской ссылке, и здесь, на воле. «Вольность» — слово, которое подходит ему больше, чем «свобода»...

Нельзя считать его борцом. Он не боролся за свои убеждения, он просто следовал им в любых условиях. У него выходило, что всегда можно быть самим собой».

А во-вторых, на уникальной судьбе и характере Зубра, этого героя и не героя своего времени, этого «человека на все времена», Гранин стремился проникнуться **вечными** тайнами величия человеческого духа. И это позволило писателю открыть немало нового в нашем времени.

«Что за сила удерживает человека, не позволяет сдаться перед злом, впасть в ничтожество, потерять самоуважение, запрещает пускаться во все тяжкие, пресмыкаться, подличать?

Вот вопрос вопросов. Вот вопрос, который пытался я постигнуть на судьбе Зубра».

ОТВЕТСТВЕННЫЕ

Да, невиданное было время, необъяснимое во многом, не объясненное пока.

Время великой борьбы, великих свершений и побед нашей страны. Время светлых надежд на счастье и справедливость для всего народа, для всех людей! Всех! В этом была великая вера, которой жили тогда.

И вдруг беззаветные созидатели, победители и энтузиасты, деятели и руководители сотнями и тысячами становились обвиняемыми, гибли, а если оставались живы, то вместе с тысячами и тысячами других, ради кого и делалась революция, превращались в противников строя, приговаривались к колючей проволоке.

«...Ведая, как и раньше, органами внутренних дел (Сталин еще со времен тридцать седьмого года поставил их как особое свое орудие над самыми высшими органами партии и государства), Берия постепенно стал охватывать и ряд народнохозяйственных задач, год от года более крупных. Ни одно большое строительство уже не обходилось без его участия. Распоряжаясь Главным управлением лагерей, сосредоточивая на ударных стройплощадках неисчислимые колонны заключенных, он командовал возведением новых мощных гидростанций, или, как говорилось тогда, великими стройками коммунизма. В этом — позволим себе здесь строчку авторского отступления,— пожалуй, обнаженно выступал трагический парадокс времени».

Долго, очень долго пришлось ждать, пока можно стало прочесть эти скупые на чувство, из больного, страдающего сердца вынутые слова. Они сказаны в романе Александра Бека «Новое назначение» («Знамя», № 10, 11, 1986). Написан же роман еще в 1960—1964 годах, раньше многого, что смогло опередить печатанием эту, и для нынешнего дня весьма неординарную книгу.

«Впрочем, Онисимов, тот, каким он был тогда, докладывая Сталину проблему восточносибирской металлургии, не знавал даже и мыслей о парадоксах, о противоречиях эпохи. От вопросов, которые могли возмутить его, коммуниста, разум и совесть, он уходил, ускользал простейшим способом: не мое дело, меня это не касается, не мне судить. (Помните, почти буквально, как Баулин! — Д. И.) Любимый его брат погиб в тюрьме, в душе он оплакал Ваню, но и тогда остался твердым в своем «Не рассуждать!». Для него не было пустыми словами выражение «Солдат партии». Позже, когда вошло в обиход «Солдат Сталина», он с гордостью и, несомненно, по праву считал себя таким солдатом».

Бек выбрал настоящую, масштабную фигуру, способную, казалось бы, если не дать, так **держать** **ответ**. Член ЦК, член правительства, председатель Госкомитета... Правда, читатель встречается с Онисимовым в момент (1956 год), когда его служебная карьера пошла на излет. Но карьера-то Александра Леонтьевича никогда и не интересовала, все посты свои достигал он **заслуженно**. Писатель с этого и начинает — чем, как заслуживал?

И ведь как Бек любит их — своего героя и время, которое Онисимов олицетворяет. Любит за то, как они умели и любили работать, как много успели сделать для Отчизны, за небывалую самоотдачу, за скромность, довольство малым, за равнодушие к житейским удобствам... Хотя, конечно, жил Онисимов со своей семьей (сам третий) в многокомнатной, редчайшей по тем временам квартире, в особом, знаменитом тогда и даже теперь «доме на набережной». Ну, так он эти привилегии заслужил, **железным** был, «Служакой» с большой буквы.

Однако таких железных, таких беспорочных у того времени было сколько угодно. Чем же еще, кроме ясного ума, деловой хватки, высочайшей компетентности, безжалостной требовательности, неколебимой преданности, заслужил он свое положение и остался, удерживался «на горе власти»? Ведь было множество других, столь же и еще более заслуженных, столь же и еще более **преданных идее** и лично человеку, эту идею для них воплощавшему, но и они уходили в небытие, **преданные** этим же человеком.

Однажды, оказавшись невольным свидетелем решающей, быть может, беседы-столкновения Сталина и Орджоникидзе, Онисимов смог **убедить** вождя в своей преданности и заслужил его доверие. И почему-то этого доверия он не лишился.

Почему?.. В романе Бек не пробует подступать к анализу характера Хозяина (одну только выразительнейшую деталь в облике Сталина, подсмотренную кем-то, не упустил отметить: «неискристые, лишенные живой игры» глаза). И не берет писатель на себя объяснять причинную цепь **последствий** культа личности Сталина.

Бек рисует другое: как время начинает неумолимо колебать в Онисимове «нерассуждающую готовность исполнять любое слово» вождя, как излюбленные Онисимовым беспрекословная дисциплина, строжайший порядок, непререкаемое исполнительство становятся все более тормозом в его же кровном деле, для которого он делал все, что в человеческих силах, и сверх того... Он был беспощаден к тем, кто пробовал не соблюдать приказа, отступать от узаконенной технологии; и заодно, под ту же гребенку, стриг тех, кто пытался таким образом открывать дорогу новому. И так продолжалось до поры, пока не выпало ему встать на пути псевдоизобретения инженера Лесных, из-за чего Онисимов чуть-чуть не остался в давно тянувшихся к нему руках Берия,— опорный этот сюжет прописан в романе с подлинным блеском, с сочным, ярким показом характеров:

«Неодобрительно мотнув головой, Челышев договорил то, чего не отважился выпалить Сталину:

— Если такие заводы начнем строить, без штанов будем ходить.

Онисимов ничего не ответил. Привычно потянулся к неизменной пачке «Друг», взял в рот сигарету, чиркнул спичкой и... Что такое? Огонек заходил, заплясал в дрожавших его пальцах. Удивленный, он, не прикурив, загасил спичку. Приказал пальцам не дрожать. Но и следующая спичка тоже вибрировала в его руке. Глаза были ясными, небоязливыми, губы твердо сомкнуты, а вот руку била дрожь.

Таким было первое проявление странной болезни Онисимова...

Он не понимал ее истока. Но скажем мы. Еще никогда не переживал он такой сильной ошибки — ошибки приказа с внутренним убеждением. Доныне он всегда разделял мыслью, убеждением то, что исполнял. А теперь, пожалуй, впервые не верил,
не верил, но все же приступил к исполнению».

С этой поры исполнитель в Онисимове вынужден начать рассуждать, **думать** по большому счету, судить сделанное и несодеянное. Этим внутренним судом Бек подкрепляет свой приговор, тем более что Онисимов, держа перед собой ответ, дать его оказывается неспособным.

Не способен найти ответы и другой ответственный жилец «дома на набережной» — Николай Григорьевич Баюков. Он и его сын Игорь — главные персонажи «Исчезновения», оставшегося неоконченным романа Юрия Трифонова («Дружба народов», № 1, 1987), действие которого разворачивается в двух временных срезах: весной 1937-го, в чудовищной неразберихе «своя своих не познаша», и осенью военного 42-го.

Встречи с книгами Трифонова давно уже стали предвещать открытие, тем больше ожидалось от романа, который писался на протяжении многих лет. Значит, в нем писатель выразил то, что не мог, что не давали сказать... Значит, здесь будет добыта истина... Но вот перевернута оставшаяся последней страница, оборвавшаяся каким-то уничижительным, недостойным этого дома, этой семьи клопиным конфузом...

«Неплохие и даже хорошие люди, подчиняясь давящим обстоятельствам, совершают в «Исчезновении» маленькие предательства — и тем самым удваивают, утраивают гнетущие силы. Приспособление — вот что страшно...» — так прочитал роман Ю. Гладильщиков («Литературная Россия», 27 марта с. г.).

К кому-то из действующих лиц «Исчезновения» это можно, хотя и с поправками, отнести. Но разве предают, приспосабливаются Баюков, его брат? Нет же. Николай Григорьевич пробует и будет еще вступаться — то за родственника, то за старинную знакомую. Другое дело, что действует он без надежды, запутавшийся и уже смиряющийся перед необъяснимой «силой». На нее смотрели снизу, как смотрят на распростертую железную плиту. Но ведь должен был наступить час, когда плита эта упадет. Не могла же она висеть и покачиваться вечно».

И мы не знаем, впору ли спрашивать: где же теперь его и других мужество и отвага, с которыми Баюков и его товарищи еще совсем недавно вершили революцию и отстаивали ее в гражданскую. Мы видим только, что пропало, **исчезло** **единство**, которое когда-то сделало их такой великой силой.

И вот об этом они **молчат**.

Приспособились-таки? Страшатся за судьбу ближних и свою, боятся, что исчезнет, улетит, «как прах по ветру», **дом**,— «ведь ради этого, ради **этого** же делаются революции».

Не желают еще более подрывать единство, на алтарь которого уже столько принесено? Да еще когда совсем рядом неминучая смертельная схватка с фашизмом...

Или все упирается в вопросы, которые и разъединили-то их: всегда ли правильно выбирали дорогу к своей великой цели?

...Трифонов не выносит в «Исчезновении» приговор своим героям. В прежних его книгах всегда был суд. Здесь его нет. Должен ли был сын Баюкова когда-либо потом произвести необходимое следствие, или судьей стало бы время, но сам писатель не решается на вынесение обвинительного заключения. Слишком многие показания были ему еще неизвестны... Дело все откладывалось и откладывалось слушанием...

Может быть, потому и писал Юрий Трифонов этот роман всю жизнь.

ИНАКО МЫСЛЯЩИЙ

«...И пожалуйста... И пожалуйста, прошу вас,— без этих снисходительных ухмылочек... Не надо делать из меня дурака. Я, дорогие мои, не хуже вашего вижу, что происходит вокруг. И не хуже вашего вижу всех этих мерзавцев, которых почему-то так много стало повсюду именно в последние годы... И среди молодежи — и среди молодежи тоже... Но... положа руку на сердце... Да полно, граждане — много ли? Много ли, на самом-то деле? А их что, меньше было в двадцатых годах? Или в тридцатых — особенно в тридцатых? Или в пятидесятых? Или сто, или тысячу лет назад? Кто решится сказать, что их когда-либо было меньше, этих мерзавцев, чем сегодня, сейчас? Забыли, что всего лишь поколение назад было с вашими отцами, да и с многими из вас самих? И чем нынешний мерзавец хуже прежнего? Может быть, даже и не хуже, может быть, даже лучше: нынешнему хоть убивать не велят... А воры?.. Что ж воры... Воров на Руси всегда было хоть пруд пруди... Вор он всегда вор: его место в тюрьме, и рано или поздно он там будет... Будет. Куда ему деться? Другого конца испокон веков у него не было и нет...»

Так рассуждает где-то во второй половине наших 70-х годов Александр Иванович Горт, герой зоркой, талантливой, итожащей повести Николая Шмелева «Пашков дом» («Знамя», № 3, 1987), человек, которому вот-вот стукнет пятьдесят, которого недавно чуть до смерти не убила шпана, который не озлится и тогда даже, когда ему станет грозить расставание с университетом (его спецкурс кому-то покажется неактуальным), потеря и любимого дела, и средств к существованию...

Да, Александр Иванович — глубоко порядочный, добрый, не ждущий и не требующий многого от жизни и от людей, принципиальный, милосердный, вызывающий большую симпатию человек. Когда ему пришлось делать второй свой решительный выбор в жизни: между любимой с юности женщиной и семьей, детьми, он пожертвовал чувством (увы, и любимым человеком).

Так что же позволяет Горту мыслить иначе, чем все,— точнее, чем многие? Например, чем его жена, которая может сказать: «Все со слезами, с мукой, везде локти, везде кулаки, все невыспавшиеся, злые, ненавидящие друг друга... Этого нет, того нет, там стена, здесь стена... Все черт-те как, все через пень колоду... Это, что ли, твое смягчение жизни? Пьянство, воровство, бестолковщина... Нищета... Ты посмотри, в чем я хожу... Знаешь, сколько раз я эти туфли чинила? А у меня муж доцент...»

Позволяет, во-первых, само время. Во-вторых, автор. В-третьих, характер самого Горта.

Время, безусловно, стало более терпимым, более милосердным, более человечным. В отличие от многих и как серьезный историк, Горт и помнит и знает прошлые времена, он может и хочет сравнивать. И видит все преимущества времени, в котором живет. А уж к нему оно оказалось просто милостивым. Счастливейший человек — ведь в повести ему не пришлось делать третьего самого серьезного и, увы, самого повседневного

и в наши дни выбора: остаться честным или устраниться от борьбы за справедливость и предать кого-либо... Время, слава богу, не унизило его до этого. (Как тут не вспомнить судьбу другого историка — героя «Другой жизни» Юрия Трифонова.)

Правда, Александр Иванович крепко столкнулся с тем, что «здесь стена, там стена», когда написал книгу, в которой воплотил главную мысль своей жизни, а мысль эта оказалась не ко времени...

Зато время отнеслось к нему весьма благосклонно раньше, когда эта благая мысль в нем зарождалась, когда Горт сделал первый свой сознательный и по-настоящему серьезный выбор.

Той осенью 1956 года он публично вступился за «доносчика, убийцу, клеветника, погубившего своими доносами множество ни в чем не повинных людей».

Тогда Горта никто не поддержал, но ведь и не осудили беспощадно, не сломали... Как прекрасно, что допущено было мыслить иначе. Хотя уже тогда надо было постараться внушить Александру Ивановичу, что начинает он витать в облаках. Ведь возвращавшийся тогда поток жаждал справедливости, и хотя было среди него немало гордых людей, но смириться до того, чтобы прощать кровоглота... Для этого нужно или смотреть с надмирной высоты, или быть великим, как Достоевский, или не испытать позора унижения...

Время тем временем пошло своим чередом, и, увы, гарантии, желательные Горту, создавались весьма и весьма медленно, неуверенно и непоследовательно, с ошибками и отступлениями. Может, и оттого, что происходило это без его, Горта, участия. Здесь он практически следовал тому, о чем размышлял и теоретизировал всегда: «Как человеку жить, чтобы не мешать другим и чтобы никто не мешал ему». И вступал в явное, кричащее противоречие с самим собой, со своим требованием «будничной, тяжелой, конструктивной работы на том материале, который есть», с неосознанно, кажется, исповедываемой им «теорией малых дел»: «Поменьше бы надо человечество спасать... Побольше бы надо думать о тех, кто рядом, кому без тебя не прожить...»

В противоречиях литературного, как и любого, характера ничего удивительного нет, наоборот, они совершенно естественны. Но вот писатель-то как раз и должен видеть их, выражать и оценивать. А в повести Шмелева противоречия характера ее героя не выражены.

Слово и дело у Горта в жизни не сходятся, а в повести не дана возможность проверить цену его словам, позволено герою избежать проверки таким делом, которое это расхождение проявило бы резко, выпукло... Инако мыслить можно и должно, но как инако действовать?

Александр Иванович делает «все, что м о ж е т сделать человек», но этого недовольно. Ибо есть еще и нечто, что д о л ж е н делать ч е л о в е к.

* * *

Итак, какие же следуют «предварительные итоги»?

В своем разговоре о времени литература дает обнадеживающие примеры: как честно, открыто, вместе с народом пройти очистительным путем правды о прошлом с целью отсечь, остановить любые попытки повернуть вспять поступательный ход нашего общества.

Книги, о которых мы вели речь, и другие, приходящие сейчас к читателям, свидетельствуют, что этот свой долг литература стремится исполнять с наибольшими ответственностью и достоинством,– и таким же должен быть, когда зазвучит, рассказ о дне сегодняшнем.

Фото О. Мартинсона. (Из архива Н. М. Высоцкой).

Я ЖИВ ТОБОЙ...

В нашем журнале было опубликовано несколько материалов о жизни и творчестве замечательного поэта и артиста Владимира Высоцкого — они вызвали необычайно большую почту читателей. Учитывая их многочисленные пожелания, мы предлагаем сегодня интервью с известной французской актрисой Мариной ВЛАДИ, которое она дала специальному корреспонденту «Огонька» Леониду ПЛЕШАКОВУ

Втот раз парижский театр «Бур дю Нор», завершив трехмесячные гастроли с шекспировским «Гамлетом» по городам Франции, предоставил артистам короткий, всего в несколько дней отпуск, и Марина Влади (в спектакле она играла Гертруду) тут же улетела в Москву. За два дня, которые она сумела выкроить для этой поездки, предстояло нанести несколько деловых визитов, встретиться со старыми друзьями. И хотя поэтому время было расписано по минутам, она согласилась в своем жестком цейтноте выкроить «окно» для интервью. Решило дело то, что я просил рассказать о Владимире Высоцком.

— Хорошо, приходи.— Марина назвала время и добавила: — Правда, будут гости, но, думаю, поговорить сумеем.

...В 1968 году Марина Влади снималась на «Мосфильме» в «Сюжете для небольшого рассказа». Однажды по заданию редакции я пришел на студию взять у нее интервью и в комнате, где актеры отдыхают в перерыве между съемками, встретил Владимира Высоцкого, с которым был хорошо знаком. Он-то и представил нас друг другу. Позже, когда Марина и Владимир стали мужем и женой, я не раз говорил им, что хотел бы написать об их семье. Они соглашались, но всякий раз откладывали встречу: то Марина срочно улетала в Париж, то у Высоцкого были неотложные дела. Он успокаивал: «Куда спешишь, еще успеешь нас проинтервьюировать». Оказалось, не ус-

пел. Теперь вот пришлось расспрашивать ее одну.

— Марина, чем дальше уходит день, когда не стало Высоцкого, тем больше хочется узнать о нем. После него остались песни, роли в кинофильмах. Друзья опубликовали воспоминания. И все-таки хочется чего-то еще — деталей, подробностей, рассказывающих о его характере, привычках, симпатиях и антипатиях — мелочах, которые делают образ человека объемнее, многограннее. Ты была рядом с Высоцким последние двенадцать лет его жизни. Наблюдала в ситуациях, в которых его не видел никто другой. Последнее стихотворение он посвятил тебе.

— Я все понимаю. И огромную популярность Володи в Советском Союзе, и тот интерес, который проявляют поклонники к его жизни и творчеству. Только рассказ о нашей с ним жизни вряд ли удовлетворит тех, кто ожидает услышать какие-то захватывающие истории. Это была самая обычная семейная жизнь, как у всех людей.

— Ты помнишь, как вы познакомились?

— Все произошло, можно сказать, несколько романтично и вместе с тем довольно просто. Летом 1968 года, снимаясь у Сергея Юткевича, я взяла с собой в Москву двух своих старших сыновей, Игоря и Петю. Младший, пятилетний Владимир, остался в Париже с бабушкой. Здесь я определила их в подмосковный пионерский лагерь. Неделю снимаюсь в фильме, в воскресенье, с утра пораньше, как и все родители, отправляюсь навестить своих отпрысков, как положено в таких случаях, с сумками, гостинцами, чем-нибудь вкусненьким. Приезжаем мы, родители, к торжественному построению на линейку и подъему флага. Стоим в сторонке, ждем, когда дети освободятся и можно будет с ними пообщаться.

И вот однажды мои парни прибежали ко мне в большом возбуждении.

— Мама, мама,—кричат,—тут мальчишки поют песню, где есть слова и о тебе!!!

И спели кусочек о бале-маскараде, который был устроен в зоосаде. Ты, наверное, помнишь ее?

— Конечно. Только я думал, она написана Высоцким, когда вы были уже знакомы.

— Нет, в тот момент его имя мне ничего не говорило. Короче, мои парни жутко обрадовались, что в такой дали от дома об их маме кто-то написал песню, да и еще такую популярную среди друзей-мальчишек. Так что о песнях Высоцкого я узнала раньше, чем познакомилась с автором.

А познакомились мы с ним так. В то время в Москве корреспондентом газеты «Юманите» работал мой давний знакомый Макс Леон. Однажды он пригласил меня в театр на Таганке, который пользовался тогда бурным успехом. В тот вечер шел «Пугачев». Хлопушу играл Высоцкий. Мне понравились и постановка, и Хлопуша — всё. После спектакля мы большой компанией — Макс Леон, я, артисты труппы — зашли поужинать в соседний ресторанчик. Потом Макс Леон пригласил всех к себе в гости. Пили чай, говорили, Володя, естественно, пел.

— Что именно?

— Все свои песни подряд. Пел много, охотно и, разумеется, всех очаровал. Он вообще был обаятельным человеком, умел располагать к себе людей. А в тот вечер был просто в ударе. И, как я могла почувствовать, пел для меня лично...

— Какие из его песен тебе понравились тогда больше всего?

— Все понравились, особенно сказки. В общем, после того вечера мы стали с Володей встречаться. Я посмотрела все спектакли с его участием. Он оказался замечательным артистом и очень интересным человеком. Короче, он понравился мне, я понравилась ему. Подружились. Стали мужем и женой. Свой брак зарегистрировали официально 1 декабря 1970 года. Свидетелями были с моей стороны Макс Леон, с Володиной — его друг артист Всеволод Абдулов. Поначалу жили в гостиницах, где я останавливалась в Москве, у Володиной мамы на улице Телевидения в Новых Черемушках. Когда один из знакомых журналистов уехал в длительную командировку за границу, он оставил нам свою квартиру в Матвеевском, перебрались туда. В 1975 году построили вот эту кооперативную квартиру на Малой Грузинской. Она стала нашим домом.

— Понятие «дом» включает много всяких оттенков. Это не только общая крыша над головой, но и семья, определенные отношения между мужем и женой, их взаимные обязанности, наконец, друзья. Но ты жила в Париже, Владимир — здесь. Семейная жизнь на расстоянии — это не совсем понятно.

— Мы отнюдь не все время были на расстоянии. Когда я не работала — а такое случалось совсем нередко,— я всегда жила здесь, в Москве. Иногда по нескольку месяцев кряду. Но даже если снималась или бывала занята в театре, то при всяком удобном случае прилетала к мужу. Точно так и Володя.

Чем я здесь занималась? Вела хозяйство. Ходила за покупками, стряпала: делала то, что делает всякая жена.

— Володя говорил, что сам любит готовить...

— Случалось. Но не часто. Да и умел-то он разве что яичницу поджарить или кусок мяса.

— А ты? Рассказывали, знаешь рецепты не только французской, но итальянской, даже африканской кухни. Ведь ты там живала...

— О-о, я знаменитая кухарка. Очень люблю готовить и умею, но предпочитаю не чью-то там кухню, а свою. Сама придумываю рецепты, и получается неплохо. Володя любил все, что я готовила. Хотя, надо сказать, он не был гурманом или особо привередливым в еде. Мог съесть ломоть хлеба с чаем и бывал этим доволен. Тем не менее старалась быть на высоте...

— У вас бывали... как бы это сказать... сложности в отношениях?

— Конечно. У обоих темпераменты, оба с сильным характером.

— Ты считаешь, что у тебя сильный характер?

— О да!

Марина произнесла это таким многозначительным тоном, что сразу становилось понятно: своим мнением она не привыкла поступаться. Поэтому спросил:

— Володя тебя слушался?

— В общем, да...

— А ты его?

— Видишь ли, не было случая, чтобы ему нужно было говорить мне делать что-то так, а не этак. Я старалась предугадать, опередить его. У меня характер все-таки попроще и чисто по-женски более пластичный. К тому же у него в голове было больше, чем у меня, так что прислушаться к его мнению было не зазорно.

— Вы часто бывали в разлуке. Переписывались?

— Первые шесть лет, когда Володя не мог приезжать ко мне, а у меня бывали дела в Париже, мы писали друг другу почти ежедневно. Все его письма я храню у себя дома. В них — наша частная жизнь. Я оставлю их. После моей смерти пусть читают или даже публикуют, если это кому-то интересно. Но сейчас это мое и его, и пусть оно остается пока нашим. К тому же, если говорить откровенно, там ничего особенного нет: нормальные письма влюбленного человека. Они сугубо личные, интимные и не имеют литературной значимости. Между прочим, многие замечали, что даже у очень больших писателей и поэтов их личная переписка значительно менее интересна, чем литературные произведения. Видно, в этом есть определенная закономерность.

— Если бы нужно было одним словом сказать о Высоцком, о его характере, какую бы его черту отметила как самую главную?

— Это невозможно. Он был настолько богатой и щедро одаренной натурой, что о нем невозможно сказать коротко.

— Тебе всегда было интересно с ним?

— Естественно. Иначе бы мы не прожили двенадцать лет. Он был больше чем просто муж. Он был хорошим товарищем, с которым я могла делиться всем, что было на душе. И он рассказывал мне все о своих делах, планах, мне первой читал новые стихи и пел новые песни. Придет после спектакля домой, уставший, измотанный, все равно могли полночи болтать о жизни, театре — обо всем.

— Но для этого надо было за все эти двенадцать лет не растерять чувство влюбленности...

— Представь, нам это удалось. Наверное, в какой-то мере это объясняется тем, что мы не жили постоянно вместе. Разлуки помогают сохранить свежесть чувств и забыть мелочь житейских неурядиц. Хотя, с другой стороны, расставаясь даже на короткий срок, мы практически ни дня не обходились без телефонного разговора и вроде бы соскучиться не успевали... И все-таки влюбленность осталась.

— Как вы проводили свободное время, если оно у вас совпадало?

— Путешествия, знакомство с новыми местами. Володя старался показать мне как можно больше всего из того, что он любил, что было ему дорого. Мы побывали с ним на Кавказе, на Украине, совершили круиз по Черному морю на теплоходе «Грузия». Как-то он снимался в Белоруссии, взял меня с собой. Мы ездили по республике. Жили в деревне у какой-то бабушки, ночевали на сеновале. Это было прекрасно: кругом великолепный лес, озера. Понимаешь, это были не туристические поездки: что-то посмотрел — покатил дальше. Где бы мы ни останавливались, у Володи находились знакомые, друзья, так что главным всегда оставалось общение с интересными людьми.

Для меня это ко всему прочему было узнаванием своих русских корней, открытием родины своих родителей.

— Близкого человека всегда хочется познакомить с чем-то, что дорого тебе самому. К чему, по твоим наблюдениям, больше всего лежало сердце Высоцкого?

— Он очень любил Москву и хорошо знал ее. Не традиционные достопримечательности, которые всегда показывают приезжим, а именно город, где он родился, вырос, учился, работал. С всякими заповедными ее уголками, чем-то близкими и дорогими ему. В его песнях часто говорится об этом.

— Наверное, он водил тебя в тот дом на бывшей Первой Мещанской, где когда-то находились меблированные комнаты «Наталис», ставшие после революции обычными коммуналками, где, как поется в одной из его песен, «на тридцать восемь комнаток всего одна уборная»... Сейчас, правда, от этой трехэтажки осталась только часть, и то спрятанная во дворе большого здания на углу проспекта Мира и площади перед Рижским вокзалом...

— Да-да, он водил меня и туда, и в дом на Большом Каретном, где тоже жил одно время...

— Тебе было интересно?

— Конечно. Ведь я не только знакомилась с Москвою Высоцкого, но еще и лучше узнавала его самого, его характер, истоки его творчества.

Мы очень любили вечерами бродить по московским улицам. И что больше всего меня поражало всегда, если хочешь, изумляло, покоряло: чуть не из каждого окна слышны были Володины песни.

— Как он относился к этому? Вообще как он воспринимал свою фантастическую популярность?

— Он ее отлично сознавал. К счастью, он при жизни познал большой успех и как артист, и как певец. Он понимал, что народ его любит, что его творчество знают практически все, а большинству оно близко и дорого. Иной раз он писал песню, а уже через три дня она звучала повсюду, была у всех на слуху. И что самое удивительное — ее не передавали по радио, по телевидению, она расходилась мгновенно сама собой только потому, что ее автором был Высоцкий.

Как он относился к своей славе? Конечно, внутренне гордился, но никогда не зазнавался, оставался в отношениях с людьми простым, доступным, своим.

— Вот эта его особая «свойскость» не всегда и не всеми понималась верно. В самых разных уголках нашей страны я встречался с людьми, которые клялись, что были близкими друзьями Высоцкого. Начинаешь расспрашивать, оказывается, они и виделись-то всего один раз, да и то мельком...

— Это легко объяснимо. В своих отношениях с людьми Володя умел держаться как-то так по-особому непринужденно и просто, что уже при первом знакомстве каждый мог считать себя его давним и близким другом. Он был очень обаятельным человеком, что вызывало аналогичную ответную реакцию. Мне не раз приходилось наблюдать, как быстро он умел находить общий язык с самыми различными людьми, причем не только здесь, в России, но и за границей. В чем был его секрет, я так и не поняла до сих пор. Просто сообщаю как факт.

К концу жизни Володя уже довольно хорошо говорил и по-французски, и по-английски, так что, приезжая ко мне, мог свободно обходиться без моей помощи в качестве переводчицы. Но уметь говорить и понимать сказанное другими — полдела. Вступить в контакт с совершенно незнакомыми людьми, да так, чтобы они охотно поддерживали разговор с тобой,— это уже искусство. У Володи это получалось легко и непринужденно. Может быть, это происходило потому, что он любил общаться с людьми, они его всегда интересовали и этим он сам был интересен им. Я уже не говорю о тех, кто хотя бы немного знал его творчество.

Мои сыновья просто обожали Высоцкого. Средний, Петька, не без его влияния увлекся игрой на гитаре. Тогда Володя подарил ему инструмент. С его легкой руки юношеское увлечение сына стало теперь его профессией. По классу гитары он окончил Парижскую консерваторию, участвует в конкурсах, выступает с концертами.

Володю любила вся моя родня, все мои парижские знакомые и, как ни странно, даже те, кто никогда не был связан с Россией, с Советским Союзом ни в каком смысле, ни по языку, ни по политическим убеждениям. Его песнями у нас заслушивались...

— Вот это-то мне как раз больше всего и непонятно: в песнях Высоцкого столько чисто русских идиом, нюансов, которые, на мой взгляд, просто невозможно перевести на другой язык. А без них теряется весь смысл. К тому же, кроме чисто языковых тонкостей, допустим, того же сленга, в его песнях столько подробностей из нашей истории, особенностей национального характера, если хочешь, нашего образа жизни, быта — и все это непереводимо. Чтобы понять и прочувствовать все — в этом надо родиться, жить.

— Естественно, полностью понять его песни могут только те, кто жил в России. Но, кроме слов, в этих песнях еще и Володин темперамент, его

экспрессия, тембр голоса, обаяние его личности — все, что не требует перевода, понятно и так.

Но, кажется, мы немного отвлеклись. О чем мы говорили?

— О том, что у него было много друзей...

— Правильнее сказать: у него было много знакомых, которые могли сказать, что являются его друзьями. Но если говорить о самых близких товарищах, с кем он не просто дружески держался, а любил общаться, принимал дома, сам бывал у них в гостях, таких друзей было, может быть, двенадцать — пятнадцать, не больше. Люди разных профессий: поэты, писатели, капитан дальнего плавания, артисты, режиссер, радиоинженер, геолог. По их профессиям можно судить о круге интересов самого Высоцкого. Он их всех любил, а они его. Но не так, как обычные почитатели Володиного искусства, а как человека, как товарища.

— А что именно он ценил в них?

— Я не могу ответить за него. Круг его друзей автоматически стал моим кругом. Я пришла как бы на готовое. Знаю только, что это интересные люди. Что они и он были всегда взаимно рады друг другу. Что они остались верны его памяти. Теперь я вижусь с ними довольно редко. Но даже если эти встречи будут происходить раз в год или пять лет, я уверена, что смогу полностью довериться им с закрытыми глазами и рассчитывать на поддержку.

— Какая из его работ нравилась тебе больше всего?

— В театре — безусловно, Гамлет. Хотя и другие роли он исполнял замечательно. Свидригайлова, например. Лопахина. До сих пор не пойму, почему тогда не были сняты на видео те спектакли. При современной технике сделать это так просто: поставил камеру и записывай на пленку. Как много людей смогли бы посмотреть спектакли, на которые невозможно было попасть! Эти записи могли бы остаться и будущим поколениям. Но всем этим распорядились как-то не по-хозяйски.

В кино его лучшие роли — Дон Гуан из «Маленьких трагедий» Пушкина и фон Корен в фильме по чеховской «Дуэли». По-моему, он сыграл их, как никто другой. Но это дело вкуса. Кому-то, возможно, нравятся иные его роли...

— Как он писал свои стихи, песни?

— Меня об этом все спрашивают, но ответить на такой, казалось бы, простой вопрос — сложная проблема. Володя был очень работоспособным и, если можно так выразиться, работолюбивым человеком. Театральные спектакли, репетиции, съемки, сольные концерты — бесконечная гонка, отнимавшая по 18 часов в сутки. Даже на отдыхе он не мог сидеть просто так, ничего не делая. Всегда был чем-то занят, с кем-то говорил, что-то узнавал, записывал. Но как к нему приходила нужная рифма, образ, почему, я не знаю. Он мог вскочить среди ночи и, как одержимый, писать несколько часов кряду. Но это чисто внешнее наблюдение, в чем же заключалась внутренняя пружина творчества, я объяснить не могу.

— Я удивился, что в его кабинете книг оказалось меньше, чем я ожидал. Много, но не столько. И такой изящный письменный стол...

— В этом нет ничего чего-то такого особенного. Володя не стремился собирать книги только для того, чтобы иметь большую библиотеку. На его полках только то, что он любил, часто перечитывал, хотел иметь всегда под рукой.

— Кого же он перечитывал?

— На первом месте Пушкин. Володя его обожал. Я не знаю человека, который бы читал Пушкина так же хорошо, как Высоцкий. Очень любил он стихи Пастернака.

Тебя удивил письменный стол. Однажды нам сказали, что продается мебель Александра Таирова и Алисы Коонен. Поехали, посмотрели, она нам очень понравилась. Старинная, красивая, но не какая-то особо ценная, просто эта мебель имела душу, не то что современная чепуха. Нам была она дорога еще и тем, что принадлежала людям театра. Там было много всего, но мы выбрали, что больше всего нам подошло: секретер, стулья, письменный стол. Наследники так торопились продать, что оставили в ящике какие-то открытки, рисунки, записи Таирова. За этим письменным столом Володя очень любил работать.

— Мне рассказывали, что он хотел в кабинете, прямо за спиной устроить стенку или ширму...

— Разговоры об этом были. В детстве, юности Володя жил в тесноте. Для занятий ему выделялся крошечный уголок. Даже в Матвеевском, где у нас была большая квартира, рабочий кабинет оставался маленьким. Видимо, это вошло в привычку: когда что-то за спиной, уютнее работать. Но вместе с тем я заметила, что для письма ему не нужны были какие-то особые условия. Он мог писать везде: в гостиницах, на теплоходе, на кухне, у друзей на даче, в гостях — всюду.

— Правда, что свои стихи он записывал на всем, что попадало под руку: клочках бумаги, пачках из-под сигарет, и поэтому многое из написанного утеряно?

— Это не совсем так. Действительно, если приходила нужная рифма, слово, он мог записать их на чем угодно, но потерять — никогда. Написанное второпях он тут же переписывал набело. Он вообще был очень аккуратным человеком, а в том, что касалось его творчества, особенно.

— Стало привычным, что в своих песнях Высоцкий откликался на разные явления нашего бытия, на неординарные проявления человеческого характера, на все, что выбивалось из общепринятого стереотипа или, наоборот, было очень уж характерной чертой для определенного слоя общества. Не важно, о чем и о ком он писал, чувствовалось, что это его волновало, не оставляло равнодушным. Но, странное дело, вы с ним так много поездили по свету, побывали в стольких странах, а в его творчестве это практически не нашло отклика. Много о нашей жизни и почти ничего о «той». Не задело? Не взволновало?

— Думаю, ты неправильно ставишь вопрос. Высоцкий писал не только песенки, как считают многие его почитатели. Кроме песен и стихов, которые не становились песнями, он писал прозу (на мой взгляд, отличную), сценарии, путевые очерки. Я читала — это добротные работы. В некоторых рассказано и о наших с ним путешествиях.

— Ты помнишь, как было написано его последнее стихотворение? «И снизу лед, и сверху. Маюсь между...»

— Конечно. Летом 1980 года Володя был у меня. Пришло время возвращаться ему в Москву, а я не могу ехать вместе с ним. Умирала от рака сестра Татьяна. Она долго и тяжело болела, лечилась, врачи, казалось, сделали все, что могли, но жить ей осталось несколько дней. Я должна была находиться рядом. А тут еще мои съемки в кино. В общем, настроение, сам понимаешь, какое.

Кажется, за день до отъезда в Москву Володя увидел на столе яркую рекламную карточку, какие у нас бросают в почтовые ящики, агитируя купить какую-нибудь вещь. Он повертел карточку в руках и начал что-то быстро писать между строк рекламного текста и на полях. Закончив, прочел. Мне стихи очень понравились. Говорю: «Подари мне». «Нет,— отвечает,— надо чуть-чуть подправить. Пришлю из Москвы телеграфом».

Действительно, кое-что исправил, прислал.

После его похорон я перерыла весь дом в поисках этой рекламной карточки. Знала, он не мог ее выбросить. И нашла. Теперь храню как самую дорогую память о нем.

Строки из этого стихотворения я впервые услышал во время панихиды в театре на Таганке. «Двенадцать лет я жив, тобой и господом храним...» Это о ней, о Марине. Тогда, в последние минуты прощания с Высоцким, ее было трудно узнать. Всегда неунывающая, уверенная в себе, а тут — убитый горем человек. Бросилась в глаза ранее не заметная седина. Я никогда бы не осмелился вернуть ее к тому тягостному дню, но, раз она сама вспомнила о нем, спросил:

— Прости, Марина, ты ожидала, что столько народа придет проститься с Высоцким?

— Знала, что будет много. Очень много. Но что столько — конечно, не думала. Я помню, когда Париж хоронил Эдит Пиаф, тоже было много людей. Ее у нас очень любили. Но провожать Володю пришло гораздо больше народа, хотя о его похоронах нигде официально не сообщали. Люди узнавали сами. Я так говорю сейчас, когда прошло столько лет, когда позже посмотрела хронику, фотографии и могу взглянуть на все как бы со стороны. А тогда я вообще мало что соображала. Все было, как в тумане. В голове стучало одно: Володя умер, Володя умер...

— У нас тут было много всяких разговоров по поводу памятника Высоцкому. Интересно твое мнение.

— На конкурс было представлено много различных проектов. Все было организовано очень демократично, и участие мог принять любой скульптор. Из всего, что демонстрировалось, мне больше всего понравился в виде вросшей в землю глыбы гранита, в которую врезался метеорит и от него брызги по камню. И выбито лишь одно слово: «ВЫСОЦКИЙ». Ведь и так все знали, кто он, когда родился, когда умер. А если кто-то не знал, значит, такому человеку это и знать не нужно. Это был бы памятник-символ, лаконичный, но говорил бы он гораздо больше, чем те, где хотели передать портретное сходство. Уверена, каким гениальным ни будь скульптор, он не сможет правильно передать Володю. Высоцкий был очень разным и многогранным человеком. Если кто-то хочет увидеть, каким он был в жизни, может посмотреть в кино. А в памятнике? Во всяком случае, в своей песне он прямо сказал, какой памятник он не хотел бы видеть на своей могиле. Он заранее высмеял всякую попытку добиться портретного сходства.

— Чем ты сейчас занята в Париже?

— Играю в театре, снимаюсь в кино. А вообще-то занимаюсь собой. Стараюсь вытянуть себя...

Марина сделала жест, будто тянет себя за волосы вверх. Я не совсем понял, спросил:

— Откуда ты хочешь себя вытянуть?

— Со дна...

— Как со дна?

— Так. Переживи, что пережила я,— поймешь. В один месяц потерять двух самых близких людей: сестру и мужа...

— До сих пор не можешь прийти в себя?

— Не могу... И, вероятно, окончательно не приду никогда. Сейчас стараюсь много работать, чтобы хоть как-то заглушить боль. Мне сильно повезло, что было много работы и тогда, летом восьмидесятого, и после.

— Что у тебя дома осталось в память о Володе?

— Книга его стихов «Нерв». Его фотопортрет из «Галилея». У меня он с первых дней нашего знакомства. Очень интересный портрет. Суровый. Володя стоит в профиль над горящей свечой...

А еще, естественно, его песни. Наши друзья разыскали и переписали все, что он когда-либо пел в театре, кино, на телевидении, в концертах и даже только в своем кругу.

— Ты часто слушаешь эти записи?

— Нет. Совсем нет. Я не могу слышать его голос, когда его уже нет в живых. Для меня это невыносимо.

Птичий рынок в том или ином виде есть почти в любом городе. И часто почему-то именно он подвергается гонениям...

ОЧЕЛО

Эдуард УСПЕНСКИЙ

Меня как-то пригласили в Голландию на симпозиум европейских писателей по теме «Книга в век телевидения, компьютеров и электроники». Среди докладов, которые были там сделаны, и такой: «Доживет ли книга до 1999 года?» На симпозиум не поехал, но дело в другом.

Дело в том, что сейчас на Западе да и у нас с каждым днем все меньше читают. Книгу заменяют видеофильмы, кассеты, комиксы.

Хорошо это или плохо? Кассета облегчает восприятие. Не надо напрягать фантазию, воображение, не надо предугадывать события, давать оценку поступкам. Информация с кассеты входит в человека, как информация в счетную машину. И если человечество ставит своей целью постепенную роботизацию людей: замену суставов металлическими, замену нервов проводами, замену глаз оптическими приборами, замену размышлений пересчетом вариантов, замену чувств оценками разных степеней,— тогда этот путь правильный.

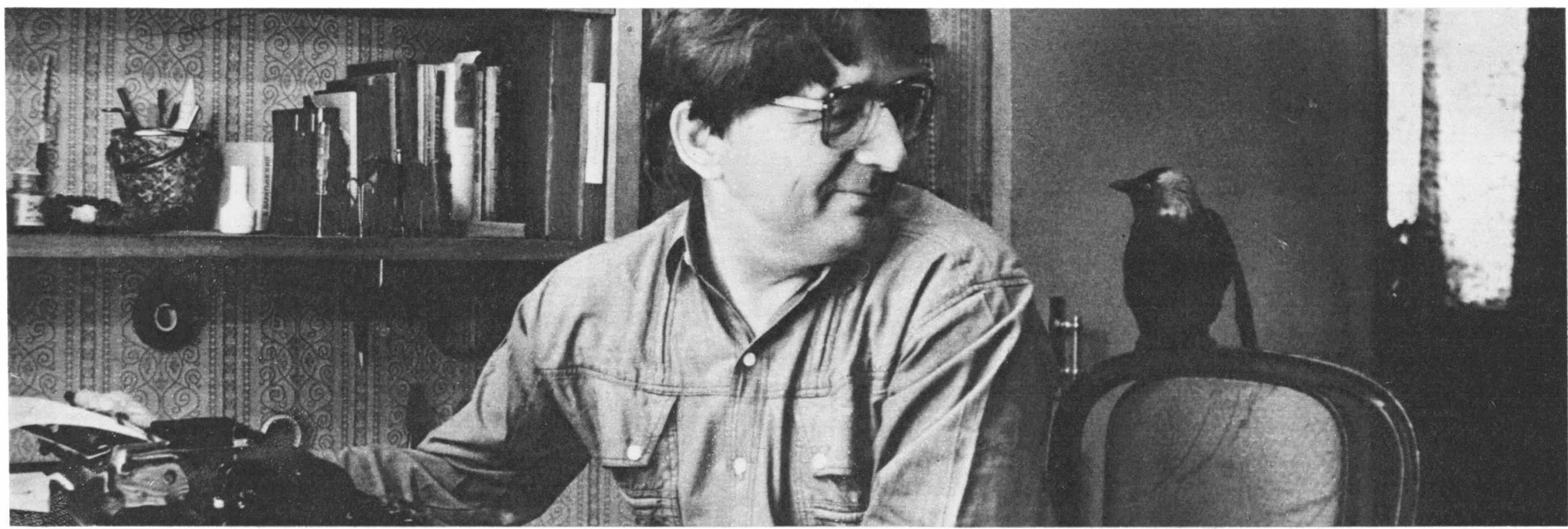
Если человечество хочет оставаться живым, теплым, пушистым, надо идти другим путем. Надо, чтобы эмоции не отмирали, а развивались.

И на этом пути чрезвычайно важно развивать у людей, у детей, у человечества любовь к живому. И здесь нам друг, и помощник, и педагог, и воспитуемый — «ПТИЧИЙ РЫНОК».

Смотрите, ведь сейчас не только меньше читают, но за последние несколько лет совсем исчезли живые уголки в больших городах при школах. Я думаю, что количество канареек и бойцовых петушков на душу детского населения тоже резко пошло на убыль.

Если на улицах стало больше со-

Э. Н. Успенский — известный поэт, писатель, сценарист, в настоящее время исполняет обязанности главного редактора Центральной студии детских и юношеских фильмов имени М. Горького.

ВЕЧИВАНИЕ ЧЕЛОВЕКА

бак, не обольщайтесь. Часто их заводят от одиночества, часто от повышенной черствости детей, желая их сделать более душевными. Или желая дать еще и живую игрушку, потому что от механических уже нет прохода.

Но вернемся к птичьему рынку. Он в том или ином виде есть почти в каждом городе. И часто почему-то подвергается гонениям.

Если сравнить зоомагазин любого города с его птичьим рынком, зоомагазин всегда проигрывает. Каким-то сиротством веет от самых центральных наших зоомагазинов. Два-три хомячка, блеклые гуппи, меченосцы, молинезии... И большое количество одинаковых клеток. Ни купить нечего, ни посмотреть не на что. И продавец — сирота.

Зато на рынке картина другая. В самых малообжитых городах стоят веселые продавцы, у них веселые рыбки в аквариумах. Есть всякие экзотические создания — от раков до цветных черепашек. Всякие корма. Дальше котята, щенята, кролики, куры. Подходи — покупай, получай консультацию!

— Только не фотографируй!— Опасаются...

И с этой маленькой площади (для таких мероприятий город почему-то выделяет самые захудалые углы) живая радость расходится по квартирам и домам, школам и общежитиям.

И изо всех сил надо поощрять этот вид человеческой деятельности.

В Америке среди детей фермеров проводятся соревнования на самого большого выкормленного хряка. В Финляндии тому, кто содержит лошадь, государство выплачивает стипендию. А чем мы можем гордиться в смысле выращивания общедоступных домашних животных? Тем же птичьим рынком. Какими-то неведомыми каналами, неисследованными тропками, несмотря на все гонения, туда стекаются самые диковинные малогабаритные зверюшки — черепашки со всех концов мира, там бывают самые экзотические рыбки, давно уже записанные в красные книги Непала и Таиланда. У местных продавцов выводятся и много раз в год дают потомство рыбы и земноводные, давно исчезнувшие с лица земли, за последними экземплярами которых снаряжаются целые экспедиции.

Да такой рынок к премии представить надо! А он существует на птичьих правах, постоянно меняющихся правилах.

Когда-то, когда я был студентом, я купил на рынке белку. Это была сибирская белка, усиленный экземпляр. С самого раннего утра она начинала перепиливать клетку, и клетка дребезжала и визжала под ее мощными зубами, как под циркулярной пилой, попавшей на гвоздь или крепкий сучок.

Выпущенная из клетки, эта белка немедленно перегрызала лишние, по ее мнению, провода и опрокидывала все вещи весом меньше шестидесяти килограммов.

Я снова понес ее на птичий рынок. А там изменились правила и запретили продажу белок. Меня могла бы спасти большая клетка с колесом, белка крутилась бы в ней и была бы занята делом. Но как раз тогда, когда эта клетка вам больше всего нужна, она немедленно исчезает из продажи. Потом вы будете встречать ее на каждом углу. (Этим свойством у нас пока обладают не только клетки, но и все остальные товары.)

Я пошел в зоомагазин:

— Купите у меня белку за полцены, а потом продайте тому, у кого нервы крепче или условия получше.

— Не имеем права.

— Почему?

— Потому.

С большим трудом я уговорил кассиршу дать мой телефон первым же представителям детского сада, желающим купить белку. И ее у меня забрали в первый же день. Как я не мог продать белку, так они никак не могли купить. И они, и я были долго счастливы. В этом саду при большом вольере белка была как нельзя более кстати. И, кажется, она прожила там сто лет.

А в самом деле, почему зоомагазины не могут принимать животных в комиссионную продажу? Более того, а почему бы эти зоомагазины не отдать в специальные зоокооперативные объединения любителей? Ведь мог бы быть «Зоомагазин общества голубеводов такого-то района» или «Магазин аквариумных рыб любителей завода «Стройдеталь».

Я придумал Чебурашку и долго ломал голову над секретом его популярности. Дети очень любят сильных героев: Илью Муромца, Ивана-царевича, старика Хоттабыча, побаиваются Фантомаса. Сильный герой — защитник и спаситель. Но каждый юный читатель сам хочет быть сильным, сам хочет быть защитником и спасителем. Поэтому он и полюбил Чебурашку.

Чебурашка, как и маленькая рыбка в аквариуме, как птенец попугайчика, делает ребенка добрее и сильнее.

Если мы хотим воспитать Илью Муромца, мы должны ему в детстве дать золотую рыбку, головастика, голубенка, жеребенка, щенка.

Но птичьему рынку все-таки везет. В душе каждого, даже самого бюрократичного взрослого живет ребенок. И поэтому взрослый не очень стремится уничтожать птичьи рынки по стране. А всем остальным умельцам во много раз хуже.

Куда деваться человеку, который может собирать необычные радиосхемы или малогабаритные тракторы? Они уже сразу рассматриваются бюрократическими чиновниками как люди, желающие подорвать государственную промышленность и стать миллионерами.

Но давайте пробовать. Может быть, все-таки за 70 лет нам удалось не всех поголовно сделать потенциальными акулами капитализма?

Мне кажется, пришла пора организовать в Москве Сувенирный рынок. Есть большое количество людей, умеющих делать классные сувениры из стекла, из ракушек, из перьев и всего, всего, всего. Так же, как есть большое количество людей, постоянно ломающих голову над вопросом, что бы подарить близким на день рождения.

Я уверен: в многомиллионном городе найдется столько умельцев и на свет выйдет такое богатство игрушек-талисманов, что проблема подарков будет снята с плеч местной промышленности, и она может смело заняться увеличением количества выпускаемых рельсов или матрасов. (Может быть, перестанет ржаветь металлолом по всем дворам.)

Когда-то в Москве усиленно функционировал рынок монет и значков. Его постоянно закрывали, переводили с места на место, разгоняли. Каждый раз он стягивал к себе не меньше тысячи молодых людей, занятых одной мыслью — улучшить свою коллекцию. Родители знали: если сын пойдет на этот рынок — полдня он будет занят хорошим делом. Там продают не поллитры, не ножи и кастеты, там идет деловая, живая, коллекционная жизнь, там можно многое узнать.

Но у нас как-то так устроено, что если собирается более двадцати человек, немедленно появляется активный «юноша» лет пятидесяти пяти и начинает продавать шариковые авторучки, зажигалки, запасные части к «Жигулям», сверла и все другое, что почему-то никак не хочет продавать Министерство торговли. Чтобы пресечь деятельность этого «юноши», закрываются общества коллекционеров, историков, клубы песен, книголюбов и т. д. ...

И вот уже тысяча любознательных юношей оказывается не у дел и начинает искать себе дела.

Слава богу, что в этих условиях жив еще ПТИЧИЙ РЫНОК! Спасибо, что его еще не закрыли.

Когда я пишу эту статью, около меня бегает и грызет мебель пятимесячный щенок ризеншнауцера, купленный на птичьем рынке. В клетке сидит и изредка говорит «Как дела?» попугай, купленный на птичьем рынке. А в углу светится аквариум, купленный в зоомагазине (приятное исключение) с рыбками, приобретенными все на том же птичьем рынке.

Есть у меня и стихотворение, написанное о нем:

Птичий рынок,
Птичий рынок!
Золотым июльским днем
Между клеток и корзинок
Ходим с папою вдвоем!..
Видим, рыбки продаются,
Плавники горят огнем.
Мы на рыбок посмотрели
И решили, что берем!..
И т. д.

Мальчику в стихотворении хочется купить рыбок. Хочется за ними ухаживать. Покупать корм, чистить аквариум, любоваться ими, выводить потомство.

А есть мальчики в жизни, которым этого уже не хочется. Это хлопотно, к этому нет тяги. Проще нажать кнопку магнитофона. И таких мальчиков и девочек становится все больше.

Нет... Если человечество встает на путь роботизации человека, тогда все правильно. Все меньше живого детям, все больше механического, радиотехнического.

Как удобно с роботами! Никаких уговоров и предложений — одни приказы. Никаких целей и стремлений, кроме указанных.

Человечество может развиваться и так. Но мне не по пути с этим путем. Если так будет складываться, я возьму попугая Стаса, щенка Астру и всех своих и уйду в сельское хозяйство производить ветошь для роботов или картофельный бензин.

Фото Вячеслава ПОМИГАЛОВА

СКОРО В «ОГОНЬКЕ»

Литературовед Владимир Лакшин и театровед Константин Рудницкий выступают на страницах девятнадцатого номера «Огонька» с материалами, которые связало между собой имя Михаила Афанасьевича Булгакова. По просьбе редакции В. Я. Лакшин передал свои записи встреч и бесед с Еленой Сергеевной Булгаковой, вдовой выдающегося писателя. К. Л. Рудницкий анализирует книгу Анатолия Смелянского «Михаил Булгаков в Художественном театре», ставшую одним из самых значительных литературных и театральных событий минувшего года.

●

«В своем салоне — сам себе хозяин. И план над тобой не висит, и над душой никто не стоит» — таково мнение Светланы и Юрия Трошиных, открывших собственный салон-парикмахерскую. О них и о многих других таллинцах, пробующих свои силы в индивидуальной трудовой деятельности, вы узнаете из «Огонька» № 20, прочтя очерк нашего специального корреспондента Льва Шерстенникова «Плюс предприимчивость!».

●

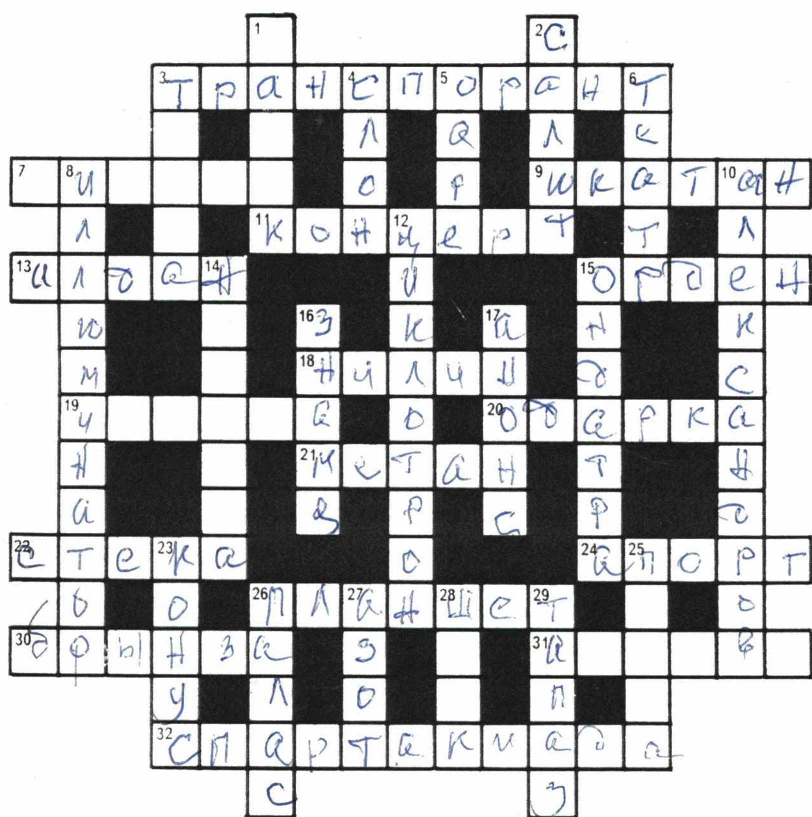
Выход каждой новой книги Виктора Конецкого — событие в литературном мире. Опубликовав в августе прошлого года произведения этого популярного писателя, «Огонек» получил огромную почту. Выполняя просьбы читателей, Виктор Конецкий предоставил редакции свои новые рассказы, с которыми вы сможете познакомиться в ближайших номерах журнала.

КРОССВОРД

По горизонтали: 3. Лозунг или изображение на ткани. 7. Декоративное травянистое растение, цветок. 9. Полуостров в Центральной Америке. 11. Публичное исполнение музыкальных произведений. 13. Приток Лены. 15. Государственная награда за особые заслуги. 18. Советский писатель, автор повести «Испытательный срок». 19. Фразеологизм. 20. Действующее лицо оперы С. С. Гулак-Артемовского «Запорожец за Дунаем». 21. Горючий газ, топливо. 22. Инструмент скульптора. 24. Сорт яблок. 26. Плоская сумка для карт. 30. Разновидность сыра. 31. Строфа. 32. Традиционные массовые спортивные соревнования.

По вертикали: 1. Стихотворение А. С. Пушкина. 2. Залпы, фейерверк в ознаменование праздника. 3. Порт в Румынии. 4. Шахматная фигура. 5. Река в Швейцарии. 6. Вид искусства. 8. Окно самолета, судна. 10. Композитор и хоровой дирижер, народный артист СССР. 12. Ускоритель протонов. 14. Персонаж романа М. Горького «Мать». 15. Пушной зверек. 16. Стяг, флаг. 17. Предварительное объявление о спектакле, лекции. 23. Геометрическое тело. 25. Город на севере Индии. 26. Безворсовый ковер. 27. Химический элемент, газ. 28. Соединительная деталь поршневой машины. 29. Драгоценный камень.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 17

По горизонтали: 5. «Товарищ». 8. Федерат. 9. Уланова. 10. Почеп. 12. «Дойна». 13. Кржижановский. 14. Аксай. 17. Аккорд. 19. Снежка. 20. Талантливость. 21. Купава. 22. Рельеф. 24. Наказ. 28. Классификация. 30. Сталь. 31. Ягода. 32. Теплица. 33. Киоскер. 34. Швеллер.

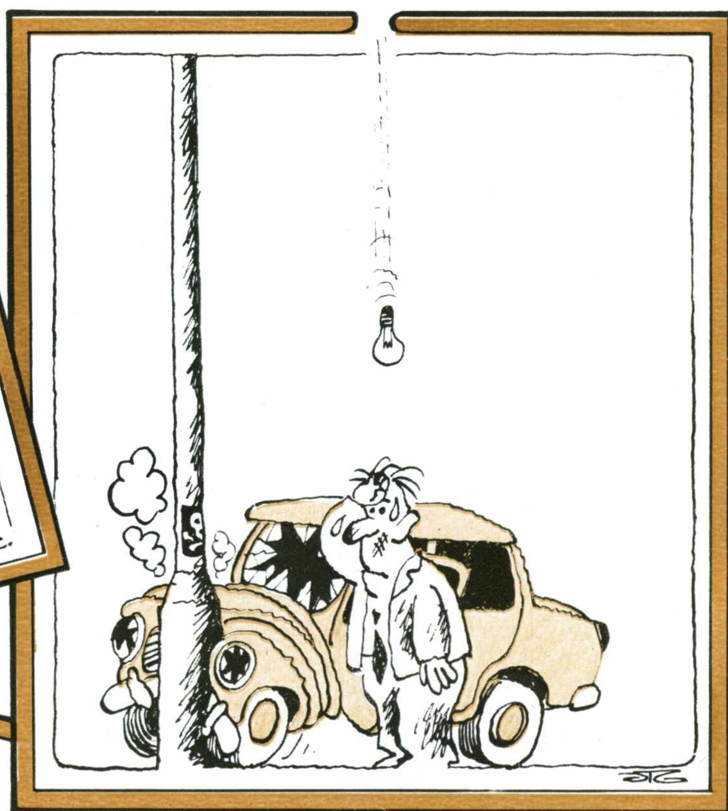
По вертикали: 1. Соколова. 2. Гашек. 3. Герой. 4. «Магнитка». 6. Щукин. 7. Янонис. 8. «Фауст». 11. Преподаватель. 12. Диалектология. 15. Картина. 16. Антигуа. 18. Драга. 19. Смотр. 21. Касаткин. 23. Фельдшер. 25. Кафель. 26. Осетр. 27. «Шалаш». 28. Класс. 29. Ягель.

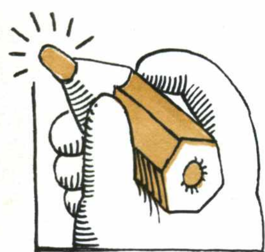

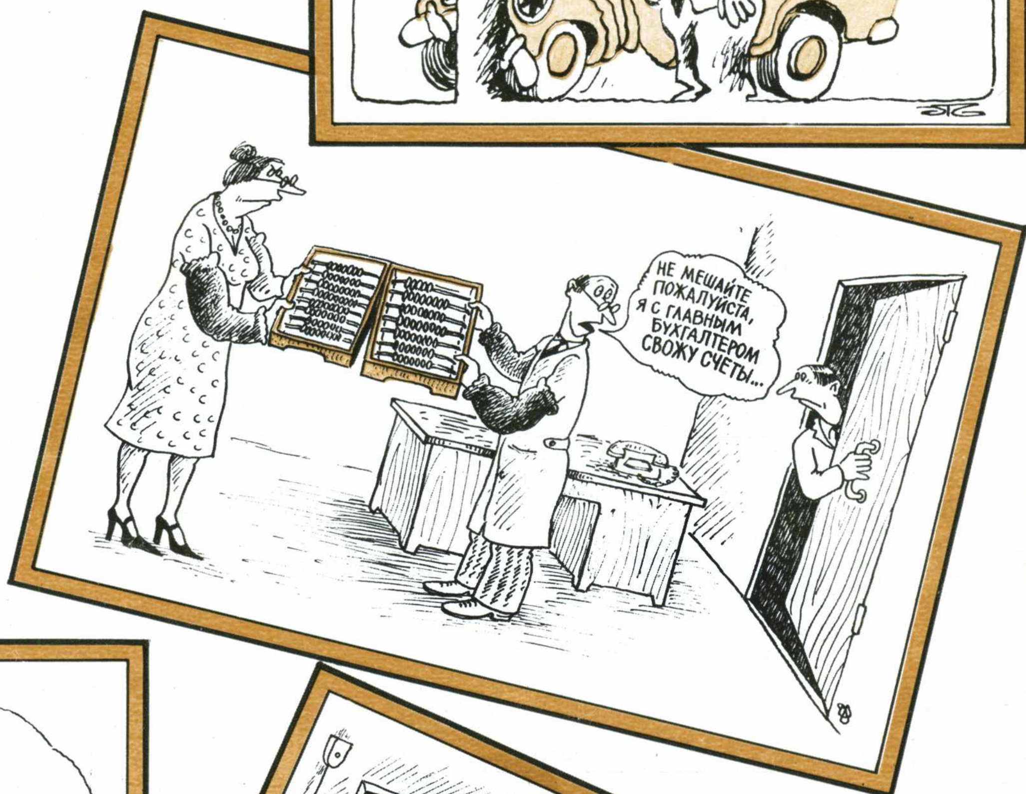
ОТ УЛЫБКИ СТАНЕТ ВСЕМ СВЕТЛЕЙ...

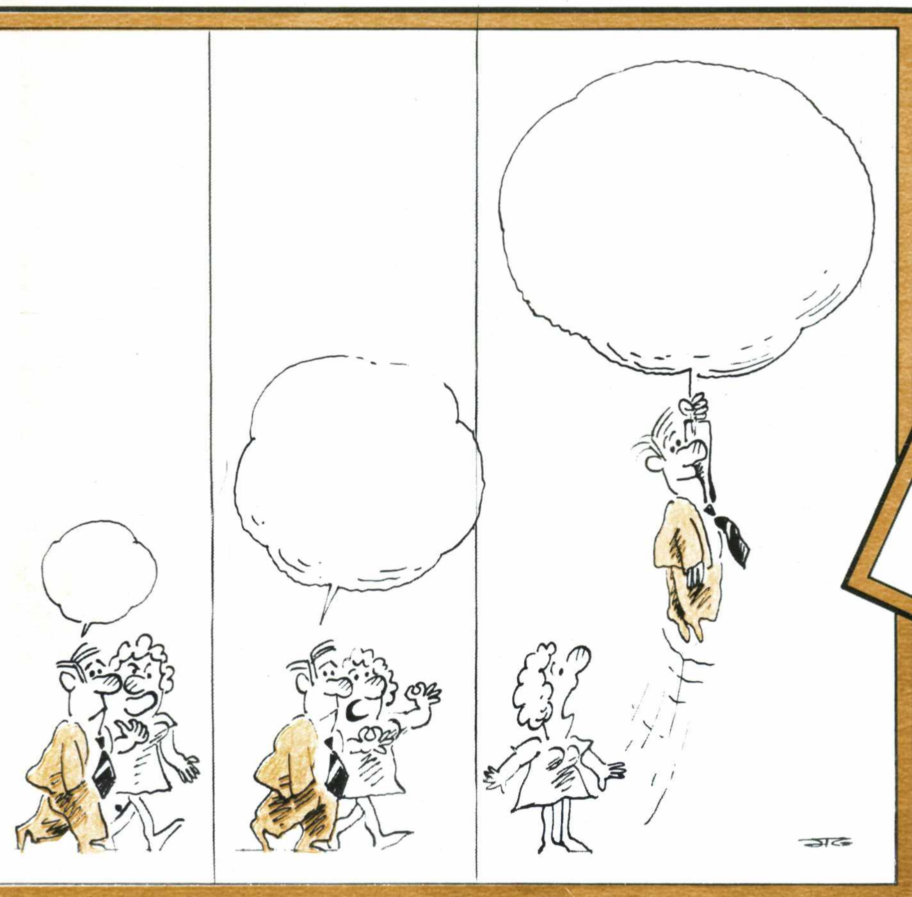

ДОБАВИМ: И ТЕПЛЕЙ!
ЗАТЯНУВШАЯСЯ В ЭТОМ ГОДУ ВЕСНА
ИСПЫТЫВАЛА НАС, УВЫ,
ДАЛЕКО НЕ ОДНИМ ПОХОЛОДАНИЕМ,
НО УЛЫБАТЬСЯ ЛЮДИ ДОЛЖНЫ
ПРИ ЛЮБОЙ ПОГОДЕ.
ХУДОЖНИКИ-ЮМОРИСТЫ
ДЕЛАЮТ ЭТО
В СИЛУ СВОЕЙ ПРОФЕССИИ,
А МЫ С ВАМИ —
ГЛЯДЯ НА ИХ РИСУНКИ.
СПАСИБО ЗА УЛЫБКУ!

Рисунки
Василия ДУБОВА
и Олега ТЕСЛЕРА

Цена номера 40 коп.

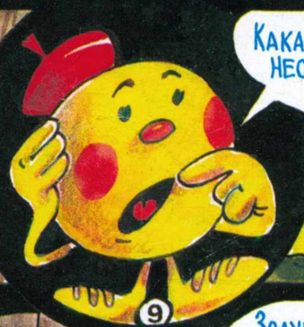

Индекс 70663 ISSN 0131—0097